

К ВОПРОСУ О КРАТКИХ ДИФТОНГАХ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

С. Ю. Комиссарчик

Обычно считают, что в древнеанглийском языке наряду с долгими дифтонгами, восходящими к западногерманским дифтонгам, существовали и краткие дифтонги, образовавшиеся в результате определенных звуковых изменений¹. И те и другие одинаково выражались на письме в виде диграфов (*ea, eo, io, ie*). За последние двадцать с лишним лет в ряде работ существование кратких дифтонгов как отдельных фонем было подвергнуто сомнению. Такие взгляды основываются на том, что так называемые краткие дифтонги встречаются в вполне определенных позициях, при этом распределение диграфов и соответствующих однобуквенных написаний близко к дополнительному. В других работах доказывалась справедливость традиционной точки зрения о наличии в древнеанглийском двух рядов дифтонгов — долгих и кратких. Эти взгляды основываются на непоследовательности в дополнительном распределении графем, а также на последующей истории древнеанглийского вокализма. Все эти работы приняли характер своеобразной длительной дискуссии, незаконченной по сей день. Целью настоящей статьи является рассмотрение этих работ.

Начало дискуссии было положено М. Донт, которая в 1939 г. выступила с большой статьей о звуковых изменениях в древнеанглийском, рассматриваемых в связи с традициями и практикой писцов². По мнению Донт, за немногими исключениями, единственными истинными дифтонгами в древнеанглийском были долгие дифтонги, диграфы же в таких словах как *healf, heorte, liomu, ierge* представляли собой монофтонги, обусловленные варианты фонем /*ae*/, /*e*/ и /*i*/.

Донт считает, что практика писцов интерпретировалась до сих пор неправильно. Древнеанглийское письмо было, по ее мнению, не фонетическим, а традиционным. Большое значение Донт придает влиянию ирландской орфографической системы, в которой наряду с прочими особенностями (автор усматривает в них параллелизм с древнеанглийской системой письма) гласные перед определенными согласными использовались как диакритики, выражая лишь некоторое качество согласного. Донт считает, что вообще при интерпретации древнеанглийских написаний слишком большое внимание уделяется гласным, в то время как следовало бы пересмотреть такую точку зрения в пользу согласных³.

¹ H. Sweet. *History of English Sounds*. Oxford, 1888; K. Bülbring. *Altenglisches Elementarbuch*, Heidelberg, 1902; K. Lück. *Historische Grammatik der englischen Sprache*, Leipzig, 1914—21 и др.

² M. Daunt. *Old English Sound Changes Reconsidered in Relation to Scribal Tradition and Practice*. *Transactions of the Philological Society*, 1939, стр. 108—137.

³ К такому же выводу позднее приходит А. Решкевич (см. далее).

Явления, связанные с глайдами, Донт считает гораздо менее важными и гораздо более неопределенными, чем принято думать. Приведа для сравнения такие слова современного английского языка как *field*, *milk*, в которых слышится определенный глайд, но не усматривается наличия дифтонгов-фонем, Донт делает вывод, что в древнеанглийском кратких дифтонгов, как отдельных фонем, не существовало.

Исходя из своей интерпретации диграфов, автор приходит в выводу, что таких звуковых изменений, как преломление, дифтонгизация после палатальных согласных и заднеязычный умлаут, никогда не было. Вместо этих звуковых изменений постоянно действовали некоторые факторы, главным из которых была прогрессивная палатализация, продолжавшаяся в течение сотен лет и охватившая как гласные, так и согласные. Хотя Донт и не представила убедительных доказательств в пользу новой точки зрения, однако ее статья побудила пересмотреть ряд спорных вопросов древнеанглийской фонологии.

Независимо от Донт аналогичная трактовка древнеанглийских диграфов была дана Ф. Моссе¹. В диграфах, соответствующих кратким дифтонгам, первый элемент после палатализованной и второй перед веляризованной согласной представляют собой, по мнению Моссе, диакритические знаки, которые указывают на палатальное, велярное или огубленное произношение соседней согласной. Моссе также считает, что именно ирландцы научили англо-саксов обозначать на письме звуки своего языка. Отсюда должно следовать, что в древнеанглийском, как и в древнеирландском некоторые гласные могли применяться в качестве диакритиков. Правда, с другой стороны, Моссе утверждает, что эти буквы могли иметь значение глайдов, которые в произношении не сохраняются. Только в случае долгих гласных эти глайды могут приобрести большее значение и тогда диграфы *ea*, *eo*, *io* являются дифтонгами, аналогичными долгим дифтонгам². Таким образом, трактовка Моссе диграфных написаний сходна с интерпретацией Донт. Однако, в противоположность Донт, Моссе не делает попытки согласовать свою точку зрения на диграфы с звуковыми изменениями древнеанглийского языка и рассматривает последние в обычном плане.

В 1951 г. была сделана новая попытка анализа диграфных написаний, на этот раз представителями дескриптивной лингвистики Р. Стокуэллом и К. Бэрриттом³. Авторы ограничились при этом рассмотрением одного диграфа *ea*. Исследуя древнеанглийские источники с написаниями *æ*, *ea* и *a*, они пришли к выводу, что *æ* и *ea* являются графическими вариантами, представляющими одну и ту же краткую фонему.

По мнению Стокуэлла и Бэрритта, одним из доказательств этого является одинаковое развитие в среднеанглийском *æ* и *ea*, дающих фонему (*æ*) в новоанглийском. Другим доказательством служат данные распределения, которые авторы характеризуют в целом как «неконтрастное». Фонетически диграф *ea* соответствует заднеязычному, а *æ* — переднеязычному аллофону. Эта интерпретация выводится из данных окружения при преломлении. При дифтонгизации после палатальных, согласных Стокуэллу и Бэрриту, *æ* и *ea* не отличались ни как фонемы, ни как аллофоны.

Наличие некоторых минимальных пар с противопоставлением *ea* : *æ* авторы считают исключением и объясняют эти пары либо как застыв-

¹ F. Mossé. *Manuel de l'anglais du moyen âge*, v. I. Vieil-anglais, Paris, 1945.

² Здесь имеются в виду результаты звуковых изменений в случае долгих передних гласных.

³ R. P. Stockwell and S. W. Barritt. *Some Old English Graphemic-Phonemic Correspondences*. *Studies in Linguistics, Occasional Papers*, No. 4, Wash., 1951.

шие формы — морфографемы (например, элемент æI в собственных именах), либо как формы, возникшие вследствие метатезы. Противопоставление в этих парах представляется авторам чисто случайным явлением, обусловленным хронологией и традицией. Они считают, что небольшое количество написаний не может свидетельствовать об истинном фонематическом противопоставлении.

Стокуэлл и Бэрритт считают нужным пересмотреть звуковые изменения древнеанглийского языка в отношении хронологии и частично перепределяют их. Главные изменения в хронологии сводятся к тому, что i -умлаут относится к более раннему периоду, чем дифтонгизация после палатальных, а заднеязычный умлаут — к более раннему периоду, чем i -умлаут.

В своих рассуждениях Стокуэлл и Бэрритт исходят из того, что из четырех возможных различных типов гласных (силлабических ядер) в языках может встречаться не более трех. Так как древнеанглийский — реально существовавший язык, то, по мнению Стокуэлла и Бэрритта, в нем не должно было быть четырех типов гласных.

В 1952 г., через 13 лет после статьи Донт, была опубликована статья М. Сэмюэлза, в которой точка зрения Донт на краткие дифтонги подвергается критике¹. Сэмюэлз считает предпочтительней обычную трактовку диграфов как кратких дифтонгов. По его мнению, можно доказать, что дифтонги, сначала обусловленные, развились в дифтонгиальные фонемы. Для этого нужно показать, что глайд, например, при преломлении, принадлежал предыдущему гласному. При этом не исчезало темное качество последующего согласного и не возникали новые сочетания передних гласных и темного согласного. В статье указывается, что такие процессы, хотя и в ограниченных пределах, могли иметь место в древнеанглийском. В обычную точку зрения Сэмюэлз вносит некоторые изменения. Так, он утверждает, что дифтонги не достигли фонематического статуса, пока не завершился i -умлаут. При этом преломление лучше рассматривать как процесс, протекающий одновременно с i -умлаутом, и может быть, даже зависящей от него. Мало вероятно, по мнению Сэмюэлза, возможность непосредственного ирландского влияния на орфографию древнеанглийского.

В ответной статье Донт² повторяет свои доводы и приходит к выводу, что проблема орфографической системы древнеанглийского не была полностью и реалистически исследована.

Наиболее последовательная критика работ Донт, Моссе, Стокуэлла и Бэрритта содержится в статьях Ш. Куна и Р. Куэрка. Первая из них была опубликована в 1953 году³.

Подробно разбирая все три трактовки, сходящиеся на том, что различие в написании æ и ea не отражает фонематического различия, Кун и Куэрк указывают на их непоследовательность. Она сказывается, во-первых, в фонетической интерпретации диграфных написаний: в одних случаях они считаются простыми гласными + диакритики, в других — обусловленными дифтонгами, — во-вторых, в том, как связываются диграфные написания с фонетическими изменениями древнеанглийского. Кун и Куэрк критикуют Моссе, который не согласует своей теории с звуковыми изменениями, а также доказывают неправильность перестано-

¹ M. Samuels. The Study of Old English Phonology. Transactions of the Philological Society, 1952, стр. 14—47.

² M. D a u n t. Some Notes on Old English Phonology. Transactions of the Philological Society, 1952, стр. 48—54.

³ Sh. M. Kuhn and R. Quirk. Some Recent Interpretations of Old English Digraph Spellings. Language, v. 29, 1953, стр. 143—156.

вок, внесенных Стокуэллом и Бэрриттом в порядок звуковых изменений. Что касается мнения Донт о том, что нужно отбросить весь ряд звуковых изменений и заменить его общей прогрессивной палатализацией, то, по мнению Куна и Куэрка, такая замена аморфной теорией ряда точно описанных звуковых изменений является отступлением от принципов исторического языкознания и лишает исследователей опоры.

Кун и Куэрк также критикуют априорные схемы, лежащие в основе рассматриваемых теорий, например три типа силлабических ядер у Стокуэлла и Бэрритта, невозможность противопоставления кратких и долгих дифтонгов в языках у Донт.

Кун и Куэрк считают недоказанным ирландское влияние на орфографию древнеанглийского. По их мнению, неправильно, исходя из установленного факта, что ирландцы обучали англичан писать по-латыни, делать вывод, что они обучали англичан также писать по-английски. Неубедительными представляются авторам и параллели между орфографическими системами этих языков, которые приводятся в статье Донт. Употребление диакритических знаков в древнеирландском определяется природой согласного, а не гласного, как это должно было иметь место в древнеанглийском, если считать вторые элементы диграфов диакритиками. Авторы отрицают тождественность развития *æ* и *ea*, *e* и *eo* в среднеанглийском, приводя много примеров неодинакового развития рефлексов *æ* и *ea*, *e* и *eo* по материалам собственных имен, собранных Боманом и Халлквистом, а также по рукописи Бодли 34.

По мнению Куна и Куэрка, в самих древнеанглийских источниках существует много форм, которые не были учтены в рассматриваемых работах и которые показывают, что обусловленные дифтонги отличались от простых гласных. К таким формам авторы относят прежде всего совпадение *io* с *eo*: написание *io* было обычно заменено *eo* в IX веке. Если бы диграфные написания представляли собой простые гласные, то такое явление можно было объяснить только как совпадение [e] и [i]. Тогда нужно объяснить, почему [e] и [i] не совпали в других позициях. Кроме того, *ea* и *eo* при удлинении ведут себя так же, как и долгие *ea* и *eo*. Но если *ea* и *eo* не дифтонги, то непонятно, как удлинение [ea] и [e], вызвав дифтонгизацию в этих позициях, не вызвало ее в других. Приведенные доводы авторы считают фонетическими. В качестве доводов о фонематическом различии авторы приводят многочисленные случаи нарушения дополнительного распределения, формы по аналогии, а также ряд минимальных пар. Небольшое количество минимальных пар объясняется, по их мнению, тем, что дифтонги вначале возникали как аллофоны кратких передних гласных. Но упрощение некоторых сочетаний согласных, утрата неударных гласных и позднейшие заимствования из латыни сделали возможным появление таких пар. Кроме минимальных, авторы приводят также некоторые аналогичные пары (*swealmes*: *aelmes*, *ears*: *baers* и др.).

В том же году появились еще две работы — К. Бруннера и А. Решкевича. В своей статье «Древнеанглийские гласные фонемы»¹ К. Бруннер касается только работ Донт и Сэмюэlsa. Он пессимистически относится к разрешению проблемы фонематической значимости звуковых изменений, полагая, что это не имеет первостепенного значения, так как мы едва ли когда-нибудь сможем читать древнеанглийские тексты так, как это делали авторы и писцы. Главное возражение против взглядов Донт и Моссе Бруннер усматривает в том, что диграфы не используются для обозначения долгих гласных, за исключением позиции перед [x], а ведь

¹ K. Brunner. The Old English Vowel Phonemes. English Studies, v. 34, No 6, стр. 247—251.

темная артикуляция **г** и **l** должна была существовать также после них. То же самое относится и к заднеязычному умлауту, так как и здесь диграфы никогда не обозначали долгих гласных, хотя и в этом случае предполагается темное произношение последующего согласного. Только в случае предшествующей палатальной фонемы диграфы, по мнению Бруннера, указывают на палатальное произношение этой согласной. В отношении хронологии звуковых изменений Бруннер, как и многие другие исследователи, считает, что преломление началось раньше **i**-умлаута.

В статье А. Решкевича¹ сделана попытка доказать, что краткие дифтонги не являются отдельными фонемами, отличными от кратких гласных, между тем как графемы **г** и **l** представляют собой две фонемы каждая. Автор считает, что **æ** и **ea** не могут соответствовать отдельным фонемам, так как тогда следовало постулировать фонему, которая бы встречалась в ограниченном количестве позиций и противопоставлялась бы контекстуально только в некоторых из них. Рассматривая, например, минимальную пару **ægn** : **eaen**, Решкевич считает, что из трех возможных трактовок: 1) два слова являются омофонами, 2) **æ** и **ea** — различные фонемы, 3) два **г** без различия в написании представляют собой две различные фонемы **г₁** и **г₂** — следует выбрать последнюю.

Статья Решкевича представляет интерес, как попытка замены одной системы фонем другой. Однако новая система фонем не представляется более законной, т. к. в качестве одного из доказательств ее существования приводится положение о том, что **æ** и **a** являются представителями одной фонемы. А это само по себе нуждается в доказательстве.

В 1955 г. была опубликована вторая статья Стокуэлла и Бэрритта², являющаяся ответом на статью Куна и Куэрка. В ней авторы признают много правильного в критике своих оппонентов и отказываются от некоторых положений, выдвинутых в предыдущей работе, а также уточняют ряд других. Однако в главном пункте авторы остаются на прежней позиции. По их мнению, немногочисленные противопоставления, представленные минимальными парами, недостаточны для того, чтобы расстроить их структурную гипотезу.

В ответной статье Кун и Куэрк³ снова выражают свое несогласие с основными выводами Стокуэлла и Бэрритта. По их мнению, рассматриваемые минимальные пары древнеанглийского хотя их и немного, сохраняют свою значимость. Немногочисленность таких пар становится понятной, если учесть, что это был язык высокофлективный, с небольшим сравнительно числом заимствований из других языков и словарем, сохранившимся лишь частично. Общий вывод сводится к тому, что нельзя отбросить минимальные пары, наличие контрастного распределения, а также различную историю звуков в среднеанглийском только потому, что это противоречит формальному критерию простоты. Между прочим Кун и Куэрк подчеркивают важную роль удлиняющих сочетаний, которые заставляют **ea** вести себя так же, как и **ea**, что должно свидетельствовать о разной фонематической значимости **ea** и **æ**.

Несмотря на кажущееся решение вопроса о кратких дифтонгах древнеанглийского, дискуссия продолжалась. В 1959 г. была опубликована

¹ A. Reszkiewicz. The Phonemic Interpretations of Old English Digraphs. BPTJ Z. XII, 1953.

² R. P. Stockwell and C. W. Barritt. The Old English Short Digraphs. Some Considerations. Language, v. 31, 1955, стр. 372—389.

³ Sh. M. Kuhn and R. Quirk. The Old English Digraphs. A Reply. Language, v. 31, 1955, стр. 390—401.

статья Ч. Хоккетта¹, в которой вопрос о диграфных написаниях рассматривается заново. Традиционный анализ Куна и Куэрка автор считает неправильным. В статье исследуются Веспасианская Псалтырь и Гимны.

В отношении диалекта древнеанглийского, представленного в этих памятниках, автор стремится доказать следующие положения для краткого вокализма: 1) диграфы **ea**, **eo**, **io** представляют наряду с другими значениями краткие единицы (syllabics), фонематически отличные от единиц, обозначенных на письме **æ**, **e** и **i**; 2) эти краткие единицы, структурно соответствовавшие кратким гласным, следует считать монофтонгами. В системе фонем этого диалекта они противопоставляются как задние неогубленные передним.

Доказательством первого положения служат регулярные отличия диграфных написаний от соответствующих однобуквенных. Несмотря на существующую тенденцию рассматриваемых диграфов к дополнительному распределению с соответствующими однобуквенными написаниями, многочисленны случаи, когда диграф стоит перед согласной, за которой следует передняя, а не задняя гласная. Приводятся также слова с монофтонгом в позиции преломления. Особенно многочисленными и последовательными являются данные для **e : eo**, меньше примеров для доказательства противопоставлений **i : io** и **æ : ea**.

Гипотеза Хоккетта относительно древнеанглийского письма, которая, по-видимому, основывается на теории, сформулированной В. Трнкой², сводится к тому, что любое регулярно соблюдаемое различие в написании либо не соответствует никакому различию в произношении писца, либо соответствует фонематическому противопоставлению. Другими словами, аллофонические различия в произношении на письме не отражаются.

Основываясь на этой гипотезе, автор считает, что если бы, например, **e** и **eo** не представляли для писца фонематически отличных единиц, то мы обнаружили одно из двух: либо какое-то определенное основание для выбора графемы, либо совсем произвольное распределение. Так как мы не находим ни того, ни другого, то **e** и **eo** должны представлять собой различные фонемы. Аналогично решается вопрос для противопоставлений **i : io** и **æ : ea**.

Для доказательства своего второго положения Хоккетт рассматривает всевозможные значения диграфов и приходит к выводу, что характерным для древнеанглийского является соответствие диграфа монофтонгу. Кроме диграфов **ae** и **oe**, заимствованных из латыни, Хоккетт очень остроумно доказывает, что и буква **y** также изображает монофтонг, представляя собой лигатуру. Хоккетт считает, что не только в этих трех случаях (**ae**, **oe**, **y**) диграфы представляют собой монофтонги, но также и в случаях с **io**, **eo**, **ea**. Хоккетт считает эту точку зрения по крайней мере равновероятной наряду с традиционной дифтонгиальной.

Вопросу о практике древнеанглийских писцов посвящена и статья Стокуэлла и Бэррита³, в которой авторы полемизируют с Хоккеттом. Стокуэлл и Бэррит полагают, что говорящие на данном языке действительно различают только фонемы на письме. Исключением из этого могут быть следующие особые условия: когда письмо вводят иностранцы, и когда существует тщательная система обучения новых поколений писцов.

¹ Ch. F. Hocheit. The Stressed Syllabics of Old English. Language, v. 35, 1959, стр. 575—597.

² См. В. Trnka. O analogii v strukturálním jazykozpytu. „Slovo a slovesnost“, II, 1936, стр. 221—222.

³ R. Stockwell and C. Barritt. Scribal practice: Some Assumptions. Language, v. 37, 1961, стр. 75—82.

В первом случае наблюдаются тенденции к тому, чтобы передать что-то лишнее на письме, и к тому, чтобы чего-то не передать. Во втором случае, чем больше развита система образования, тем меньше шансов, чтобы фонематическая система написания осталась фонематической (при изменении языка), или чтобы она стала фонематической, если таковой не была. Стокуэлл и Бэрритт считают, что в Англии того времени (VIII—X вв.) существовала развитая система образования, и письмо поэтому было традиционным. Хотя нет прямых доказательств, аллофоны, по их мнению, находили выражение на письме. Авторы считают, что *æ* и *ea* представляли одну фонему, так как это противопоставление непродуктивно в дальнейшей истории языка. Противопоставления *i* : *io* и *e* : *eo* стали фонематическими к раннему среднеанглийскому периоду.

В статье Куна¹ делается попытка описать древнеанглийские гласные фонемы с точки зрения «традиционных» лингвистов. В статье рассматривается дописьменный период (700 г.) и различные диалекты древнеанглийского. Приводятся дополнительные данные в пользу традиционного рассмотрения кратких дифтонгов как фонематических единиц. Относительно практики писцов Кун выражает уверенность в том, что древнеанглийская система письма (как и любая другая система, основанная на алфавите, используемая для языка до изобретения словарей), является примерно фонематической, иначе она бы представляла собой какой-то замысловатый шифр, непонятный без специального ключа к нему.

На основании рассмотренных работ² можно прийти к выводу, что вопрос о существовании в древнеанглийском кратких дифтонгов как самостоятельных фонем до сих пор не является решенным. Однако диграфы, этимологически соответствующие кратким дифтонгам, по-видимому, представляли фонематические единицы, отличные от тех, которые представлены однобуквенными написаниями.

Для решения вопроса о фонематическом статусе кратких дифтонгов нужно прежде всего более полно исследовать распределение диграфных написаний в различных диалектах древнеанглийского. Также подлежит уточнению вопрос о практике древнеанглийских писцов. Вероятно, нужны какие-то обоснованные предположения относительно древнеанглийского письма, которые подтверждались бы употреблением большинства графем. К сожалению, до сих пор значения диграфов как бы попадали в область «ошибки измерения».

В рассматриваемых работах почти не учитываются парадигматические факторы. В большинстве статей не приводится система гласных древнеанглийского. Только в статье Хоккетта говорится о том, что система гласных с краткими дифтонгами была бы более симметричной, но тут же добавляется, что такая система не является обязательной. По-видимому, более полное выявление системных факторов также должно пролить свет на проблему кратких дифтонгов.

¹ Sh. Kuhn. On the Syllabic Phonemes of Old English. *Language*, v. 37, 1961, стр. 522—538.

² В последнее время вопрос о кратких дифтонгах затрагивается и в некоторых работах советских лингвистов. В этих работах в качестве исходного пункта принимается система фонем с краткими дифтонгами и исследуются факторы, которые могли повлиять на становление такой системы. См., например, Я. Б. Крупаткин. К истории древнеанглийской системы гласных; «Вопр. языкозн.», 1962 г., № 6. См. также С. Ю. Комиссарчик. К системе кратких гласных фонем древнеанглийского языка. «Вопросы лексики и фразеологии английского и немецкого языков», вып. 1, Харьков, 1964.

ОБ ИНТОНАЦИИ НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ*К. И. Ланецкая*

В работах, посвященных вопросу о неполных предложениях, указывается, что отсутствующие (или неназванные) их члены ясны из ситуации или контекста. Смысл неполного предложения передается достаточно полно имеющимися в нем лексическими и синтаксическими средствами. Большое значение при этом имеют также мимика, жесты и особенно интонация.

А. М. Пешковский писал, что интонация может равноправно участвовать в образовании грамматических значений. Комбинируясь со словами, она может создавать предикативность¹. К грамматическим средствам интонационные средства относятся по-разному: они могут более или менее случайно наслаиваться на грамматические или же органически сочетаться с ними. А. М. Пешковский называет интонацию одним из факторов, создающих неполноту предложения, так как при помощи интонации возможно выражение тех или иных представлений².

Но не только эту роль играет интонация в неполном предложении. При наличии других факторов, создающих неполноту предложения, интонация выражает всевозможные смысловые оттенки предложений, придавая им различную эмоциональную окраску.

Л. В. Щерба ставил фонетику в особое положение в системе языка. Он говорил, что фонетика противопоставляется не только грамматике, но и лексике; однако значение фонетических средств для синтаксиса отмечал и он. Вслед за А. М. Пешковским и Л. В. Щербой советские языковеды³ подчеркивают большую роль интонации при оформлении предложений. Интонация всегда присутствует в предложении, ее нельзя отделять от грамматики. Некоторые смысловые оттенки могут передаваться только интонационными средствами, т. е. интонация может быть единственным средством различия смысла.

Советские лингвисты употребляют термин «интонация» в широком смысле (сюда входят мелодика, ударения, паузы, темп, сила, тембр) и считают, что в формировании предложения главную роль играют ударение и мелодика. Немецкие авторы часто сводят понятие интонации к мелодии. Так, О. Эссен, присоединяясь к мнению Э. Германа, утверждает, что только мелодия, а не форма определяет смысл предложения. Эссен пишет, что в процессе общения людей создались определенные ме-

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Учпедгиз, М., 1956.

² Там же, стр. 397.

³ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Изд-во ЛГУ, Л., 1959; М. Г. Кравченко. Членение простого повествовательного предложения в современном немецком языке. Канд. дисс., ЛГУ, 1953; К. П. Карпов. Интонация простого повествовательного предложения в современном немецком языке. Канд. дисс., М., 1953.

лодические формы, которые в пределах данного языка стали всеобщей привычкой и передаются из поколения в поколение. Он различает *Sprechmelodie* — мелодические образцы, являющиеся непосредственным выражением душевных (психических) процессов, и *Sprachmelodie*, или интонацию — мелодические образцы, которые стали общеязыковыми образцами данного общества, данного языка (интонацию Эссен определяет как языковую мелодизацию). В какой степени представители данного языка используют эти правила интонации, зависит от внешней и внутренней ситуации речи. О. Эссен уделяет большое внимание также ударению, но важнейшим средством смыслового оформления предложения он считает мелодию: «Можно правильно распределить степени ударения на членах предложения и все же исказить или нарушить смысл всего предложения, если применить неподходящую по смыслу мелодию. Поэтому при изучении языка необходимо особое внимание уделять мелодии»¹.

Интересна в теоретическом отношении работа К. Бооста². Он определяет предложение как органическое единство: смысловое, грамматическое и звуковое (или интонационное). Смысловая и грамматическая стороны не обладают способностью создавать поле напряженности, характерное для предложений, его может создать только звуковая (интонационная) сторона (интонацию Боост понимает только в смысле мелодии). Интонация указывает на то, что сообщение еще не закончено и будет продолжено. Таким образом создается напряженность, которая поддерживается до тех пор, пока говорящий не закончит предложение и не ослабит ее.

Для немецкого предложения характерна напряженность, возникающая с произношением первого слова предложения, которая поддерживается во всем предложении и прекращается только в его конце. Всякое преждевременное ослабление напряженности рассматривается как нарушение правил немецкого языка. Построение и членение немецкого предложения должно проводиться исходя из принципа интонационной напряженности.

У фонетистов встречаются термины для немецкой мелодии — „*Weiterweisende Melodie*” — восходящая мелодия, обозначающая незаконченность высказывания, и „*Abschließende Melodie*” — понижение тона, обозначающее законченность высказывания. Очевидно, „*Weiterweisende Melodie*” и есть средство создания напряженности в немецком предложении.

Мелодии свойственны различные функции в языке, но все они выполняют одну задачу — смысловое оформление предложения; будет ли это создание напряженности в предложении, членение ли предложения, выражение эмоциональных оттенков или формирование синтаксического типа предложения. Ее употребление в языках не одинаково. Например, в немецком и русском языках мелодизация различных видов предложений различна. Об этом можно найти замечания почти во всех учебниках фонетики немецкого языка и в специальных работах. О. А. Норк³ на основании экспериментальных данных подробно анализирует некоторые отличия в ударении и мелодизации в немецких и русских предложениях. В ее работе говорится, что синтаксическая и морфо-

¹ Otto v. Essen. Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. Ratingen (Düsseldorf), 1956, стр. 12.

² K. Boost. Neue Untersuchungen zum Wesen und Struktur des deutschen Satzes (Der Satz als Spannungsfeld). Berlin, 1955.

³ О. А. Норк. Некоторые особенности интонации немецкого языка (сравнительно с русским). «Уч. зап. Военного ин-та иностр. яз.», т. 6, М., 1948.

логическая структура языка в значительной мере определяет его интонационную структуру. Но последняя не всегда определяется синтаксисом и морфологией, поскольку существуют и национальные особенности фразовой мелодики.

Установлено, что в немецком языке широко распространена чисто восходящая и чисто нисходящая мелодия, а в русском — восходяще-нисходящая и нисходяще-восходящая. Чисто восходящая мелодия в немецком языке может употребляться в вопросительных предложениях, в начальных и срединных синтагмах любого предложения. Для немецких побудительных или повелительных предложений характерна нисходящая мелодия (в конце его). О. Эссен пишет, что нисходящая мелодия придает этим предложениям характер строгого приказа или требования. В таком же предложении может быть употреблена восходящая мелодия, и тогда оно приобретает характер поощрения или благосклонности. Р. Блюмель¹ описывает случаи, когда в восклицательных предложениях восходящая мелодия обозначает предостережение или угрозу, а нисходящая является обычной «звательной» мелодией этих предложений.

На основании всего сказанного можно прийти к выводу, что мелодия выполняет коммуникативную функцию в языке. Иногда при одинаковом лексическом составе и грамматической структуре предложений выражается различный смысл при помощи различной мелодизации. Что же касается неполных предложений, то в них функции мелодии особенно разнообразны. (Другие интонационные средства играют также немаловажную роль).

Исследование интонации неполных предложений представляет большой теоретический интерес (для оценки таких предложений)². Однако не менее важна и практическая сторона этого вопроса: каково назначение неполных предложений в языке, если их интонация отличается от интонации полных предложений. В связи с этим нами было проведено специальное исследование с целью определить интонационные средства неполных предложений и установить, в какой степени их интонация отличается от интонации полных предложений, какие интонационные средства играют при этом важную роль.

В советском языкознании³ утвердилось мнение, что нет необходимости и не всегда возможно восполнить неполные предложения до полного состава: на основании контекста или ситуации всегда можно понять их смысл без всяких дополнений. Исследование структуры неполных предложений проводилось с давних пор методом сопоставления их с полными. Так, этот метод использовал А. А. Шахматов при описании типов неполных предложений (в скобках он указывал неназванный член предложения). Об этом методе говорится и в академической грамматике русского языка⁴. В нашей работе также был использован метод сопоставления (как эксперимент) в целях исследования структуры и интонации неполных предложений. Научное обоснование метода экспериментирования дал Л. В. Щерба. Он писал: «Особенно плодотворен метод экспериментирования в синтаксисе и лексикографии и, конечно, в стилистике. Не ожидая того, что какой-либо писатель употребит то или иное со-

¹ R. Blümel. Einführung in die Syntax. Hdb., 1914.

² См. А. П. Комаров. Неполные предложения в современном немецком языке. Канд. дисс., М., 1954; И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. «Труды ин-та языкознания», т. 2. Изд-во АН СССР, М., 1953.

³ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Учпедгиз, М., 1944, стр. 236—237, 276.

⁴ Грамматика русского языка. Изд-во АН СССР, т. II, ч. 2, М., 1960, § 1120.

четание, можно произвольно сочетать слова, и, систематически заменяя одно другим, меняя их порядок, интонацию и т. п., наблюдать получающиеся при этом смысловые различия, что мы постоянно и делаем, когда что-либо пишем. Я бы сказал, что без эксперимента почти невозможно заниматься отраслями языкознания»¹.

Для каждого исследуемого неполного предложения был найден эквивалент с полным составом, например:

Bin noch nicht dahintergekommen. — Ich bin noch nicht dahintergekommen.

Aber wir uns nicht! — Aber wir verraten uns nicht!
 Du aus Westhofen? — Du bist aus Westhofen ausgerückt?
 Du an mich? — Du hast an mich gedacht?
 Von links Schritte. — Von links ertönen Schritte.
 Grau sein Gesicht. — Grau ist sein Gesicht.

Собрано было около 500 неполных предложений, а после сопоставления были отобраны для экспериментального исследования интонации те из них, которые оказались наиболее близкими по содержанию и смыслу найденным эквивалентам — полным предложениям. В работе по подысканию эквивалентов участвовали дикторы, родным языком которых является немецкий. Им предлагалось установить, насколько естественно выглядят эквиваленты неполных предложений. Правильность такого приема подтверждается указанием Л. В. Щербы о достоверности «...оценочного чувства правильности и неправильности того или иного речевого высказывания, его возможности или абсолютной невозможности... Чувство это у нормального члена общества социально обосновано, является функцией языковой системы (величина социальная), а потому и может служить для исследования этой последней»².

В результате сопоставления³ (классификация была сделана по отсутствующему члену предложения и по синтаксическим видам) выделились следующие группы:

1. Двусоставные предложения — повествовательные, вопросительные.

а) С неназванным подлежащим:

Will mal sehen (W. Br.). Habe selber keine (W. Br.). Ist nicht sehr helle (H. Fall.), Hast wohl jemand in Wien? (Fr. W.). Ist nicht leicht (W. Br.).

б) С неназванным сказуемым — простым или сложным:

Sogar die Arme (waren eingehüllt) (B. Kell.). Nur zwei alte Schwestern (warten) (A. Sgh.).

в) С неназванной связкой или вспомогательным глаголом:

Grau sein Gesicht (B. Kell.). Beklagter gefallen (A. Zw.): Die Taschen alle gleich (A. Sgh.).

г) С неназванной знаменательной частью сказуемого:

¹ Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. Хрестоматия по истории XIX и XX веков под ред. В. А. Звегинцева, ч. II. Учпедгиз, М., 1960, стр. 308—309.

² Л. В. Щерба. Указ. раб., стр. 308—309.

³ Подробнее см. в нашей статье «К вопросу о сопоставимости неполных предложений с полными в современном немецком языке». «Уч. зап. Харьковск. ин-та иностр. яз.», т. V, 1959.

Du mußt (erzählen) (A. Pr.). Er wird (unterzeichnen) (A. Zw.).
Was soll diese Frage (bedeuten)? (B. Kell.). Ist er auch (ein Prachtmensch) (W. Br.).

д) С неназванным дополнением при переходном глаголе:

(Das) Weiß ich!

II. Односоставные.

а) Побудительные (повелительные) с неназванным глаголом:

(mach) Pause, Toni! (Fr. W.). Masken! (aufsetzen) (Fr. W.).

б) Безличные с неназванным глаголом или местоимением или другими членами:

Mir egal (A. Sgh.) Kurz vor halb elf. (E. St.). Ja, es gibt (Freikarten). (A. Sgh.).

Эти типы неполных предложений сравнительно легко реконструируются в полные, и потому они были взяты для экспериментального исследования. Всего было проанализировано 155 неполных и столько же полных предложений. Исследование интонации проводилось в лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского университета. Каждое предложение записывалось несколько раз на кимографе, магнитофоне, и несколько предложений для проверки было записано на осциллографе. Первоначально предложения записывались на магнитофонную ленту в целом отрывке, и диктор не знал, какое из них будет взято для анализа. Затем этот отрывок прослушивался диктором, при этом его внимание обращалось на исследуемое предложение. Если его интонация оказывалась характерной для данной ситуации, то диктор должен был запомнить ее и затем воспроизвести для записи на кимографе. Если интонация не совсем соответствовала данной ситуации, то искали нужный вариант.

Магнитофонные записи делались, кроме того, для слухового анализа. Основное исследование состояло в анализе кимографических кривых. Записи проводились в 1957 году, после анализа их были сделаны проверочные записи в 1959 году. Всего исследовано около 1800 кимографических кривых. Каждое предложение анализировалось в произношении трех дикторов, по два раза у каждого (шесть раз неполное и шесть раз полное). Предложения читали студенты ЛГУ — немцы из ГДР: 1) Карлхейнц Мюллер (25 лет, г. Дрезден); 2) Карлхейнц Каун (22 года, г. Дрезден); 3) Рудольф Ляйсте (23 года, г. Халле); 4) Рудольф Конрад (23 года, Оберрон, Бад Зальцунген) — запасной диктор. Интонирование предложений этими дикторами обычно совпадало с образцами интонационных схем немецких предложений, приведенных в работе О. Эссена о немецкой интонации. Наблюдались некоторые диалектные и индивидуальные отклонения, но явных нарушений интонационной нормы немецкого языка не отмечено.

Многие фонетисты придерживаются теории Э. Зиверса¹ о двух системах мелодизации в немецком языке — северной и южной. Эта точка зрения оспаривается рядом авторов. Хотя вопрос о влиянии диалектных особенностей на чтение художественных произведений специально Эссеном² не исследовался, его наблюдения опровергают утверждения Зиверса, будто бы на юге произносят с понижением тона все то, что на севере произносят с повышением тона, и наоборот.

¹ E. Sievers. Rhythmish — melodische Studien. Hdb., 1912.

² O. v. Essen. Allgemeine und angewandte Phonetik. Berlin, 1957.

Другие лингвисты считают, что для южан, как и для северян, характерны оба способа мелодизации. К. П. Карпов на основании экспериментальных данных доказывает, что берлинцам присущи оба способа мелодизации ударных слогов, а различия в мелодизации имеют не диалектное, а функциональное значение.

У наших дикторов также были отмечены оба способа мелодизации ударных слогов, и только в единичных случаях из 1800 наблюдались отступления от признанного интонирования немецких предложений. Но эти случаи не могут быть доказательством того, что дикторы отклонялись от „*Bühnendeutsch*”. При повторных записях тех же предложений и анализе их кимограмм были получены варианты интонации, совпадающие с правилами интонирования в „*Bühnendeutsch*” (при этом дикторам не говорилось, почему проводится повторная запись). Даже при отклонении интонирования от „*Bühnendeutsch*” можно было проводить данное исследование, так как задача состояла в сравнении неполных предложений с соответствующими полными. Сначала сравнения интонаций проводились у одного диктора, а затем у разных, и, наконец, устанавливались различия между их чтением. При интонировании неполных предложений дикторы исходили из контекста или ситуации; при чтении полных предложений учитывалось содержание соответствующих неполных. Добавление неназванных членов предложения, как правило, вносило интонационные изменения, а следовательно, и другие оттенки в смысл предложений. При «введении» каждого диктора в данную ситуацию, у всех получались одинаковые результаты. Иногда были расхождения в толковании неполных предложений, так как каждый диктор по-своему понимал ситуацию и старался выделить элементы в предложении по своему усмотрению. И в этих случаях в соответствующих полных наблюдались отличия от неполных. Таким образом, эксперимент позволил установить закономерности отличия интонации неполных предложений от интонации полных предложений.

При экспериментальном исследовании интонации неполных предложений и соответствующих полных были установлены интонационные и смысловые различия между ними. Каждый тип неполных предложений имеет свои особенности, и установленные различия между неполными и полными неодинаковы у разных типов, неодинакова также и степень различий. В целом эти различия таковы: для большинства неполных предложений характерны большие мелодические интервалы внутри предложений, более значительный абсолютный подъем тона, чем в полных, усиленное ударение, которое, как правило, в неполных предложениях логическое (т. е. нетипичное). Для неполных предложений характерны, кроме того, другие принципы членения на синтагмы, причем членение осуществляется как посредством временных пауз, так и путем мелодических интервалов; резкое замедление или ускорение обычного темпа речи. Такую интонацию принято называть эмфатической. Она характерна для эмоционально насыщенной речи и служит для выражения сильных чувств.

А. М. Пешковский писал: «Выражение эмоций — это основная и основная функция интонации, чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонационно»¹. Действительно, в неполных предложениях выражение эмоций осуществляется главным образом интонационно, а не лексически; роль интонации при передаче смысла неполными предложениями особенно велика.

¹ А. М. Пешковский. Интонация и грамматика. Избр. тр. М., Учпедгиз, 1959, стр. 180.

Насколько разнообразны эмоции, передаваемые неполными предложениями, настолько разнообразны средства, выражающие их. Поэтому интонация неполных предложений даже в пределах одного типа очень многообразна, неустойчива. Она зависит от ситуации, намерений и чувств говорящего в большей степени, чем интонация полных предложений, где она более спокойная, устойчивая, типичная, укладывающаяся в рамки образцов интонации определенных синтаксических типов.

Наиболее значительные различия в интонации неполных и полных предложений установлены при сравнении предложений с неназванным сказуемым с соответствующими полными. В предложениях, где не названо сказуемое, очень сильно выделяется интонационно тот член предложения, который берет на себя предикацию. При подстановке сказуемого может происходить перераспределение ударений и изменяться мелодический рисунок всего предложения; интонация становится более спокойной и его эмоциональность снижается, например:

"Was?" Was' schon? — Was ist 'los? Was ist 'schon ge'schehen?
Aber 'Ihr "Vater! — Aber Ihr 'Vater ist 'Ausländer!

Изменение интонации при подстановке сказуемого наблюдалось в 80% исследованных предложений этого типа (в 40 случаях из 50).

Далее, по степени интонационных различий следуют предложения с неназванной знаменательной частью сказуемого. В неполных сильно выделяется вспомогательный или модальный глагол, а при подстановке знаменательной части сказуемого ударение переносится на нее, например:

Du "mußt. — Du ,mußt er'zählen.
'Bin ich. — 'Der bin ich.

В предложениях этого типа были такие случаи, когда модальный глагол в неполном предложении имел слабое ударение, а другой член предложения — сильное ударение; при подстановке знаменательной части сказуемого этот член предложения терял сильное ударение, например:

„Können Sie am "Mittwoch? — „Können Sie am 'Mittwoch kommen?

„Was 'soll das aber "jetzt? — „Was soll das aber 'jetzt "heißen?

Различия отмечены также в 80% исследованных предложений (в 16 из 20).

Довольно значительные различия были отмечены также в побудительных и безличных предложениях. В побудительных, если не назван глагол, сильнее выделяются другие члены предложения, например:

"Lauter, mein 'Liebling, "lauter! — „Lies 'lauter, mein 'Liebling, 'lauter!

В безличных может быть не названо местоимение es и связка ist, тогда сильнее выделяются другие члены предложения, например:

1) 'Mir e'gal. — Es ist mir e'gal. 2) "Heiß 'heute, 'gell! Es ist heiß ,heute gell!

Наименее значительные различия наблюдались в двусоставных предложениях с неназванным подлежащим и в предложениях с неназванной связкой. В этих типах различия небольшие и они встречались реже, чем во всех остальных типах — в 20% исследованных предложений (без подлежащего — в 9 из 44, в бессвязочных — в 7 из 32).

Если в предложении не названо подлежащее, то стоящий на первом месте глагол выделяется сильнее, чем в полном при наличии подлежащего: "Stimmt also. — „Das 'stimmt also.

В предложениях с неназванной связкой при ее подстановке происходят незначительные изменения интонации соседних со связкой слов:

Auch "du nicht stark genug für die 'Wahrheit? — Auch 'du bist nicht stark genug für die 'Wahrheit?

"Finster das 'Haus. — 'Finster ist das 'Haus.

Хотя интонационные различия неполных и соответствующих полных предложений могут быть довольно значительными, это отнюдь не значит, что интонацию неполных предложений следует противопоставлять интонации полных. В неполных все средства интонации выступают более ярко, поэтому их интонация выразительнее. Неустойчивость интонации неполных предложений, ее вариабельность объясняется как своеобразием синтаксического строя этих предложений, так и тем, что эмоции и смысловые оттенки, содержащиеся в этих предложениях, определяются всей ситуацией, в которой они употребляются, а также намерением и чувствами говорящих, которые выражают их по-разному, в то время как интонация полных предложений определяется в основном синтаксическим строем предложений; они более самостоятельны, их интонация «нормирована» и поэтому устойчива.

Неполные предложения могут употребляться и в спокойной, мало-эмоциональной речи, тогда их интонация мало отличается от интонации полных. Это относится в наибольшей степени к предложениям без подлежащего и к бессвязочным. Они рассматриваются как традиционные типы, унаследованные из древнего немецкого языка и являются особенностью диалогической речи.

Все неполные предложения интонационно закончены и являются полноценными единицами общения. Более того, они выполняют особую функцию в языке: в них более четко и значительно сильнее, чем в полных, выделяется логический предикат. Обычно устраняются те члены предложения, которые могли бы помешать определить и интонационно выделить логический предикат.

Чаще всего это предложения с неназванным сказуемым или знаменательной частью сказуемого, затем побудительные и безличные. У этих типов предложений установлены наиболее значительные различия в интонации неполных и полных предложений, и эти различия закономерны.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- W. Br. — W. Bredel. Dein unbekannter Bruder. Berlin, 1952. Die Enkel, 1956.
 H. Fall. — H. Fallada. Jeder stirbt für sich allein. Berlin, 1951.
 A. Sgh. — A. Seghers. Das siebte Kreuz. 1949. Transit. 1952.
 B. Kell. — B. Kellermann. Der 9. November. M., 1954. Totentanz. 1954.
 Fr. W. — Fr. Wolf. Matrosen von Catarro. Professor Mamlock. Berlin. 1951.
 A. Zw. — A. Zweig. Erziehung von Verdun. Berlin. 1955.
 A. Pr. — A. Probst. Sommertage. 1955.
 B. Br. — B. Brecht. Die Gewehre der Frau Carrar. B. 1954.
 E. St. — E. Stein. Ein junger Lehrer erzählt. B. 1953.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТОНАЦИИ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(на материале неполных предложений)

К. И. Ланецкая

Проведенное нами экспериментальное исследование интонации¹ заключалось в анализе кимографических кривых произносимых дикторами предложений. Кимографическая кривая дает возможность измерить высоту тона гласных (и некоторых согласных), определить паузы внутри предложения, длительность его отдельных элементов и таким образом получить интонационную схему предложения (без учета динамического ударения, которое в данном случае анализировалось на слух).

Записи были сделаны на кимографе со скоростью 1,47; 1,48; 1,63 мм/сек. Высота тона измерялась при помощи мерной линейки М. В. Гординой и М. Г. Кравченко². Для каждого предложения вычерчивался график, на котором слева наносилась шкала линейки. Высота тона на графиках выражается в герцах. Длительность пауз — в сигмах.

Были проанализированы интонации шести типов немецких неполных предложений.

1. **Предложения, в которых не названо подлежащее.** Оно упоминалось в предыдущем высказывании или же легко определяется из ситуации и элементов самого предложения. Так, неполное предложение *Ist nicht leicht* (W. Br.), в котором не названо подлежащее — местоимение *das* сравнивалось с полным *Das ist nicht leicht*. Ниже приводятся графики этого предложения, прочитанного диктором № 1 (К. Мюллер).

Различия в интонации полного и неполного предложения значительные. Основное движение тона всюду восходяще-нисходящее с некоторыми вариантами, но в неполном мелодические интервалы больше, чем в полном: у диктора № 1 в неполном предложении (рис. 1) интервалы составляют 73 гц и 118 гц, а в полном (рис. 2) — 44 гц и 73 гц, у диктора № 2 в неполном — 59 гц и 74 гц, в полном — 39 гц и 59 гц, у диктора № 3 в полном предложении начало *das* — на уровне 104 гц, следующее за ним слово *ist* имеет уровень 118 гц, как и в неполном предложении. Все остальное совпадает в полном и неполном предложениях.

При слуховом анализе динамического ударения оказалось, что у всех трех дикторов в неполном предложении сильнее выделяется *nicht*, а в полном — *leicht*; *ist* выделено в неполном сильнее, чем в полном:

‘Ist ‘niçt ‘laeçt || ‘das ‘ist ,niçt ‘laeçt ||.

¹ См. также нашу статью «Интонация неполных предложений в современном немецком языке» в данном выпуске вестника.

² См. «Вестн. Ленингр. ун-та», 1951, № 8; ср. М. Г. Кравченко. Членение простого повествовательного предложения в современном немецком языке. Канд. дисс., ЛГУ, 1953.

Распространенное предложение *Imponiert mir gar nicht* (W. Br.) сравнивалось с предложением *Der imponiert mir gar nicht*. В неполном предложении у всех дикторов сильнее, чем в полном, выделяется мелодически *imponiert*, но эти отличия выражаются у них по-разному. У диктора № 1 в неполном предложении (рис. 3) в слове *imponiert* интервал — 98 гц, в полном же (рис. 4) — 33 гц, а если считать началом *im-* (уровень — 159 гц), то еще меньше — 17 гц. У диктора № 2 различия в ин-

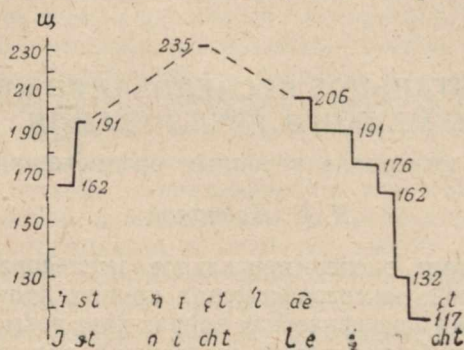

Рис. 1.

тервалах меньшие: в неполном — 44 гц, в полном — 29 гц. У диктора № 3 в неполном — 44 гц, в полном — 16 гц.

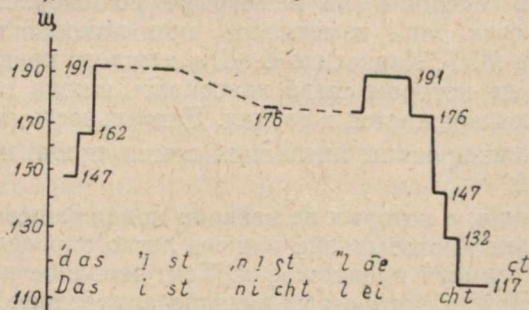

Рис. 2.

При сравнении всех графиков неполного и полного предложений оказывается, что в интонации полного предложения у всех дикторов больше общего, чем в интонации неполного. В полном предложении всюду восходяще-нисходящая мелодия, по крайней мере начало предложения характеризуется подъемом. В неполном у всех трех дикторов различное начало: у диктора № 1 — постепенный подъем, № 2 — понижение, № 3 — понижение, а затем повышение на этом же слове *imponiert*. Отличается и середина предложения. Это, по-видимому, объясняется тем, что для неполных предложений характерна неустойчивая мелодия и большая вариабельность в мелодизации вследствие того, что эмоции выражаются эмфатической интонацией, которая очень своеобразна.

Результаты слухового анализа показывают, что при наличии подлежащего силовое ударение распределяется несколько иначе, чем без него:

'impo: 'ni:rt mi:r "ga:r 'nɪct ||;
'de:r 'impo:ni:rt mi:r "ga:r ,nɪct ||.

Неполное предложение *Stimmt also* (W. Br.) сравнивалось с полным *Das stimmt also* (нераспространенное с простым сказуемым).

У дикторов № 1 и № 3 в неполном предложении слово *stimmt* произносится на более высоком мелодическом уровне, чем в полном. Интервал между *stimmt* и *also* больше в неполном предложении у всех трех дикторов: у № 1 в неполном — 132 гц, в полном — 103 гц; у № 2 в неполном — 74 гц, в полном — 45 гц; у № 3 в неполном — 29 гц, в полном — 13 гц (рис. 5, 6).

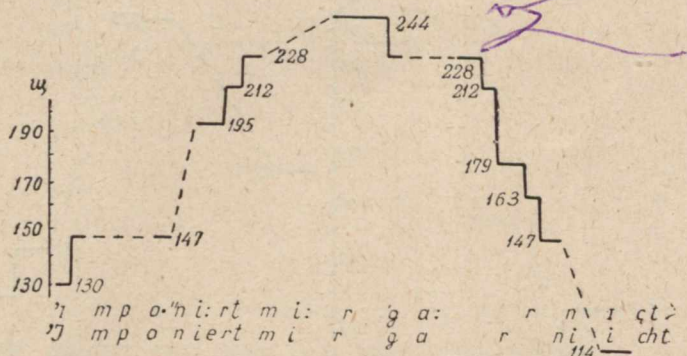

Рис. 3.

Результаты слухового анализа:

„stimmt „also: || ‘das „stimmt „also: ||.

Если глагол оказывается в предложении на первом месте, то он имеет более сильное ударение, чем на втором.

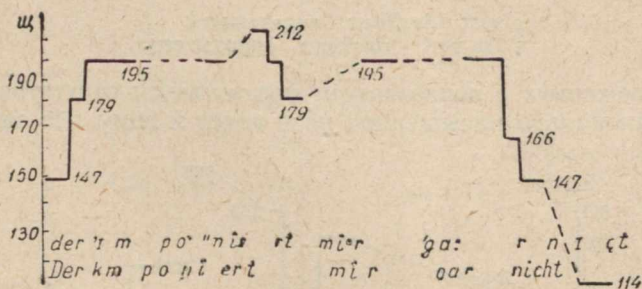

Рис. 4.

Предложение *Wird dankbar angenommen* (A. Zw.) (распространенное, сказуемое выражено глаголом в *Passiv*) сравнивалось с предложением *Das wird dankbar angenommen*. Значительные отличия обнаружились между интонацией полного и неполного предложения у дикторов № 1 и № 2.

У диктора № 1 в неполном предложении мелодические интервалы больше, чем в полном, и выше абсолютный подъем тона на словах *dankbar angenommen*. Движение тона в обоих предложениях восходяще-нисходящее. В неполном предложении интервал между *wird* и *dankbar* — 89 гц, в полном — 15 гц. Самый высокий подъем тона в неполном — 250 гц, в полном — 206 гц (рис. 7, 8). По содержанию неполное предложение звучит иронически, как этого требует контекст, а в полном этой иронии не чувствуется. (Ирония может выражаться не только при помощи мелодии, но и усиленным ударением; иногда же — только различными тембровыми оттенками, которые не были зафиксированы аппаратурой и различались лишь на слух).

У диктора № 2 различия между произношением полного и неполного предложений выражены несколько иначе. В неполном глагол *wird* имеет более высокий уровень, чем в полном: 206 гц и 147 гц. Движение тона в полном и неполном предложении неодинаково. При слуховом

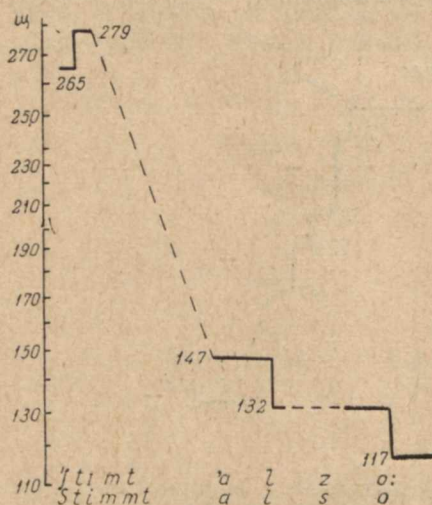

Рис. 5.

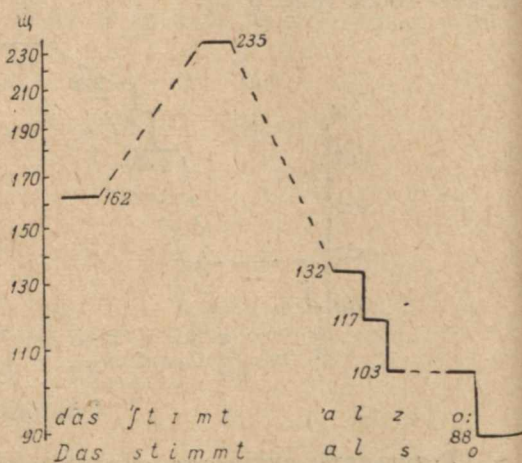

Рис. 6.

анализе оказалось, что все дикторы динамически выделяют слово *wird* в неполном предложении, в полном же оно совсем не имеет ударения:

i'virt "dapkba:r "angənəmən i;
i'das virt "dapkba:r "angənəmən i.

В предложениях с неназванным подлежащим отсутствие подлежащего в эмоционально насыщенной речи ведет к тому, что здесь сильнее

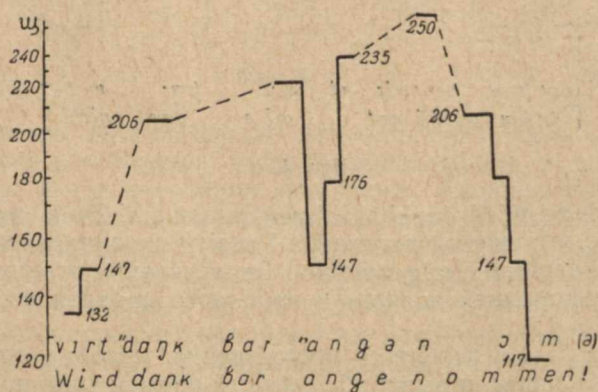

Рис. 7.

выделяется мелодически (т. е. повышением тона) и динамически стоящий на первом месте глагол, если этот глагол значимый. В таких предложениях отмечается большая эмоциональная насыщенность, чем в соответствующих полных. Если же на первом месте оказывается вспомогательный или модальный глагол, то он или совсем не выделяется, или выделяется очень незначительно по сравнению с соответствующими пол-

ными предложениями. Там, где подстановка отсутствующего подлежащего вызвала интонационные изменения, изменялись и смысловые оттенки. Это было установлено в 20% исследованных предложений (в 9 из 44).

В большинстве предложений отсутствие подлежащего объясняется стилистической особенностью диалогической речи — тенденцией к крат-

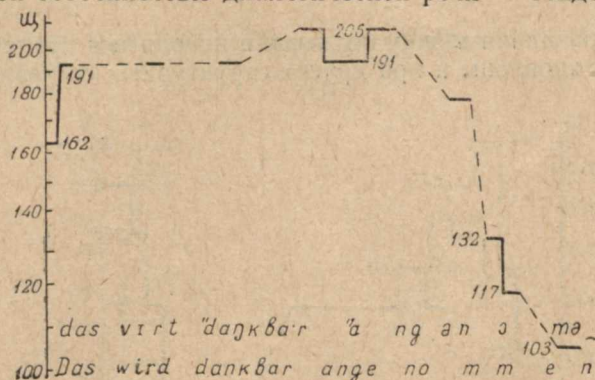

Рис. 8.

кости, а также исторической традицией не называть подлежащее, если оно ясно из самой формы глагола или из ситуации.

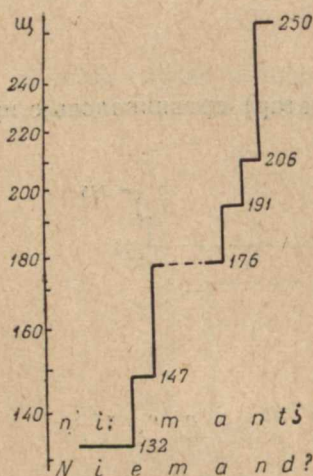

Рис. 9.

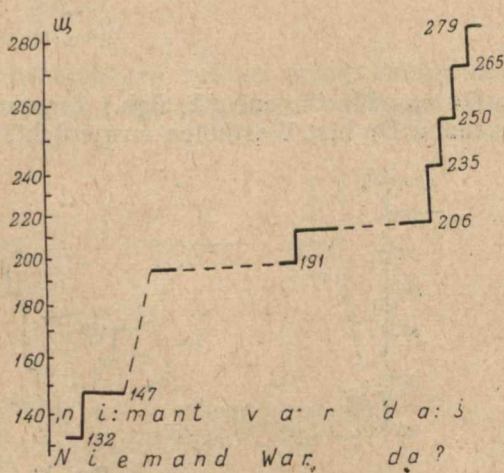

Рис. 10.

2. Предложения без сказуемого. При сравнении неполных предложений без сказуемого с соответствующими полными наблюдались более значительные различия в интонации, чем в предложениях без подлежащего.

На основании контекста предложение Niemand? (В. Келл.) (вопрос-повтор) сравнивалось с предложением Niemand war da? Результаты этого сравнения представлены на рис. 9, 10 (диктор № 1).

У всех трех дикторов в неполном предложении Niemand? сконцентрирована та же мелодия в одном слове, что и в полном в трех словах; в полном предложении конец слова niemand имеет более низкий уровень, чем в неполном. Последнее поэтому более эмоционально насыщено.

При слуховом анализе оказалось, что в полном предложении слово *niemand* имеет более сильное динамическое ударение, чем остальные слова; в неполном же это слово находится под более усиленным ударением по сравнению с полным:

ɛ "ni:mant ɛ ɛ "ni:mant ,va:r 'da: ɛ

Большие различия между полными и неполными предложениями без сказуемого установлены и при других структурных составах. Предложе-

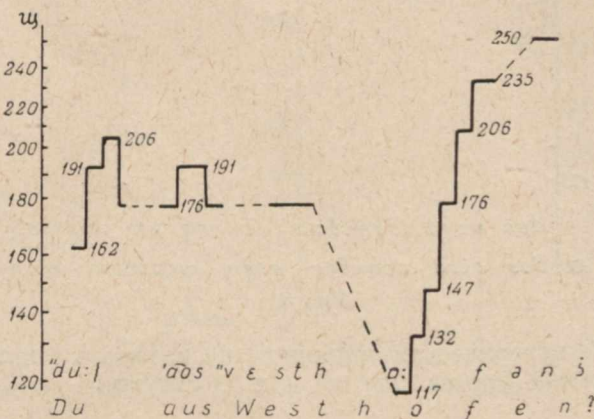

Рис. 11.

ние *Du aus Westhofen?* (A. Sgh.) (вопрос-повтор) сравнивалось с предложением *Du bist Westhofen ausgerückt?*

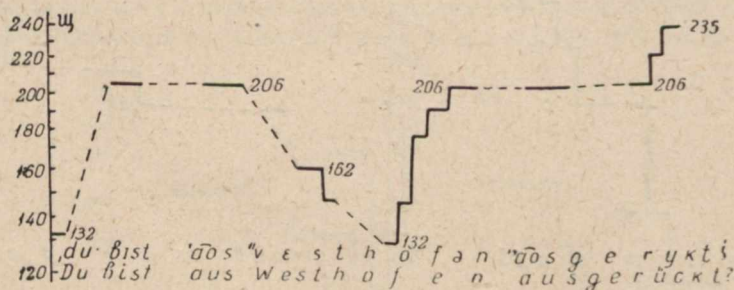

Рис. 12.

У диктора № 1 (рис. 11 и 12) большие мелодические интервалы внутри каждого элемента в неполном предложении: слова *du* и *Westhofen* имеют более высокий абсолютный взлет мелодии, чем в полном. У диктора № 2 наблюдаются подобные различия между интонацией полного и неполного предложений, но у него, кроме того, в неполном предложении пауза после *du* — равна — 17σ; у обоих дикторов неполное предложение более насыщено эмоционально, чем полное, в нем выражается удивление, недоумение и страх, а полное этих оттенков не передает с такой силой. У диктора № 3 различия менее резкие, но они тоже есть. В неполном предложении (пауза после *du* — 10,2 σ) слово *Westhofen* имеет в конце более высокий подъем мелодии, чем в полном предложении.

При слуховом анализе обнаружено почти то же: в неполном предложении очень сильное ударение падает на *du* и *Westhofen*, в полном *du* имеет второстепенное ударение, *Westhofen* — главное:

¿ "du: ı̇ 'aôs "vest.ho:fən ¿;
¿ ,du: bist 'aôs vest.ho:fən ' ,aôs gærykt ¿.

Предложение *Uns die Polizei!* сравнивалось с предложением *Uns fragt die Polizei!*

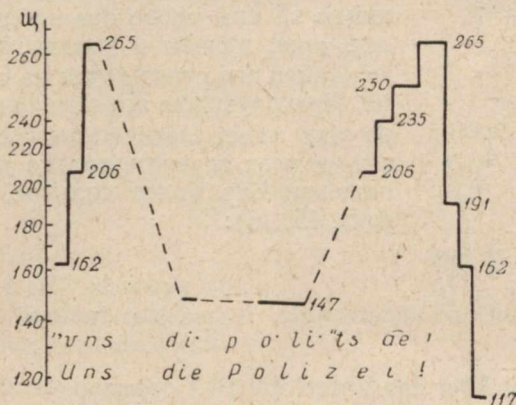

Рис. 13.

В этом случае неполное предложение также более эмоционально насыщено, чем полное. У диктора № 1 это выражается в том, что в не-

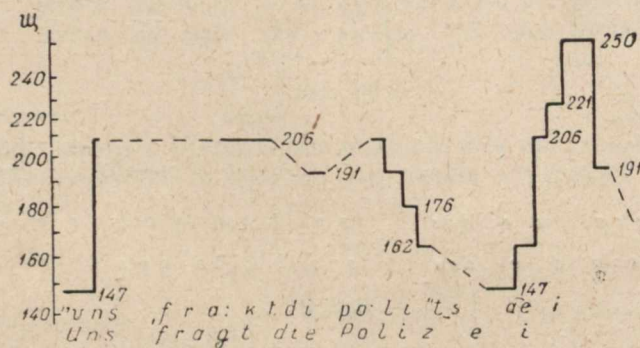

Рис. 14.

полном предложении наблюдаются большие мелодические интервалы, чем в полном (рис. 13 и 14). Временной паузы у него нет, но взлет мелодии на слове *ups* (до 265 гц) отделяет это слово от последующей группы, которая начинается на уровне 117 гц, затем тон повышается до 165 гц.

В полном предложении нет никакого членения — ни временного, ни мелодического. У диктора № 2 то же самое: более высокий подъем мелодии в неполном предложении, и, кроме того, после слова *ups* пауза — 23 с. У диктора № 3 различия менее значительные: в неполном несколько сильнее выделяется *Polizei*.

Результаты слухового анализа:

i'vns i di po li 'tsaē i;
 i'vns „fra:kt di po li 'tsaē i

Неполное предложение Gerade das (Fr. W.) сравнивалось с полным Gerade das sollte passieren! У всех дикторов в неполном и полном предложениях наблюдается подъем мелодии на слове Gerade: во всех случаях в неполном этот подъем выше, чем в полном, на последнем слоге этого слова -de; на следующем за ним слове das наблюдается понижение тона, причем в неполном и полном предложениях оно стоит почти на одинаковом уровне. При слуховом анализе оказалось, что слово das имеет логическое (усиленное) ударение во всех случаях, только в неполном предложении оно более сильное, чем в полном (рис. 15, 16):

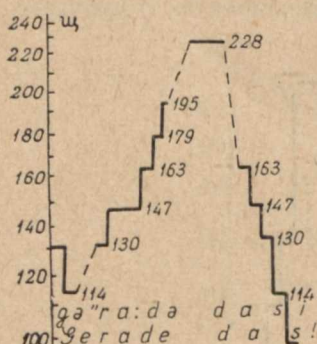

Рис. 15.

i gə'ra:də 'das i;
 i gə'ra:də 'das i zoltə pa'si:rən i

Предложение Aber Ihr Vater! (A. Pr.) сравнивалось с предложением Aber Ihr Vater ist Ausländer! В неполном предложении на слове Vater

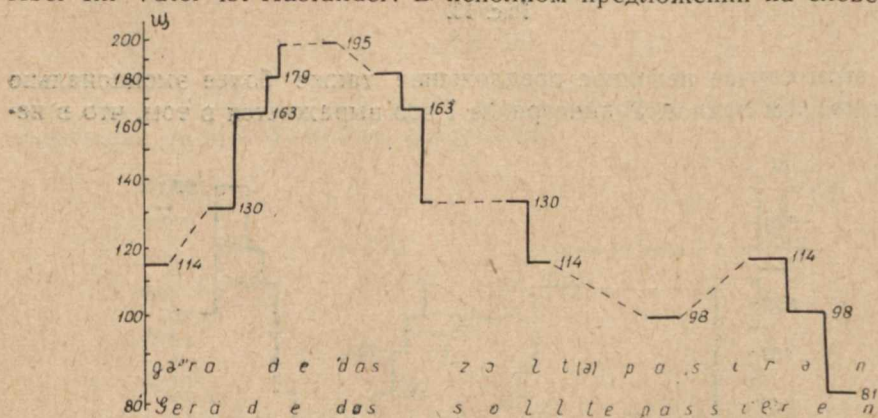

Рис. 16.

более значительные мелодические подъемы и большие интервалы, чем в полном (рис. 17, 18). При слуховом анализе оказалось, что в неполном предложении на слове Vater очень сильное ударение, в полном оно слабое; слово Ausländer имеет такое же ударение, как и слово Vater:

i'a'bər 'ir 'fa:tər;
 i'a'bər 'ir 'fa:tər 'ist 'a:ʊs lɛndər i

Для предложений с неназванным сказуемым характерно то, что они в большей степени зависят от контекста, чем предложения без подлежащего. Они менее самостоятельны, так как неназванное сказуемое можно определить только по контексту, а не из элементов самого предложения. Предложения с неназванным сказуемым встречаются в большом количестве в литературе и разговорной речи, эти предложения всегда тесно связаны с контекстом и по структуре, и по содержанию. Интонацион-

ные различия неполных и полных предложений у этого типа наиболее значительны по сравнению со всеми другими типами неполных предложений, так как при отсутствии сказуемого предикацию берет на себя какой-нибудь из названных членов предложения, а при подстановке сказуемого оно выполняет функцию предиката; это находит выражение

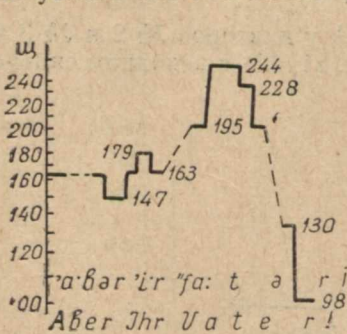

Рис. 17.

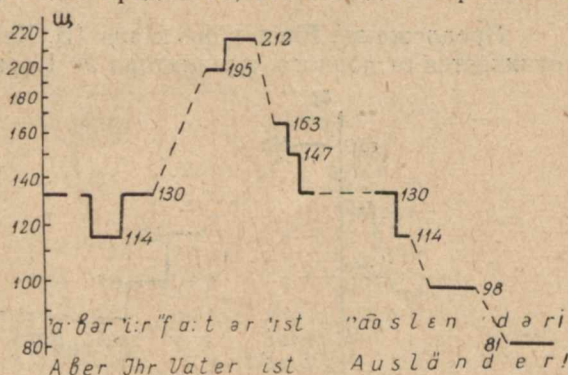

Рис. 18.

и в интонации: может происходить перераспределение ударений и изменение мелодического рисунка.

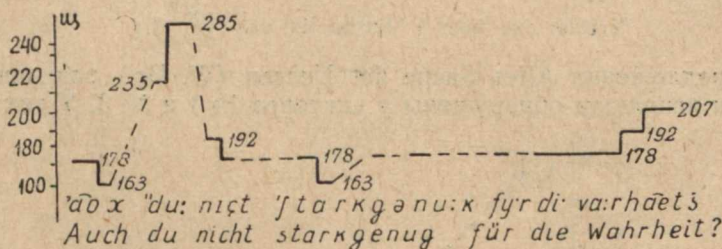

Рис. 19.

3. Предложения с неназванной связкой. Эти предложения наиболее легко реконструируются в полные, нарушения структуры при этом не происходит.

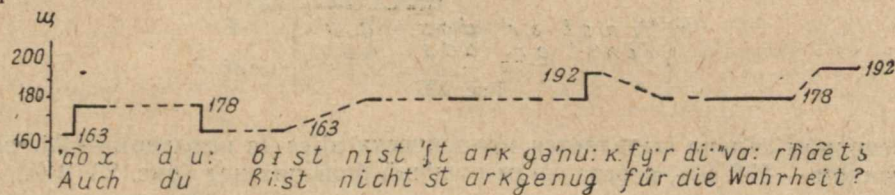

Рис. 20.

В предложении *Auch du nicht stark genug für die Wahrheit?* (B. Kell.) при подстановке связки *bist* произошли интонационные изменения. В бессвязочном предложении у дикторов № 1 и № 2 (рис. 19, 20) очень сильно выделяется мелодически слово *du*. В полном это слово тоже выделяется довольно сильно, но не так, как в неполном.

У диктора № 3 различия очень незначительные, только в конце предложения на слове *Wahrheit* в неполном предложении уровень мелодии — 163 гц, в полном 148 гц.

Слуховой анализ показал, что *du* имеет ударение в полном и неполном предложениях, но в неполном оно сильнее:

ɛ'aox 'du: nɪçt ʃtark gənu:k fy'r di: 'va:raet ɛ;
 ɛ'aox 'du: bɪst nɪçt ʃtark gənu:k fy'r di: 'va:raet ɛ.

Предложение *Finster das Haus* (B. Kell.) у дикторов № 2 и № 3 не отличается от полного, а у диктора № 1 (рис. 21, 22) в неполном сильнее

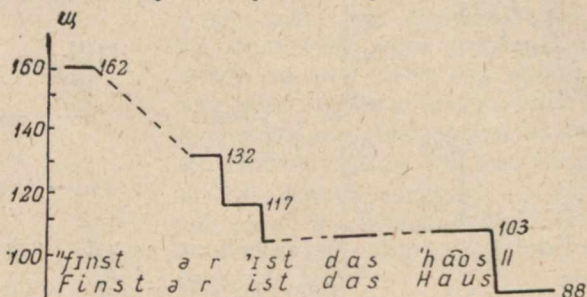

Рис. 21.

выделяется мелодически *Finster*. При слуховом анализе оказалось, что ударение на слове *Finster* в полном и неполном одинаковое:

"fɪnstər das 'haʊs || "fɪnstər 'ɪst das 'haʊs ||.

В предложении *Alles Sache der Nerven* (W. Br.) различия между полным и неполным обнаружены у дикторов № 1 и № 3. У диктора № 1

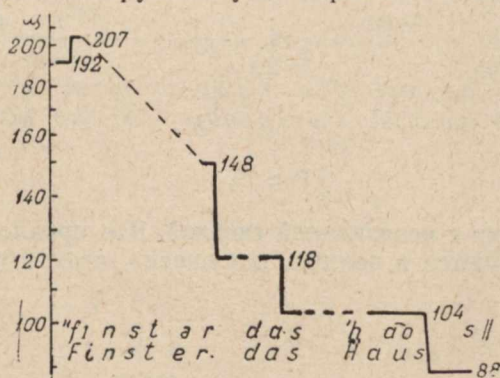

Рис. 22.

в неполном сильно выделяется мелодически *alles* (в неполном — 280 гц, в полном — 250 гц), в остальном отличий больших нет (рис. 23, 24).

У диктора № 3 в неполном предложении сильнее, чем в полном, выделяется *Sache*: неполное — 148 гц, полное — 133 гц.

Слуховой анализ показал, что слово *alles* имеет главное ударение в неполном и полном предложении; слово *Nerven* имеет более сильное ударение, чем все остальные слова в полном и неполном:

"aləs ɪzaxə de:r "nɛrfən ||
 "aləs 'ɪst ɪzaxə de:r "nɛrfən ||.

Предложения *Alle unverdächtig?* (H. Fall.) и *Sonderbar das Ganze* (W. Br.) очень мало отличаются своей интонацией от соответствующих полных, как и большинство бессвязочных предложений. У всех дикторов

отличия почти одинаковые, причем они наблюдаются только в слогах, граничащих со связкой; в предложении без связки наблюдается незначительное понижение тона (15 *гц*) в середине его, где должна стоять связка, затем тон повышается. В предложении же со связкой в этом месте тон или

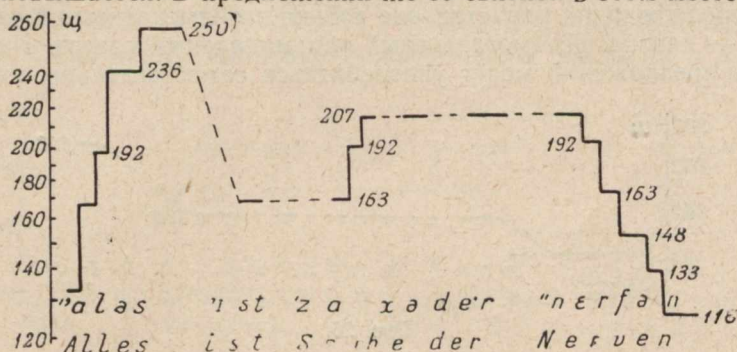

Рис. 23.

постепенно понижается — в повествовательном предложении, или постепенно повышается — в вопросительном (рис. 25, 26).

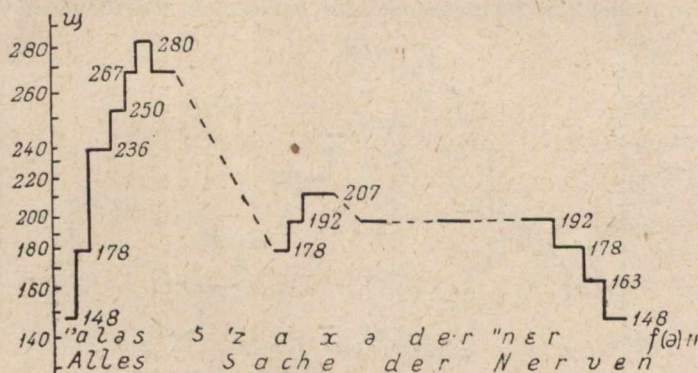

Рис. 24.

Слуховой анализ:

"zəndərba:r das gantsə ||;
 "zəndərba:r 'ist das 'gantsə ||.
 ɛ "alə "vnr̩dɛçtɪç ɛ;
 ɛ "alə zɪnt "vnr̩dɛçtɪç ɛ.

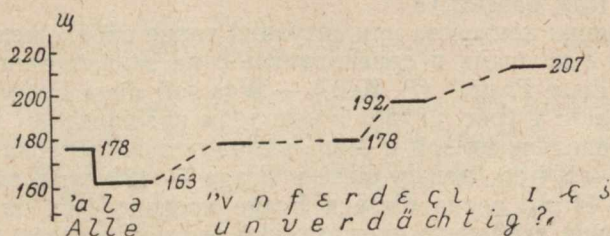

Рис. 25.

Предложения без связки очень распространены. По структуре и содержанию не зависят от контекста или ситуации. Подстановка связки не вносит в них резких интонационных изменений. В большинстве случаев в спокойной речи интонационный рисунок предложения остается

без изменения, а в эмоционально насыщенной речи наблюдаются интонационные отличия между полными и неполными предложениями, что и было показано на приведенных выше графиках.

4. Предложения с неназванной знаменательной частью сказуемого. В этих предложениях представлена только незнаменательная часть сказуемого — связка, вспомогательный или модальный глагол. Некоторые из таких предложений могут употребляться самостоятельно, вне широ-

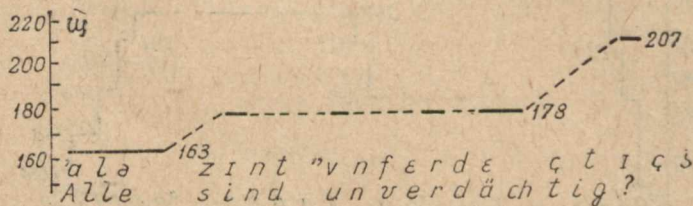

Рис. 26.

кого контекста, и воспринимаются как застывшие фразеологические обороты, которые уже невозможно дополнять. Например:

Was soll das aber jetzt? Was ist? Ich habe noch eine Frage.

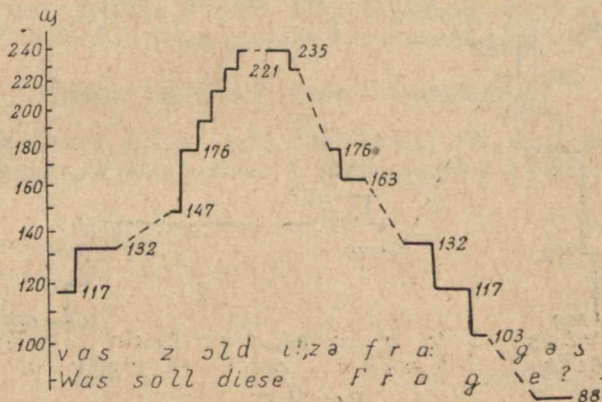

Рис. 27.

Тщательные наблюдения над разговорной речью немцев показали, что наряду с такими оборотами параллельно употребляются предложения с полным составом:

Was soll das aber jetzt (heißen)? Ich habe noch eine Frage (zu stellen). Was ist (los, passiert)?

На основании контекста или ситуации такие предложения также сопоставлялись с полными и сравнивались с их эквивалентами:

Was soll diese Frage? (B. Kell.) — Was soll diese Frage bedeuten?

У диктора № 1 (рис. 27, 28) в неполном предложении очень сильно выделяется мелодически soll и diese, мелодический интервал между was и soll здесь — 104 гц; между diese и Frage — 132 гц; в полном между was и soll — 44 гц, слова diese и Frage произносятся на одинаковом уровне. В конце неполного предложения тон понижается, в конце полного — повышается. У диктора № 3 приблизительно такая же картина, только интервалы в неполном не такие большие, как у диктора № 1.

Результаты слухового анализа:

ɛ ,vas 'zɔl 'di:zə 'fra:gə ɛ;
ɛ ,vas zɔl 'di:zə 'fra:gə bə'doʊtən ɛ.

При сравнении некоторых распространенных неполных предложений без знаменательной части сказуемого с полными установлено, что вспомогательный или модальный глагол не выделяется так сильно, как в нераспространенных предложениях. Так, сопоставляя неполное предложение *Können Sie am Mittwoch?* (W. Br.) с полным *Können Sie am Mittwoch kommen?* мы не обнаружили больших различий в мелодиче-

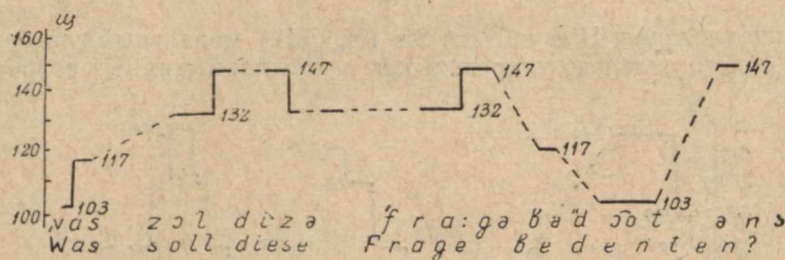

Рис. 28.

ском уровне слова *können*. В неполном предложении очень сильно выделяется слово *Mittwoch*, в полном оно выделяется меньше.

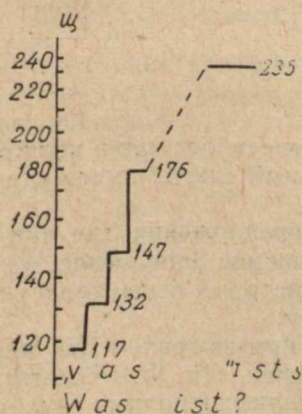

Рис. 29.

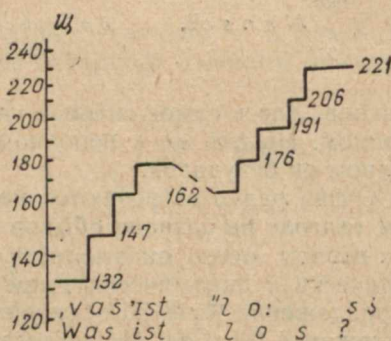

Рис. 30.

Результаты слухового анализа:

¿ ,kœnən zi'am "mitvəx ¿;
¿ ,kœnən zi'am "mitvəx 'kœmən ¿.

Предложение *Was ist?* (Fr. W.) сравнивалось с предложением *Was ist los?* В полном и неполном предложениях движение тона примерно одинаковое, но в неполном сильнее выделяется *ist* мелодически и динамически (рис. 29, 30).

Слуховой анализ:

¿ 'vas "ist ¿ ¿ 'vas 'ist "lo:s ¿.

В предложениях с неназванной знаменательной частью сказуемого интонационные различия между полными и неполными довольно значительны. Среди них встречаются предложения с небольшими мелодиче-

скими различиями, но резко отличающиеся распределением динамического ударения (слуховой анализ):

du: "mvst || du: ,mvst *ertse:lən ||;
 ɛ "vɪst 'du: ɛ ɛvɪst du: "mit maxən ɛ;
 "hi:r 'mysən zi: || "hi:r mysən zi: "aʊstjaegən ||;
 ɛ ,vas 'zɔl das 'a:bər "jetst ɛ ɛ ,vas zɔl das 'a:bər 'jetst "hæsən ɛ.

В предложении Hier müssen Sie (H. Fall.) модальный глагол не получает такого сильного ударения, как в предложениях без второстепен-

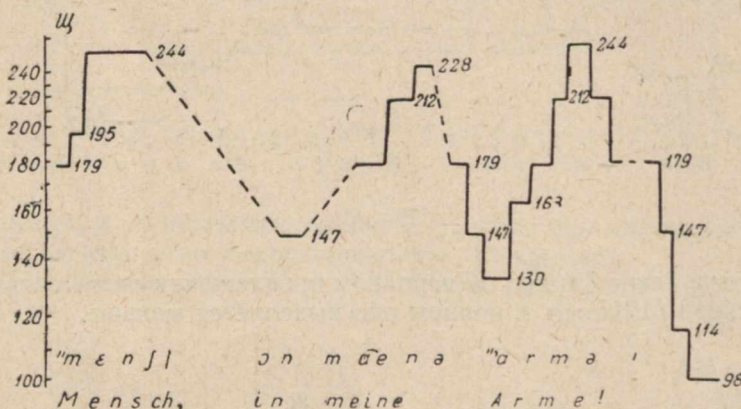

Рис. 31.

ных членов. Здесь самое сильное ударение имеет hier как в полном, так и неполном. Но все же в неполном модальный глагол имеет ударение, а в полном он безударен.

5. Очень редко встречаются неполные предложения, где при переходном глаголе не названо обычно употребляемое дополнение; в неполном на первом месте оказывается глагол, который выделяется сильнее (мелодически и динамически), чем в полном.

Предложение Weiß ich! сравнивалось с предложением Das weiß ich, а предложение Wird der Matrosenrat beschließen, (Fr. W.) с соответствующим полным. Интонационные различия неполных и полных аналогичны.

Результаты слухового анализа:

ɪ "væs 'ɪç | ,das 'væs 'ɪç |;
 'vɪrt de:r ma:"tro:zənra:t bə'ʃli:sən ||;
 'das vɪrt de:r ma:"tro:zənra:t bə'ʃli:sən.

Без дополнения глагол оказывается на первом месте и выделяется сильнее, чем в полном предложении.

6. Односоставные.

а) Побудительные. Эти предложения немногочисленны в литературе. В них бывает не назван глагол. Предложение Mensch, in meine Arme! (Fr. W.) сравнивалось с Mensch, komm in meine Arme! Подстановка глагола вносит интонационные изменения в предложение. В неполном у диктора № 1 более высокие абсолютные мелодические подъемы и большие интервалы (рис. 31, 32). Подобные различия наблюдаются и у дикторов № 2 и № 3.

Результаты слухового анализа:

ɪ "mɛnʃ | | 'ɪn mæpən "armə | | 'mɛnʃ | | ,kɔm 'ɪn mæpən
 "armə |.

Предложение *Lauter, mein Liebling, lauter!* (Fr. W.) сравнивалось с предложением *Lies lauter, mein Liebling, Lauter!* У диктора № 1 в неполном предложении интервалы больше и выше абсолютный подъем тона (рис. 33, 34). У дикторов № 2 и № 3 также есть разница, но она менее значительна, чем у № 1.

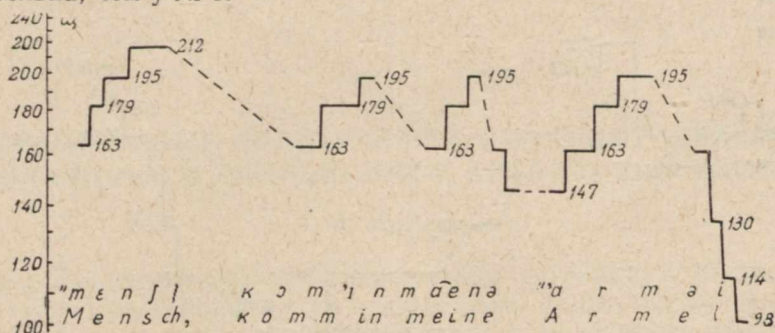

Рис. 32.

Слуховой анализ:

"laotər : maen 'li:pliŋ : "laotər ;
 ,li:s 'laotər : maen 'li:pliŋ : 'laotər ;

Побудительные предложения с полным составом, т. е. при наличии глагола, достаточно эмоциональны, а с неполным составом они еще более эмоциональны.

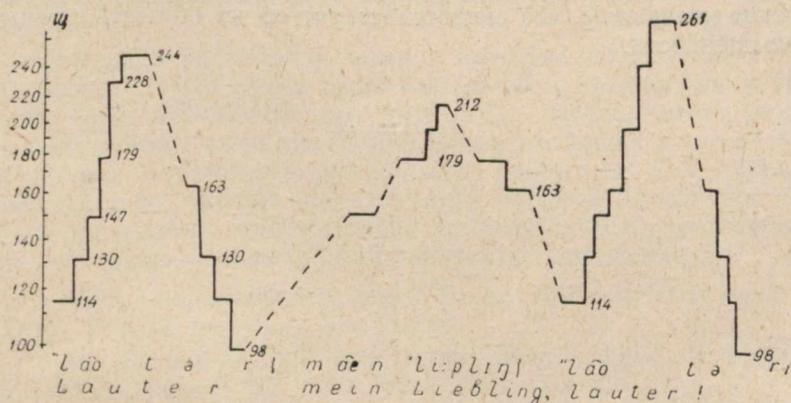

Рис. 33.

б) Безличные предложения. Эти неполные предложения употребляются редко. В них могут быть не названы различные члены предложения, чаще отсутствует глагол. Предложение *Mir egal* (A. Sgh.) сравнивалось с предложением *Es ist mir egal!* У диктора № 2 различия в интонации значительны.

Слуховой анализ подтверждает экспериментальные данные и показывает различия в интонации полного и неполного предложений:

'mi:r 'e''ga:l || ,das 'ist mi:r 'e'ga:l ||.

Предложение Gut (В. Вг.) по контексту соответствует предложению Es geht uns gut. Здесь, кроме различий в мелодии и ударении, были уста-

новлены при слуховом анализе тембровые различия, не зафиксированные на кимограммах. Такие различия наблюдались и в других случаях, но в этом предложении они особенно заметны.

Неполное предложение Gut выражает иронию; в полном ее не чувствуется.

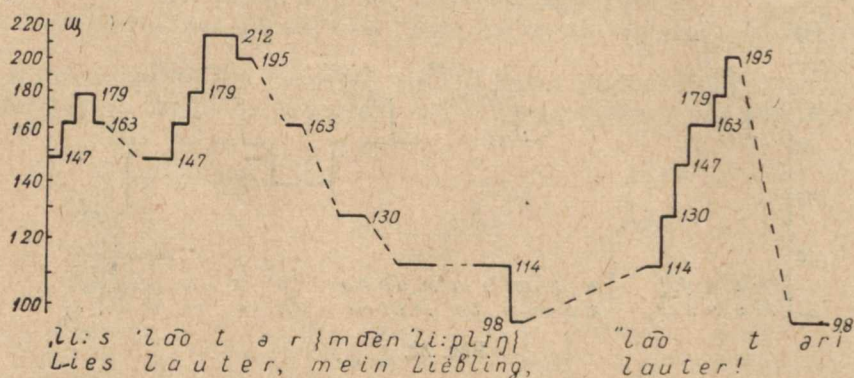

Рис. 34.

Слуховой анализ:

* "gu:t || 'es,ge:t 'vns'gu:t ||.

В безличных, как и в других типах неполных предложений, могут быть значительные различия в интонации неполных и соответствующих полных предложений: в неполном — выше подъемы мелодии, больше мелодические интервалы, что свидетельствует об их большей эмоциональной насыщенности.

ПРЕДЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С УСТУПИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. А. Лисицына

Предложные конструкции современного английского языка, имеющие уступительное значение, не подвергались специальному исследованию. Зарубежные лингвисты в грамматиках английского языка называют предлоги, имеющие уступительное значение, или вместе с соответствующими союзами¹, или в общем списке предлогов². Советские англисты иногда выделяют обстоятельства уступки, но ограничиваются лишь кратким упоминанием о них³.

Целью настоящей статьи является анализ структурных особенностей обстоятельств уступки, вводимых различными предлогами, выяснение месторасположения их в предложении и частоты употребления. В качестве материала исследования использована художественная литература — 40 произведений английских и американских писателей XIX и XX вв., откуда выписаны все предложные конструкции с уступительным значением.

В современном английском языке в качестве обстоятельства уступки могут употребляться имена существительные с предлогами *in spite of*, *despite*, *for* (all), *notwithstanding*, *with* (all). Исследование показало, что для большинства имен существительных, входящих в состав обстоятельств уступки, характерна определенная семантика. Они обозначают качество, действие, чувство или состояние, которое противопоставляется в плане логического несоответствия другому качеству, действию, чувству или состоянию, обозначенному сказуемым предложения:

...For all her crudeness, Aileen Butler was a definite force personality (Th. Dreiser. The Titan).

...Mr. Carson put his arm round Mary's waist, in spite of indignant resistance (E. Gaskell. Mary Barton).

...Despite his fatigue, and a sense of being utterly run down, he walked straight across the city, through miles of monotonous streets (A. J. Cronin. A Thing of Beauty).

¹ E. Kruisinga. A Handbook of Present-Day English, p. II. Groningen, 1932, стр. 264; G. O. Curme. A Grammar of the English Language, v. 2. Boston, 1929, стр. 85.

² A. Bain. A Higher English Grammar. L., 1904, стр. 85, 87; F. V. Gesenius. English Syntax. Halle, 1909, стр. 102, 160; W. K. Smart. English Review Grammar. N.-Y., 1946, стр. 218; A. C. E. Vechman-Veth. A Syntax of Living English, Utrecht, 1928, стр. 23; A. T. Ashton. Senior English Grammar, L., 1915, стр. 204, 207.

³ В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. Изд-во лит-ры на ин. яз., М., 1956, стр. 296; Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг. Грамматика английского языка. Изд-во лит-ры на ин. яз., М., 1960, стр. 351; Л. П. Винокурова. Грамматика английского языка Учпедгиз, Л., 1954, стр. 274.

...In spite of all his affection for this other girl, he's now ready to do the right thing by this Alden girl... (Th. Dreiser. *An American Tragedy*).

Частота употребления имен существительных с определенным лексическим значением неодинакова в конструкциях с различными предлогами. Так, 60% существительных в сочетаниях с *for* (all) и около половины с *with* (all) указывают на качество предмета. Около 50% конструкций с *notwithstanding* обозначают высказывания какого-то лица. Более 50% имен существительных с *in spite of* обозначают качество или действие. В существительных же в сочетаниях с *despite* не преобладает ни одно из указанных значений. Интересно отметить, что в обстоятельствах уступки с *in spite of* встречаются также имена существительные, обозначающие одушевленные предметы:

...Who, in spite of nurses and physicians, had only a brief existence (W. Thackeray. *The History of Henry Esmond, Esq.*).

She likes Felix, in spite of his wife... (J. Galsworthy. *The Silver Spoon*).

По частоте употребления первое место занимают уступительные конструкции с *in spite of* — более 50% примеров. Свыше 20% приходится на предложную конструкцию с *despite*, но следует учесть, что 65% этих конструкций принадлежит одному и тому же автору — А. Дж. Кронину. Более 10% примеров составляют обстоятельства с *for* (all), около 10% — с *notwithstanding* и немного меньше — с *with* (all).

Имена существительные, выступающие в качестве обстоятельства уступки, как и в любой другой функции, могут иметь при себе определения. Чаще всего они выражены притяжательным местоимением, прилагательным или именем существительным с предлогом.

In spite of the short, sharp method of the telling, he could feel tragic human feeling heavy in the tale (J. Galsworthy. *Swan Song*).

For all his simplicity, he had an active and inquiring mind... (A. J. Cronin. *A Thing of Beauty*).

В рассматриваемых конструкциях притяжательное местоимение либо соответствует подлежащему предложения, либо отличается от него. В первом случае противопоставляются действия одного и того же лица, во втором — разных лиц:

...Despite her efforts she found that she could not get in all that she wished (Th. Dreiser. *The Financier*).

In spite of all him entreaties, she never went to those chambers. (J. Galsworthy).

Если имя существительное, входящее в состав обстоятельства уступки, обозначает качество, чувство или состояние, то ему обычно противопоставляется другое качество или чувство того же лица. Действию же, обозначенному существительным, нередко противопоставляется действие другого лица. Поэтому в предложных конструкциях с *for* (all), *with* (all), *in spite of*, *despite* притяжательное местоимение, стоящее перед именем существительным, в большинстве случаев (70%—85%) соответствует подлежащему предложения:

For all his lack of dignity in such matters he did not know how to begin (Th. Dreiser. *Sister Carrie*).

...Dear Sir Walter, with all his genius, went as far in dog petting as any of us (B. Stowe. *We and Our Neighbours*).

...In spite of his physical desertion he was still spiritually loyal (Th. Dreiser. The Titan).

They were happy men despite their uncertainty about the shot. (J. Aldridge. The Hunter).

В сочетаниях с *notwithstanding* такое соответствие наблюдается лишь в половине примеров, так как около 50% этих обстоятельств обозначают высказывания какого-то другого лица.

...Notwithstanding her irritation at the style, Gemma could not help recognising in her heart the justice of the criticism (E. Voinich. The Gadfly).

Who is it... that notwithstanding all my caution, told you that? (Ch. Dickens. The Old Curiosity Shop).

Если действующее лицо понятно из самого предложения или ему не придается большого значения, так как основное внимание сосредоточено на противопоставлении действий, то обстоятельство уступки может не иметь определения, выраженного притяжательным местоимением:

...In spite of mistakes and delays, he got his specimens... (A. J. Cronin. The Citadel).

...But in spite of these benefactions Esmond was constantly poor (W. Thackeray. The History of Henry Esmond, Esq.).

Противопоставление, характерное для уступительных отношений, усиливается при наличии отрицания (*not, never, nobody*), слов с противоположными лексическими значениями, наречий *still, yet* или однородных членов с повторяющимся предлогом.

For all her money and comfort in Philadelphia she had never been in society in the best aspects, had never done social entertaining of any real importance (Th. Dreiser. Sister Carrie).

For all her misgivings she was still happy (Th. Dreiser. Sister Carrie).

In spite of policemen, set to watch over the safety of the poor country weavers — in spite of magistrates, and prisons, and severe punishments — the poor depressed men were laid and beaten, and left by the roadside almost for dead (E. Gaskell. Mary Barton).

Notwithstanding his unwilling admiration for the man..., he genuinely disliked him (E. Voinich. The Gadfly).

В состав предложных конструкций с уступительным значением может входить личное, указательное или возвратное местоимение, герундий или причастие в абсолютном причастном обороте. Правда, все они употребляются значительно реже имени существительного.

I've learned it in spite of him... (B. Stowe. Uncle Tom's Cabin).

In spite of herself... Gyp murmured... (J. Galsworthy. Beyond).

The old woman bit her lower lip to check the tears, but in spite of that they glowed freely (P. Abrams. The Path of Thunder).

„Oh, he manages to live in a palace then, in spite of being a saint?” (E. Voinich. The Gadfly).

With all her court reeling before her..., she heard a voice, and answered the simply inquiry... (E. Gaskell. Mary Barton).

In spite of these fields being flat and low, nay, in spite of the want of wood..., there is a charm about them... (E. Gaskell. Mary Barton).

Обстоятельство уступки обычно связано не только со сказуемым, но и со всей остальной частью предложения в целом¹:

...But the king received him with some wilderness, kindness and distinction, in spite of his poor plight... (W. Thackeray. The History of Henry Esmond Esq.).

Despite the supposed complexity of feminine attire, she reached the water before him (A. J. Cronin. A Thing of Beauty).

Despite her religious upbringing, Aileen was decidedly a victim of her temperament (Th. Dreiser. The Financier).

The girl, for all her startled anger, felt something of the old spell (J. Galsworthy. The man of property).

Так, если допустить, что в первом примере обстоятельство уступки не связано с обстоятельством образа действия, то исказится смысл предложения. Сравните:

But the king received him with some wilderness, kindness and distinction и But the king received him, in spite of his poor plight.

В первом предложении бедственному состоянию указанного лица противопоставляется действие, совершенное подлежащим предложения: король принял его. Во втором предложении этому состоянию противопоставляется не само действие, а его характеристика: король принял его любезно, с почетом. Во втором примере обстоятельство уступки тесно связано с обстоятельством времени, в третьем — с определением, в четвертом — с дополнением.

При наличии в предложении однородных членов некоторые из них могут быть не связаны с обстоятельством уступки:

...He was as swarthy as a mullato, and notwithstanding his lameness, as agile as a cat (E. Voinich. The Gadfly).

He gazed at her in silence and, despite his defeat, with growing respect (A. J. Cronin. A Thing of Beauty).

Так, в первом примере два сказуемых (именная часть сказуемых), но обстоятельство уступки противопоставляется лишь последнему. Во втором примере однородными членами предложения являются обстоятельства образа действия, а обстоятельство уступки связано через сказуемое лишь с одним из них.

Наблюдаются также случаи, когда обстоятельство уступки относится к обособленному определению или обстоятельству, которые выражены причастием I или II, абсолютным причастным оборотом, герундием или именем прилагательным:

...Said Sambo, touched in spite of himself by the patience of his victim (B. Stowe. Uncle Tom's Cabin).

She won some feminine pity for being so ineffective in spite of her beauty (G. Eliot. The Mill on the Floss).

...Returned Carrie, warming in spite of her first troubled feelings, toward this handsome good-natured young matron (Th. Dreiser. Sister Carrie).

...A roguish curl coming upon her mouth, notwithstanding suspense (T. Hardy. Tess of the d'Urbervilles);

¹ Ср. с соответствующим обстоятельством в русском языке и обстоятельством времени в английском языке. Грамматика русского языка, т. II, ч. I. Изд-во АН СССР. М., 1954, стр. 94. А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. Изд-во лит-ры на ин. яз., М., 1957, стр. 220—221.

Still almost exotic, in spite of centuries of sojourn, and now brought to life by the eyes of night, she seemed almost terrifying in her narrow, spear-like austerity (J. Galsworthy. *Patrician*).

Предложные конструкции с уступительным значением могут размещаться не только в начале или конце предложения, что обычно характерно для обстоятельств, но также и в середине его:

...The slippery surface, despite preliminary rubbing, was treacherous (A. J. Cronin. *A Thing of Beauty*).

В интерпозиции обстоятельство уступки обычно стоит за подлежащим или в середине аналитической формы сказуемого, но иногда встречается и перед дополнением или другим обстоятельством:

Doctor Urquart was, for all his fiery humour, a kindly man (A. J. Cronin. *The Citadel*).

At the same time he was thinking, in spite of all his other calculations, how charming she was looking to-day (Th. Dreiser. *The Financier*).

Mary couldn't help laughing outright, in spite of her depression at the idea of Margaret as an angel (E. Gaskell. *Mary Barton*).

Для обстоятельств с *with (all)*, *for (all)*, *despite* характерна препозиция, с *notwithstanding* — постпозиция, а обстоятельства с *in spite of* встречаются в препозиции несколько чаще, чем в постпозиции.

Таблица дает более четкое представление о месте рассматриваемых предложных конструкций в предложении:

Вид конструкции	Место в предложении		
	препозиция, %	интерпозиция, %	постпозиция, %
In spite of	45	20	36
With (all)	71	22	7
For (all)	50	32	18
Despite	50	32	18
Notwithstanding	35	11	54

Суммируя изложенное выше, отмечаем следующее. Предложные конструкции современного английского языка, имеющие уступительное значение, в большинстве случаев состоят из предлогов *in spite of*, *despite*, *for (all)*, *notwithstanding*, *with (all)* и имени существительного (обычно с определением), реже личного, указательного или возвратного местоимения, герундия или причастия в абсолютном причастном обороте. Наиболее употребительными из них являются конструкции с *in spite of* (более 50%), за ними следуют конструкции с *despite* (20%), *for (all)* (свыше 10%), *notwithstanding* (около 10%) и *with (all)* (менее 10%).

Притяжательное местоимение, стоящее перед именем существительным, соответствует подлежащему предложения, когда противопоставляются действия одного и того же лица, и не соответствует ему, когда речь идет о разных лицах.

Для имен существительных, входящих в состав обстоятельства уступки, характерна следующая семантика: качество — 60% примеров с *for (all)*, приблизительно 50% с *with (all)*; действие — 50% с *notwithstanding*, 25% с *in spite of*; чувство или состояние — 25% примеров с *despite*.

Обстоятельство уступки обычно относится ко всей остальной части предложения в целом, реже к обособленному определению или обстоя-

тельству, выраженному причастием, герундием или именем прилагательным. Усиление противопоставления, характерное для уступительных отношений, достигается наличием отрицания, слов с противоположными лексическими значениями, наречий *still*, *yet* или однородных членов предложения с повторяющимся предлогом. Обстоятельство уступки может занимать любое место в предложении: начало, конец или середину его. В последнем случае оно обычно располагается между главными членами предложения, в середине составного сказуемого или за ним. Препозиция характерна для обстоятельств с *with (all)*, *for (all)*, *despite*, постпозиция — для *notwithstanding*, а сочетания с *in spite of* приблизительно одинаково часто встречаются в начале и в конце предложения. Независимо от места в предложении обстоятельство уступки обычно отделяется запятой.

О ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ П. ВАЙЯНА-КУТЮРЬЕ

Е. П. Мартянова

П. Вайян-Кутюрье (1892—1937) — выдающийся деятель французской прогрессивной культуры, талантливый писатель, коммунист, неутомимый борец за мир и дружбу между народами, за победу коммунизма¹. Он считал, что Великая Октябрьская социалистическая революция продолжает традиции Парижской Коммуны², а «коммунизм — это юность мира, потому что коммунизм ведет к цветущему будущему»³.

В своих работах о Советском Союзе, особенно в книге «Строители новой жизни»⁴, П. Вайян-Кутюрье широко использует лексику языков народов СССР, особенно неологизмы, возникшие под влиянием Великого Октября. Нельзя истолковывать это только как стилистический прием автора, помогающий воссозданию местного и исторического колорита: использование этой лексики отвечает насущной потребности писателя дать правильное представление о жизни советских людей, донести до читателей те понятия, для которых во французском языке нет эквивалентов. Нередко новые слова поясняются, что дает возможность французским читателям лучше понять советскую действительность.

В составе этой лексики намечается несколько групп:

1. Изучение новой эпохи, эпохи пятилетних планов и построения социализма в нашей стране обусловило широкое применение в творчестве Вайяна-Кутюрье неологизмов послеоктябрьского периода. Этому типу лексики автор уделяет наибольшее внимание⁵.

2. Ко второй группе относится лексика русского и украинского происхождения, употреблявшаяся во французском языке в дооктябрьский период и сохранившаяся до настоящего времени. Эта лексика, так же как и неологизмы послеоктябрьского периода, используется в творчестве П. Вайяна-Кутюрье при описании жизни всех братских народов Советского Союза.

3. П. Вайян-Кутюрье употребляет также некоторые слова арабского, персидского, турецкого, грузинского, татарского и узбекского происхождения. Лексика эта немногочисленна. Сфера применения ее огра-

¹ См. M. Cachin. Introduction à l'oeuvre de P. Vaillant-Couturier. „Nous ferons se lever le jour“. Editions hier et aujourd'hui, Paris, 1947, стр. 2.

² P. Vaillant-Couturier. Au service de l'esprit. Esi, Paris, 1936, стр. 314.

³ P. Vaillant-Couturier. Au service de l'esprit. Esi, Paris, 1936, стр. 314. Ср. также Gabriel Péri, Lettres des communistes fusillés. M., Editions en langues étrangères, 1951, стр. 13.

⁴ P. Vaillant-Couturier. Les bâtisseurs de la vie nouvelle. I, II, III. Bureau d'éditions, Paris, 1932. В дальнейшем ссылки на эту работу обозначаются буквой В и даются с указанием тома и страницы.

⁵ См. нашу работу «Роль русского языка в обогащении французской лексики в послеоктябрьский период». «Філологічний збірник», Вид-во АН УРСР, К., 1958, стр. 157.

ничена. Вайян-Кутюрье употребляет эти слова только при описании культуры отдельных народов Советского Союза. Подавляющее большинство их приводится автором курсивом с соответствующими пояснениями, необходимыми для правильного понимания жизни советских людей в восточных республиках Советского Союза.

Неологизмы советского периода, нашедшие отражение в творчестве П. Вайяна-Кутюрье, отличаются большим разнообразием семантики, происхождения и оформления.

1. Знакомя французских читателей с жизнью людей, строящих социализм, автор уделяет большое внимание новой лексике общественно-политического характера. Сюда относятся фонетические заимствования, сохранившие до известной степени русскую форму: *soviet*, *bolchévik*, *koulak*, *grajdanine*, *tovarisch*. На основе такой лексики созданы производные средствами французского языка: *soviétique*, *soviétiste*, *soviétisme*, *léniniste*, *léninisme*, *bolchévique*, *bolchéviste*, *bolchévisme*, *bolchévisation*, *koulakisme*, *dékoulakiser*, *dékoulakisé*, *dékoulakisation* и др.

Для обозначения общественно-политических понятий прошлого П. Вайян-Кутюрье использует такие слова, как *batrak*, *junker* и др. Слово *batrak* автор поясняет: *batrak — ouvrier agricole* (B-I, 18).

Из лексики иностранного, в том числе французского происхождения, употребляемой в русифицированной форме, можно отметить: *intelligentsia*, *kommandir*, *kultarmetz* (*kultarmiets*), *militonnaire* и др. Все эти слова выделяются курсивом и даются обычно с пояснениями.

2. Русизмы официально-делового характера включают две группы слов: неологизмы послеоктябрьского периода, отражающие особенности советского производства, и слова, обозначающие лиц, выполняющих служебные обязанности. К первому типу можно отнести: *dogovor*, *kommandirovka*, *soubotnik*, *oudarnik*, *mazout* и др.

Приводя слово *bouksir* (рус. *буксир* от нем. *Buchse*), автор поясняет его французским эквивалентом *gemoirque*, употребляя его в новом, переносном значении (B-II, 52). Отсюда образована им калька *gemoirquer — взять на буксир*, т. е. *помочь* (B-II, 53, 63). К этой же группе относятся слова типа: *pachalnik*, *gradonatchalnik*, *pogranitchniki*. Близкие этимологические параллели облегчают понимание некоторых фонетических заимствований русского происхождения: *kvartal — фр. quartier*, *payok — фр. paye*, *tractoriste — фр. tracteur*, *spetz — фр. spécialiste* и др.

3. В лексике сельскохозяйственного характера можно встретить фонетические заимствования русских слов. Например: *kolkhoz* (*kolkhoze*, *kolkhose*), *sovkhoz* (*sovkhoze*, *sovkhose*), *sad*. Некоторые русизмы сельскохозяйственного характера обрастают во французском языке производными: *kolkhozien* (*kolkhosienne*), *kolkhozation*, *sovkhozien*.

4. Среди неологизмов, приводимых П. Вайяном-Кутюрье, встречаются разнообразные русизмы бытового характера. С точки зрения семантики эта лексика неоднотипна. Сюда относятся слова, обозначающие продукты питания, одежду и т. п.: *ikra*, *voditchka*, *pirojni*, *pirojok* (*pirojkis*), *samogonka*, *makhorka*, *papirose* (*papirossi*), *platok*, *roubachka* и др. К последнему слову автор добавляет пояснение *blouse russe* (B-I, 46). «Толстовка» передается как *la roubachka de Tolstoi*¹.

Используются также слова русского и украинского происхождения, обозначающие населенные пункты и помещения: *silo*, *datcha*, *gastynitza*, *stolovaïa*, *tchaïnaïa*. Отдельные русизмы обозначают денежные знаки, меры площади и т. п.: *tchervonetz*, *déciatine* и др. Встречаются русизмы,

¹ P. Vaillant-Couturier. *Enfance*. Ed. en langues étrangères, Paris, 1950, стр. 210.

обозначающие различные понятия быта, предметы обихода, природные особенности и т. п.: *boulka*, *lénéika*, *babouchka*, *besbochnik*, *katchoucha* (*une danse*), *gloukar*. При передаче разговорной речи иногда употребляются наречия и междометия: *dasvidania*, *sitchas*, *pajalousta*, *pravilna*, *nielsia*, *kharacho*, *otchin kharacho*, *nitchevo* (*nitchévo*).

Среди фонетических заимствований много аббревиатур: RSFSR — РСФСР, VTSIK — ВЦИК, TSIK — ЦИК, MOPR — МОПР, *Nep* — нэп, *Gosplan* — Госплан, *Gosbank* — Госбанк, *rabfak* — рабфак, *rabcor* — рабкор, *fabzautch* — фабзауц, *féséou* — ФЗУ, *Donbass* — Донбасс, *Kousbass* — Кузбасс, *Asneft* — Азнефть, *Tourgsib* — Турксиб, *Narkomsnab* — Наркомснаб, *Intourist* — интурист и др. Калькирована аббревиатура СССР — URSS (ср. более редкую транслитерацию SSSR).

Некоторые неологизмы, характеризующие социалистический строй, создаются путем перевода составных терминов, устойчивых и традиционных сочетаний. Например: *la Révolution d'Octobre* — Октябрьская революция, *l'édification socialiste* — построение социализма, *l'émulation socialiste* — социалистическое соревнование, *appeler à l'émulation* — вызвать на соревнование, *le travail social* — общественная работа, *la conscience de classe* — классовое сознание, *les conditions objectives* — объективные условия, *le travailleur de choc* — ударник, *le travail de choc* — ударная работа, *la brigade de choc* — ударная бригада, *la conférence de production* — производственное совещание, *le plan quinquennal* — пятилетний план, *le contre-plan* — встречный план, *la maison de repos* — дом отдыха, *le parc de culture et de repos* — парк культуры и отдыха, *le secteur culturel* — культотдел, *la maison d'enfants* — детский дом, *la maison de la culture* — дом культуры, *le camp de pionniers* — пионерский лагерь, *le coin rouge* — красный уголок, *le héros du travail* — герой труда, *le communisme de guerre* — военный коммунизм, *le journal mural* — стенная газета, *la rédaction volante* — летучая редакция, *le secrétaire de la cellule* — секретарь ячейки.

Наблюдается калькирование русских слов, отдельные слова и фразеологизмы передаются описательно: *le paysan individuel* — единоличник, *le paysan moyen* — середняк, *le sans-parti* — беспартийный, *l'auto-critique* — самокритика, *l'autodiscipline* — самодисциплина, *dékoulakiser* — раскулачить, *la dékoulakisation* — раскулачивание, *pierre sur pierre* — камень на камне (не оставить), *des histoires des mères-grands* — бабушкины сказки.

Выходят за пределы собственно языковых влияний отдельные переводы советских лозунгов. Например: *Le communisme, c'est le pouvoir des Soviets plus l'électrification*. — Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны. *Le plan de cinq ans en quatre ans!* — Пятилетка в четыре года! *A travail égal salaire égal*. — Равная плата за равный труд. *Prêt au travail et à la défense*. — Готов к труду и обороне. Наблюдается также транслитерация русских лозунгов, что обычно сопровождается пояснениями автора: *Dognat i peregnat*. — Догнать и перегнать. (*Il faut rattraper et dépasser!*) и т. д.

Особый интерес представляют семантические неологизмы, созданные средствами французского языка под влиянием Октября. Для обозначения новых советских понятий П. Вайян-Кутюрье часто использует французскую лексику, которая под влиянием русских аналогов приобретает новые оттенки значений. В литературном наследии П. Вайяна-Кутюрье сюда можно отнести, например, слова: *actif*, *activiste*, *arriviste*, *cadres*, *cellule*, *coin rouge*, *combativité*, *collectif*, *collectivisation*, *culturel*, *se cultiver*, *émulation*, *gauchisme*, *massif*, *norme*, *partisan*, *pionnier*, *responsable*, *sabotage*, *saboter*, *saboteur*, *spéculant*, *sympatisant* и др.

П. Вайян-Кутюрье использует слово *culture* в значении русского слова *культура*: *j'ai perfectionné ma culture générale et me voici* (В-III, 68). Слово *culture* — латинского происхождения; по мнению Ф. Брюно, оно существовало уже в 1521 г., но писатели боялись латинизировать язык и заменили его словом *labour*¹. Прежде во французском языке употреблялось производное *cultural* в смысле *агрикультурный*. В настоящее время используется слово *culturel* в значении русского *культурный*: *Mais les soldats rouges et les ouvriers, animés par leur conscience de classe, savent organiser la lutte culturelle* (В-III, 45). *Ils proclament et ils prouvent leur attachement aux traditions culturelles de la France*².

Наблюдая повышение культурного уровня советских трудящихся, П. Вайян-Кутюрье употребляет образованный им глагол *se cultiver*, описательно передающий выражение *расти, повышать культурный уровень*: *L'armée bourgeoise dit au jeune soldat: „Ne cherche pas à comprendre”*. *L'armée rouge lui dit: „Comprends, étudie, cultive-toi”*³. Обычно во французском языке применяется глагол *cultiver*⁴. Употребление возвратного глагола *se cultiver* без дополнения является отражением влияния русского языка советской эпохи.

Слово *milice* (из лат. *militia*) первоначально обозначало *борьбу* или *войну*. В XVII в. у Боссюэ этот термин означал *войско, отряд*, например: *La nouvelle milice qu'il fallut lever*⁵. До французской революции милиция состояла из представителей третьего сословия, которые по жребии отбывали воинскую повинность в регулярной армии или охраняли города. В современном французском языке *la milice* — вспомогательная полиция во французских колониях. Словосочетание *la milice ouvrière et paysanne* (рабоче-крестьянская милиция) для французского языка является новым термином. Французское слово *milice* (милиция) дало во французском языке производное *milicien* (милиционер). Русское же слово *милиционер*, произведенное от латинского *militia*, попадает во французский язык в русифицированной форме *le militionnaire*: *Va-t-en ou j'appelle le militionnaire* (В-III, 37).

Слово *massif* употреблялось в смысле *массивный, плотный, цельный, грубый, тяжелый, тугой*. В современном французском языке наблюдается новый, русифицированный оттенок значения (массовый):

Elle exalte seulement les exigences physiques ou chimiques de la matière, en transformation et la puissance de la ligne n'exprime pas la domination d'une classe parasitaire sur une classe exploitée, mais la victoire massive du travail intelligent (В-III, 84).

Слово *responsable* (ответственный) также несколько расширило свое значение: оно применяется в смысле *ответственный работник* как имя существительное: *les responsables* — ответственные работники (В-III, 186).

Французское слово *intelligence* применялось обычно в смысле *разума, способности мышления, понимания, умственного развития, осведомленности* и т. п. В русском языке на основе латинского слова того же корня *intelligentio* (понимание, способность восприятия) было образовано слово *интеллигенция*. Русифицированное значение слова *intelligence* появилось во французском языке еще до Великого Октября⁶. По-

¹ F. Brunot. Histoire de la langue française, t. VIII. Colin, Paris, 1934, стр. 501.

² P. Vaillant-Couturier. Au service de l'esprit. Esi, Paris, 1936, стр. 16.

³ P. Vaillant-Couturier. Le malheur d'être jeune. Les éditions nouvelles, Paris, 1935, стр. 303.

⁴ Le Petit Larousse illustré, Paris, 1937, стр. 248.

⁵ Bossuet. Histoire universelle, III, стр. 6.

⁶ E. Hauman. La culture française en Russie. Hachette, Paris, 1910, стр. 498.

сле Октября это слово сохраняется, но передается оно во французской художественной литературе неоднотипно. Так, русское слово *интеллигенция* у Вайяна-Кутюрье передано двумя способами:

De même, la Hongrie et la Grèce virent se rassembler autour d'elles, pour leur indépendance, les meilleurs esprits de l'intelligence française du temps¹.

Le Djédid, ou mouvement des jeunes boukhariens, s'organisait dans les milieux de l'intelligentsia (B-II, 73).

Образцом семантической кальки служит слово *actif* — актив. В академическом словаре 1694 г. встречается слово того же корня *activement*, употребляемое до этого времени в грамматике, которое в эпоху французской революции приобрело значение *энергично*. Слово же *actif* — актив (из латинского *actum* — акт) до сих пор применялось как коммерческий термин или в форме прилагательного (деятельный, действующий). Слово *actif* (в форме прилагательного) связано с выборами во время французской революции 1791 г., когда было введено различие между *citoyen actif* — тот, кто имеет право избирать и быть выбранным и *citoyen passif* — тот, кто имеет право избирать. Кроме того, появились новые выражения: *voix active* — активный голос и *voix passive* — пассивный голос. Новый политический оттенок слова *actif* является калькой с советизма *актив*, поддержанной производным заимствованием *activiste* и переводом выражений: *le Bureau Actif* — бюро актива, *l'actif des Soviets* — актив Советов (B-III, 58), *l'actif du Parti* — партийный актив (B-II, 7, III, 56).

Специализацию значения можно наблюдать также в слове *le triangle* — треугольник (B-III, 56). Слово это (из лат. *triangulum*) имеет несколько значений: *геометрическая фигура, музыкальный инструмент и каждый предмет, имеющий треугольную форму*. *Le triangle* в политическом значении — калька с русского слова *треугольник*. Слово *les cadres* — кадры раньше, кроме значения *рама* или *план сочинения*, употреблялось еще в военной терминологии. В современном французском языке слово *les cadres* используется в значении советизма *кадры*. П. Вайян-Кутюрье употребляет это слово, когда речь идет о колхозных кадрах: *l'ancien cadre* (B-III, 38), *les cadres des kolkhoses* (B-I, 10).

Слово *individuel* — личный обычно для французского языка, но у Вайяна-Кутюрье этому слову придан несколько иной оттенок — *единоличник, представитель единоличной собственности*, причем слово субстантивизировалось: *Maintenant, nous sommes 137, et les individuels ne sont plus que 16* (B-I, 12). Параллельно употребляется термин *le paysan individuel* — единоличный крестьянин. *Devenu kolkhosien, le paysan individuel d'hier conserve sa maison*. (B-I, 9). Впрочем, Лапусс в этом значении употребляет термин *le paysan isolé*².

Семантические кальки нередко появляются в составе новых словосочетаний. Например, *le journal mural* — стенная газета, *une rédaction volante* — летучая редакция, *le travail de choc* — ударная работа:

La tâche du Parti est une tâche de persuasion. On s'y emploie en URSS, par tous les moyens de propagande, par le journal mural, par exemple (B-I, 10).

Depuis plusieurs nuits, toute la rédaction volante du journal Vitchka (la Performatrice) est mobilisée sur le chantier numéro trois (B-I, 70).

Isi on ne connaît que le travail de choc (B-I, 42).

¹ P. Vaillant-Couturier. Au service de l'esprit. Esi, Paris, 1936, стр. 7.

² Le petit Larousse illustré. Paris, 1937, стр. 524.

Иногда наряду с калькой автор применяет и транскрибированное русское слово *oudarnik* (ударник). Например: *l'oudarnik des oudarniks* — ударник из ударников (В-III, 53), *l'armée victorieuse des oudarniks* — победоносная армия ударников (В-III, 157), *une brigade d'oudarniks* или *une brigade de choc* — ударная бригада; *La brigade de choc des mécaniciens m'a demandé de la parrainer* (В-I, 42); ср. *brigades d'oudarniks* (В-II, 98). В последних сочетаниях меняется значение слова *brigade*; как и в выражении *une brigade de komsomols* — комсомольская бригада (В-III, 86).

В предложении „*Le tribunal de camarades*“ *fonctionne pour développer la conscience dans les éléments qui se relâchent* (В-I, 70), автор берет термин *le tribunal de camarades* — *товарищеский суд* в кавычки, по-видимому, потому, что это словосочетание состоит из двух терминов, имеющих во французском языке несколько противоречивый характер. Слово *tribunal* — *суд* — официальный юридический термин. Несколько менее официально выражение *le tribunal de famille*, которое означает *семейный суд* — совет родственников, выбранный для разбора претензий между сестрами и братьями при дележе наследства. Новый же термин включает слово *camarade*, имеющее тот же смысл, что и *compagnon*, но с оттенком некоторой фамильярности¹: слово *camarade* выражает оттенок равенства, подразумевает дружеские непринужденные отношения. Вот почему *le tribunal de camarades*, отражая новые формы социалистического строя, воспринимается в современном французском языке как новое понятие, как советизм.

Некоторые выражения рассматриваемого типа широко распространились во французском языке. Например: *appeler à l'émulation* — вызывать на соревнование; *Cette fois on décida de créer un cercle de liquidation de l'analphabétisme, de publier un journal mural et d'appeler la baraque 27 à l'émulation* (В-I, 64); *l'émulation socialiste* — социалистическое соревнование: *L'émulation socialiste a pénétré la campagne adiguée* (В-I, 37).

Слово *émulation* (из латинского *aemulatio* — соревнование, соперничество) встречается еще в XVII в. у Фенелона, который считал необходимым использовать соревнование при воспитании детей. Новообразованием здесь является сочетание слов *émulation socialiste*, отражающее новую идею, новое социалистическое отношение к труду.

Но семантические неологизмы в современном французском языке — это не только использование французской лексики в новых русских советских значениях. Смещение оттенков значения наблюдается и в употреблении советизмов, толкование которых социально обусловлено. Одним из примеров расширения значения может служить слово *bolchévique*, которое в понимании прогрессивных писателей Франции, в том числе и П. Вайяна-Кутюрье, приобретает значение *борец за мир, борец против реакции*. Семантические изменения можно отметить также и в применении слова *komsomol*, которое используется для выражения частного понятия — члена комсомольской организации: *Ils ont tiré sur un komsomol* (В-II, 17); *Alexis Bogdanov, komsomol, étudie maintenant pour être ingénieur à l'Institut du charbon* (В-III, 37).

В творчестве П. Вайяна-Кутюрье встречаются также слова русского и украинского происхождения, которые были использованы во французской художественной литературе в дооктябрьский период. Сюда можно отнести слова, заимствованные различными путями.

¹ A. Hatzfeld, A. Darmesteter et A. Thomas. Dictionnaire universel de la langue française, т. I. Delagrave, Paris, 1926, стр. 337.

1. Слова, обозначающие лиц по национальности и месту жительства: Russe, Russien, Moscovite, Sibérien, Ukrainien, Kievien, Caucasiën, Ouzbek, Kasak, Nogaï, Ossétine, Kalmouke, Tadjik, Tsigane. В значении имен существительных они пишутся с прописной буквы, написанные же со строчной буквы, они выполняют функцию прилагательных: un Ukrainien — украинец; ukrainien — украинский. Субстантивированное прилагательное этого типа пишется со строчной буквы, употребляется с определенным артиклем и обозначает язык данного народа: l'ukrainien — украинский язык.

2. Слова, отражающие социально-общественный строй дореволюционной России, обозначающие понятия служебного характера того времени, а также род занятий. Например: tsar, tsarine, tsarévitch, tsariste, tsarisme, pomietchik, pope, tchinovnik, ataman, cosaque, moujik, baba, ribiata, isvoschik (izvotchik). Сюда можно отнести и слово sotnia, которому автор дает пояснение: une centaine. Такое употребление и толкование слова sotnia наблюдалось и раньше, например у Боплана, Лесюра, Мериме, Реклю и др.

3. Слова, отражающие общественно-политические понятия России дооктябрьского периода: dékabriste, douma, pogrome (pogrom), pagaïka и т. д.

4. Слова, характеризующие особенности русской и украинской природы: tchernoziom, kourgan, steppe, taïga, toundra, vallouns, bourane и др. Слово kourgan (kourgane, kourganes, kourganî) сопровождается различными пояснениями во французской литературе. Так, Е. Реклю считает курганы древними могилами¹. С. Корбйю говорит, что курганы представляют собой покрытые земляными холмами большие каменные склепы, в которых хоронили скифских вождей². У П. Вайяна-Кутюрье толкование слова *курган* неточно: он считает курган поселком, частью совхоза³. Слово steppe широко применяется при описании не только России и Украины, но и других стран. Уже с конца XIX века встречаются упоминания о разнообразных типах степных местностей: des steppes salines, des steppes riveraines, des steppes herbeuses, une steppe nue и т. д.⁴. П. Вайян-Кутюрье применяет также термин la steppe vierge (В-І, 22). В последнее время слово steppe употребляется иногда и в переносном смысле, обозначая монотонность или однообразие явлений⁵. Слово tchernoziom у П. Вайяна-Кутюрье, как и у других французских ученых и писателей, поясняется французскими словами terre poïge. Значение слова toundra (тундра) у него несколько сужено и отличается от толкования его в предшествующей литературе. Например, Реклю писал о тундре, как о сырой равнине, которая находится на берегах Ледовитого океана, где растет мох, которым питаются северные олени⁶. В словаре Ларусс указывалось, что тундра представляет собой название арктических пространств, которые находятся на низменных берегах России, Сибири и Северной Америки, где растет почти исключительно мох⁷.

¹ E. Reclus. Nouvelle Géographie Universelle, т. V. Hachette, Paris, 1885, стр. 503.

² S. Corbiau. L'Art Ukrainien. Sur l'Ukraine. R. Joret et P. Bertrand, Bruxelles, 1925, стр. 22.

³ P. Vaillant-Couturier. Les bâtisseurs de la vie nouvelle. Т. II. Ed. citée, стр. 53.

⁴ E. Reclus. Nouvelle Géographie Universelle, т. V. Ed. citée, стр. 278, 448, 679, 854.

⁵ R. Rolland. L'Ame enchantée, т. III. Editions en langues étrangères, Moscou, 1955, стр. 53.

⁶ E. Reclus. Nouvelle Géographie Universelle, т. V. Ed. citée, стр. 290.

⁷ Le Petit Larousse illustré. Larousse, Paris, 1911, стр. 1000.

П. Вайян-Кутюрье говорит о тундре, как о холодной степи северной Сибири, где водится северный олень (В-III, 19).

Слово *taïga* у П. Вайяна-Кутюрье означает большой сибирский лес, который пересекают болота (В-III, 19). Автор переводит также сочетание *золотая тайга* — *la taïga d'or* (В-III, 6).

5. Слова, обозначающие деньги и меры длины и веса: *corpek* (копек), *rouble*, *des roubles-or*, *verste*, *sagène*, *poud*. Слово *des roubles-or* обычно употреблялось только в специальной литературе. П. Вайян-Кутюрье использует его в очерках, посвященных созидательной работе в Советском Союзе и рассчитанных на широкие читательские массы.

6. Наименования видов транспорта. Например: *kibitki*, *tarantass*, *télégue*. Слово *télégue* автор поясняет французским синонимом *chariot* (В-II, 58).

7. Слова, обозначающие селения и помещения: *isba*, *khoutor*, *stanitza* (*stanitsa*), *Kremlin*.

8. Слова, относящиеся к столу и пище: *borsch* (*bortch*), *kacha*, *kipiatok*, *kissel*, *kleb*, *kvass* (*kwass*), *vodka*, *samovar*. К некоторым из этих слов автор считает необходимым давать пояснения. По его мнению, квас — это нечто вроде пива, сделанного из хлеба (В-II, 57), слово *каша* он поясняет французским синонимом *le gruau* (В-II, 18), а слово *борщ* сопровождается рецептом приготовления и сопоставлением питания солдат советской и французской армий (В-II, 62).

9. Наименования одежды, обуви и мехов, например: *astracan* — *каракуль*, *laptis*, *valinkis*, *touloupe*, *kakoschuk*. Во французской литературе XIX века, например у П. Мериме, слово *кокошник* передается точнее — *kakoschnik*. Слово *тулуп* Оман передает как *touloup*, а П. Вайян-Кутюрье использует оформление, более свойственное французскому языку — *touloupe* (В-III, 60) с конечным *e* немим — и, кстати сказать, более принятое во французской литературе (Блавье, П. Мериме, Понса, Тиссо и др.).

10. Слова, относящиеся к народному искусству, например: *balalaïka*, *balalaïkiste*. Интересно, что во французской литературе XIX века балалайка считается трехструнным украинским инструментом и слово *balalaïka* рассматривается как украинизм¹. У П. Вайяна-Кутюрье слово встречается в единственном и во множественном числе с обычным конечным *s* (В-I, II, 15, III, 33, 60). Применяемое П. Вайяном-Кутюрье производное *balalaïkiste* — балалаечник (калька) встречается в той же форме в предшествующей литературе у Понса, Ламартина, Реклю и др.

11. Некоторые наречия обиходного характера: *hagacho* (*khaagacho*), *hourra*, *strastvitié*, *nitschevo*, (*nitchévo*).

У П. Вайяна-Кутюрье можно встретить слова, являющиеся в русском языке заимствованиями из узбекского, грузинского и татарского языков. Автор использует эту лексику при описании быта и особенностей колхозного и промышленного строительства в восточных республиках Советского Союза. По содержанию эта лексика разнообразна. Сюда относятся, например:

а) Слова, отражающие социальное положение или род занятий: *tamada* — *тамада* из груз. *tamadoba* — председатель или распорядитель пирушки (В-II, 86); *djiguite* — *джигит* (тюрк., ср. ногайск. *çigit*) — искусный, ловкий наездник на Кавказе (В-II, 63), сравните также производное *djiguitovka* (В-I, 32) *dekhan* — *декхан* (от перс. *dehgan* — землевладелец) — крестьянин в Узбекистане и Туркменистане (В-I, 46);

¹ M. Lesur. Histoire des Kosaques. H. Nicolle, Paris, MDCCCXIV, стр. 182; A. de Lamartine. Histoire de la Russie. Perrotin, Paris, 1855, стр. 219.

историзм *bassmatch* — *басмач* (от тюрк. *basmaq* — совершать налет) — участник контрреволюционных банд в Средней Азии (В-I, 33).

б) Военная терминология (названия оружия): *kindjal* — *кинжал* (от араб. *hangar*) — холодное оружие в виде обоюдоострого ножа (В-I, 29); *yatagan* — *ятаган* (тур. *yatagan*) — большой кривой турецкий кинжал, отточенный с одной стороны¹.

в) Природные особенности, термины ботаники и зоологии: *un arik* (тюрк., ср. узбек. *arog*) — оросительная канава, источник воды (В-I, 88); *le bourgan* — душистое растение (В-I, 91); *les djaïran* (*gazelle*) — джейран (В-I, 90).

г) Населенные пункты и помещения: *aoul* — *аул* (тюрк.) — горное селение у кавказских горцев (В-I, 30); *kichlak* — *кишлак* — селение в Средней Азии (В-I, 43), *la tchaïkhana* — чайная, *maison de thé* (В-I, 47, 48, 65), причем это слово употреблено в одинаковой форме в единственном числе и во множественном; *itchkaré* — часть дома, отведенная для женщин и смежная с *tachkaré* — мужской половиной дома (В-I, 80); *yourte* — *юрта* (тюрк. *jurt*) — переносное жилище, кибитка у некоторых кочевых народов (В-I, 88); *des karas* — круглые хижины (В-I, 48).

Слова *aoul*, *yourte* встречались во французской художественной литературе дооктябрьского периода. *Yourte* отражено в словарях. Слова же *itchkaré*, *tachkaré*, *karas* с пояснениями автора встречаются в литературе впервые.

д) Транспортные средства: *arba* — *арба* (тюрк. *araba*), двухколесная телега в Крыму, Средней Азии и на Кавказе, четырехколесная длинная телега на юге СССР (В-I, 78). Попутно, по-видимому, с целью занимательности, автор употребляет также недолговечное производное *chaïtan-arba*, применявшееся у местных жителей для обозначения впервые появившегося автомобиля (В-I, 19).

е) Слова, относящиеся к столу и пище: *plof* — *плов* или *pilaf* — *пилав* (В-I, 44, 87), рисовая каша с мясом, преимущественно с бараниной, *chachlik* — *шашлык* (из тюрк.) — (В-I, 44), *schourga* — сметана с различными овощами (В-I, 44); *khabob* — *рагу* из баранины с зелеными вишнями (В-I, 44), *brinza* — *брынза* (В-I, 55), *djin* — *джин*, хлебная водка (В-II, 57).

ж) Слова, обозначающие предметы одежды: *tibiteka* — *тюбетейка* (от тат. *tybetej*) — (В-II, 45); *parandja* — *паранджа* (араб. *farāngā*) — женская верхняя одежда, длинный широкий халат с волосатой сеткой, закрывающей лицо (В-II, 81); *khalat* — *халат* (этимологически из араб. *hil'at*) — длинная и широкая верхняя одежда у некоторых народов Востока (В-II, 78).

з) Наименования музыкальных инструментов: *doïran* — *тамбурин* с кольцами (В-II, 45), *karnaï*, *tubas* (В-II, 45); *goutor* — *узбекская гитара* (В-II, 78).

Преобладание в языке П. Вайяна-Кутюрье общественно-политической терминологии русского происхождения послеоктябрьского периода объясняется отсутствием французских эквивалентов для выражения новых понятий советской действительности.

Показателем практической необходимости усвоения ведущих советизмов в современном французском языке является следующее: образование советизмов производными, проникновение их не только в виде отдельных слов, но и гнездами, отсутствие во французском языке соответствующей лексики, оформление их средствами французского языка и широкое употребление их во французском языке и последующей французской литературе. Таковы, например: *soviet*; *Soviétique*; *soviétique*;

¹ P. Vaillant-Couturier. Première classe. Flammarion, Paris, 1927, стр. 85.

non-soviétique; soviétiste; soviétisme, m; soviétiser; soviétisation, f; bolchévik, m; bolchévik; bolchévique; bolchéviste; bolchévisme; bolchéviser; bolchévisation; léninisme, m; léniniste; léniniste, m; komsomol, m; komso-mol; komsomole, f; kolkhoze (kolkhoz, kolkhose), m; kolkhozien; kolkho-zienne, f; kolkhozation, f; sovkhoze (sovkhoz, sovkhose), m; sovkhazien, m; sovkhazien; koulak, m; koulakisme, m; dékoulakiser; dékoulakisé; dékoulakisation, f и др.

Использование некоторых географических терминов русского и украинского происхождения при описании природных особенностей не только СССР, но и других стран показывает широкое применение русских слов *taïga*, *toundra*, украинских слов *kourgane* и особенно *steppe* и его производных *steppeux*, *steppien*. Закрепление некоторой части заимствований русского и украинского происхождения дооктябрьского периода, утрата ими в известной степени экзотической окраски выражается в том, что автор применяет их без курсива, кавычек или пояснений, т. е. наравне с остальными французскими словами.

Привлечение небольшой части лексики из языков братских народов восточных республик Советского Союза в качестве средства создания местного и исторического колорита вносит элементы занимательности в повествование и способствует лучшему пониманию советской действительности читателями.

«ГЕРМАНИЯ. ЗИМНЯЯ СКАЗКА» ГЕЙНЕ И ЕЕ РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Л. Ф. Тарасов

1. Из истории переводов поэмы

Генрих Гейне написал поэму «Зимняя сказка» в апреле 1844 г., после возвращения из Германии. В России полный перевод поэмы Гейне появился в 1861 г. в журнале «Отечественные записки». Автором его был известный в то время переводчик В. Водовозов. В 1863 г. опубликовал свой перевод «Зимней сказки» В. Костомаров.

Относительно позднее появление знаменитой поэмы Гейне в русских переводах объясняется прежде всего жестоким цензурным гнетом. Литературная деятельность Гейне почти полностью совпала с царствованием Николая I. Все прижизненные издания произведений Гейне проходили через Комитет иностранной цензуры. «Вплоть до начала 1860-х гг. Гейне почти сплошь (за минимальными исключениями каких-нибудь двух—трех случаев) под запретом»¹. К числу этих исключений «Зимняя сказка» не принадлежала. Когда в начале 60-х годов было разрешено издание «Германии» в XVII томе сочинений Гейне, то цензор Кестнер, давая отзыв о книге, отметил, что строфы 20—23 (Und wird der Dom ein Pferdestall...) IV главы, строфы 5—10 (Mit wehmut erfüllt mich jedesmal...) XIII главы, строфы 19—22 (Und am Ende der Tage kommt...) XXVII главы, т. е. те места поэмы, которые имеют антиклерикальную направленность, подлежат изъятию.

Это в немалой степени способствовало тому, что Гейне, хотя и переводился чаще других зарубежных поэтов, в России во второй четверти XIX в. был известен исключительно как автор лирических стихотворений, воспринятых к тому же через призму сентиментально-романтической поэзии последователей и эпигонов В. А. Жуковского. «Сущность поэзии Гейне, по понятиям тогдашних стихотворцев, состояла в том, чтобы сказать рифмами какую-нибудь бессвязицу о тоске, любви и ветре»². Благодаря этому облик поэта представлялся в искаженном виде. Популярность Гейне-лирика у русской читающей публики в середине 50-х годов постепенно падает.

После смерти Гейне интерес к поэзии вновь обостряется. Революционные демократы 60-х годов используют произведения немецкого поэта в борьбе против либералов и представителей чистого искусства. Они стремятся расширить выбор переводимых стихотворений Гейне, преодолеть цензурные заслоны, чтобы показать настоящий облик поэта.

¹ А. В. Федоров. Гейне в царской цензуре. «Литературное наследство», т. 22/24, 1935, стр. 635.

² Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в 6 томах, под ред. Лебедева-Полянского, т. 2. ГИХЛ, М.—Л., 1935, стр. 594.

Необходимость в новых переводах поэмы Гейне диктовалась прежде всего несовершенством первых переводов, стремлением последующих переводчиков дать на русском языке подлинную «Германию». В 1875 г. в Лейпциге был опубликован перевод Заезжего (В. М. Михайлова) с небольшим предисловием И. С. Тургенева. В 1881 г. появляется перевод Д. Д. Минаева. Наконец, в 1904 г. вышел в свет последний до-революционный перевод «Зимней сказки», созданный П. И. Вейнбергом.

В начале 30-х годов XX столетия поэма Гейне приобретает новую актуальность в связи с установлением фашистской диктатуры в Германии. Неожиданная актуализация «Зимней сказки» ускорила осуществление давно назревшей необходимости в новом, более совершенном переводе ее.

Сначала В. Зоргенфрей предпринял интересную и во многом плодотворную попытку улучшить старый перевод П. Вейнберга путем углубленного редактирования. Однако это не привело к устранению всех существенных недостатков перевода П. Вейнберга. Вскоре появились четыре новых перевода «Зимней сказки» Ю. Тынянова (1933), Л. Пеньковского (1934), С. Рубановича (1934), В. Левика (1935). Из них лишь перевод С. Рубановича был издан один раз и, как писал А. В. Федоров, «весь был отмечен печатью случайности»¹. Переводы Ю. Тынянова, Л. Пеньковского и В. Левика неоднократно переиздавались и всякий раз подвергались большей или меньшей переработке. Так, в первой редакции перевод Л. Пеньковского имел существенный недостаток: он был чрезмерно насыщен просторечием, огрублявшим и, в конечном счете, искажавшим оригинал, на что указал А. В. Федоров². В дальнейшем переводчик основательно переработал первую редакцию и создал перевод, отличающийся высокими художественными достоинствами.

За столетие, на протяжении которого создавались русские переводы поэмы Гейне, изменились общественные отношения, литературные традиции, формировавшие вкусы переводчика, изменились требования к художественному переводу, техника перевода и русский поэтический язык. Все это в значительной степени предопределило различия между отдельными переводами.

2. Образы и стиль

В образной системе «Зимней сказки» два ряда образов. Одни из них связаны с Германией будущего, которая существует лишь в воображении поэта, другие — с Германией настоящего, воплощающей все отжившее, но еще не ушедшее с исторической сцены. Последние занимают главное место в поэме. В форме образов, которые воплощают идеал поэта, преобладают стилевые эффекты возвышенности и торжественности. Образы и картины, связанные с Германией настоящего, рисуются в сатирическом плане. В их стилевой форме выступают различные сатирические оттенки, совокупность которых определяет главную стилевую доминанту и, следовательно, некоторые существенные жанровые особенности поэмы как сатирического произведения.

В переводах «Зимней сказки» имеет место трансформация образов и картин. Она проявляется в неточности двоякого рода — лексической и стилистической. Каждая из них ведет к изменению содержания художественного произведения: первая — прямо, вторая — косвенно.

¹ А. В. Федоров. «Германия» Гейне в четырех переводах. «Звезда», 1935, № 5, стр. 229.

² Там же.

Характер и степень трансформации обуславливаются некоторыми объективными и субъективными причинами. Как уже говорилось, социальные условия России XIX в. породили цензурный гнет. Влияние цензуры проявилось не только в прямых изъятиях, которые наблюдаются во всех дореволюционных переводах, исключая перевод Заезжего, изданного в Лейпциге. Чтобы провести книгу через цензуру, переводчик вынужден был смягчать отдельные места оригинала, особенно те, которые несут антирелигиозный характер. Так, в двестишши:

Den Himmel überlassen wir
Den Engeln und den Spatzen (I)

сближение двух разнородных понятий неожиданно и комично. Созданная таким образом ирония критична и социально направлена. В переводах ирония заметно ослабляется, так как одно из сопоставляемых понятий прямо не называется, а передается по цензурным соображениям посредством своего рода эвфемизмов:

А страны воздушные мы воробьям
И силам нездешним уступим. (В. Водовозов).
Представим же небо одним воробьям,
Разным сільфам и всем в этом духе. (Д. Минаев).
А горное небо пускай воробьям
И Духам его достается. (П. Вейнберг).

То же в следующем примере:

Sein Haar ward gelb und umwallt sein Haupt,
Sieht aus wie Johannes der Tauffer. (XXII)
Как лик Аполлона прекрасного, он
В кудрях своих желтых сияет. (В. Водовозов).

Переводчик опускает сравнение (wie Johannes der Tauffer), которое могло привлечь внимание цензора, и заменяет его аналогом из античной мифологии (Аполлон прекрасный). Правда, замена эта не равноценна: в переводе нарушается реальная, существовавшая для Гейне, ассоциация сравниваемых образов, послужившая основой для создания иронии. Иногда переводчики опускают те элементы оригинала, которые звучат слишком резко:

Beleid'ge die Götter, die alten und neu'n,
Des ganzen Olymps Gelichter. (XXVII)
Всех древних богинь и богов оскорбляй
В обителях вечного света. (В. Водовозов).
Оскорбляй ты отживших и новых богов,
Потрясай весь Олимп без смущенья. (Д. Минаев).
Ты волен как хочешь весь мир оскорблять
И древних носителей света
В полях олимпийских и новых богов (П. Вейнберг).

Переводчики по цензурным соображениям опустили Gelichter, имеющее сниженную оценочную экспрессию.

Социальное окружение формирует воззрения переводчика, что прямо сказывается на прочтении, понимании и истолковании оригинала. Консервативные взгляды переводчика при переводе такого произведения, как «Зимняя сказка» Гейне, либо мешают ему правильно прочесть оригинал, либо наталкивают его на преднамеренное искажение мыслей автора.

Из переводчиков «Германии» явно выраженные консервативные взгляды были у В. Костомарова. Остальные дореволюционные переводчики поэмы Гейне придерживались либо умеренно-либеральных, либо демократических воззрений. Различное прочтение оригинала переводчиками прошлого особенно заметно сказывается при переводе следующих строк I главы, в которых Гейне прямо провозглашает свой общественный идеал, близкий по своему содержанию к основным принципам утопического социализма:

Ein neues Lied, ein besseres Lied,
O Freunde, will ich euch dichten!
Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmelreich errichten. (I)

Другую, другую и лучшую песнь
Для вас я, друзья, начинаю,
Небесное царство уж здесь на Земле
Я с вами найти уповаю. (В. Водовозов).

Но не эту, другую я песню, друзья,
Уж давно вам пропеть собираюсь,
И небесное царство здесь на земле
Я устроить себе постараюсь. (В. Костомаров).

Песню новую, лучшую стану я петь,
Позабывши старинные темы.
Но блаженство и полное счастье себе
Приготовим пока на земле мы. (Д. Минаев).

Нет, новую песнь, о друзья, пропою
Для вас я — песнь лучшего склада:
Устроить небесное царство себе
Нам здесь на земле уже надо. (П. Вейнберг).

Высокая патетика «новой песни» создается соответствующими лексическими и синтаксическими средствами: auf Erden, das Himmelreich — библеизмы, ein neues Lied, ein besseres Lied — повтор и стилистически значимая инверсия, hier auf Erden — экспрессивный повтор синонимических членов предложения, o Freunde — обращение.

В переводе В. Костомарова наблюдается наиболее значительная трансформация оригинала. Wir для Гейне есть выражение единства лирического героя с народом (der große Lümmel). Заменяя wir на я, Костомаров искажает мысль оригинала, обратив высокие общественные устремления героя в программу поисков личного счастья. В других дореволюционных переводах главная идея «новой песни» также претерпевает изменения и порой существенные. Так, В. В. Водовозов вместо глагола errichten употребляет глагол *найти*, что, в сущности, изменяет содержание оригинала так же, как и в переводе В. Костомарова. Д. Минаев das Himmelreich перефразирует (*блаженство и полное счастье*), лишая мысль, выраженную в оригинале, конкретности и антиклерикальной направленности. В переводе П. Вейнберга содержание не искажается, но отдельные элементы в нем приглушают патетику «новой песни». Так, глагол *устроить себе* имеет конкретное значение и употребляется преимущественно в обиходно-разговорной речи, поэтому стилистически не совсем гармонирует с выражением *небесное царство*. Ближе к errichten по значению и стилистической значимости глаголы *построить*, *создать*. В переводах нашего времени «новая песнь» нашла более точное лексическое и стилистическое отражение:

Новую песнь, лучшую песнь
Спою вам, о други, сегодня!
Мы на земле, на этой, здесь
Устроим царство господне. (Ю. Тынянов).

Я новую песнь, я лучшую песнь,
Друзья, сложить вам намерен,
О, царство небесное здесь на земле
Мы создадим, я уверен. (Л. Пеньковский).

С точки зрения непосредственной лексической точности в передаче отдельных элементов приведенные переводы расходятся, хотя в целом важная для понимания поэмы мысль не подвергается при этом сколько-нибудь существенным изменениям.

Следует отметить, что случаи тенденциозной перестройки оригинала в переводе В. Костомарова не единичны. Так, по собственному признанию переводчика, «ради нравственности» он изменил обряд клятвы в XXV главе:

Ich hob das Gewand der Göttin auf
Und legte auf ihre Hüften
Die Hand.

И я поднял тунику богини и клал
Свою руку на белые груди.

В таком же духе В. Костомаров перефразирует следующее двустишие:

Sie liegen einander im Arm,
Sie schwelgen im ersten Kusse. (I)

И над ложем их брачным витают теперь
Вереницы златых сновидений.

Переводчик использует эвфемизм, смягчая «грубое», на его взгляд, место оригинала. Все эти изменения складываются в определенную тенденцию и преобразуют оригинал в соответствии с идейными и эстетическими позициями переводчика. Как писал критик журнала «Русское слово» В. Зайцев, «Гейне он (В. Костомаров) не понял или не желал понять»¹. Что касается остальных дореволюционных переводов, то у нас нет оснований говорить о тенденциозном изменении в них тех или иных мест оригинала.

Направление и характер трансформации поэтических образов оригинала в известной степени определяют литературные традиции эпохи, влияние стилевых тенденций того направления, к которому примыкал переводчик. О необходимости преодоления влияния традиций для писателя указывает В. Виноградов: «Специфические качества литературно-художественного произведения, характеризующие общий «стиль эпохи», то есть в сущности совокупность стилистических шаблонов господствующей школы, отстоявшуюся систему литературных приемов, могут явиться и часто являются объектом борьбы, предметом преоделения для великих художников слова»². Обязательность преодоления стилевых традиций того или иного направления часто и не менее остро встает перед переводчиком: ему приходится иметь дело с представителями разных литературных направлений с их характерными стилевыми тенденциями. Большая часть дореволюционных переводов «Германии» носит на себе следы влияния сентиментально-романтической поэзии. Это находит выражение прежде всего в характере амплификации образов оригинала. Для переводов В. Водовозова, В. Костомарова, Заезжего и П. Вейнберга свойственна амплификация образов оригинала за счет введения эле-

¹ В. Зайцев. Поэты всех времен и народов (рецензия). «Русское слово», март 1863 г., стр. 46.

² В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., Гослитиздат, 1959, стр. 212.

ментов, выбор которых не выходит за пределы лексики и фразеологии сентиментально-романтической поэзии.

1. Die alte Frau, die am Dammtor wohnt,
Das Lottchen wohnt in der Nähe. (XXIV)

С моею **милой** старушкой, и как я опять
Свижусь с **милою** Лотхен моею.

2. Doch dieser deutsche Zukunftsduft
Möcht' alles überragen. (XXVI)

Но родины **милой** грядущих судеб
Так едки зловония были. (Заезжий).

В одной только XXIV главе перевода Заезжего введены следующие эпитеты и целые словосочетания:

1. Восторг небесный
2. *Заветные чувства*
3. Тяжелая сердца болезнь — die Beklemmnis
4. Усталая душа
5. Родина *милая* — Deutschland
6. *Благородная* душа — edlem alten Herr
7. Музыка *сладкая* — wie Musik
8. Хижины *родные* — deutschen Schornsteinen
9. Безумные грезы — törichte Sehnen
10. *Душевные* страдания — Krankheit
11. *Прихоть* рока

Влияние стилистических тенденций сентиментально-романтической поэзии дает о себе знать и в переводе П. Вейнберга, хотя не столь явно и интенсивно. У него мы также находим добавочные эпитеты, не обусловленные оригиналом: *родина милая, отвага бранная, ложь лицемерная, утро печальное, мечтательные грезы, минутные грезы, тоска унылая, печаль глубокая, дух мятежный, смутные грезы, слезная печаль* и т. п. Воздействие названных тенденций проявляется в особенностях преобразования образов, которые у П. Вейнберга либо усложняются в духе сентиментально-романтической поэзии, либо заменяются штампами:

1. Sterbend — на смертном одре.
2. Ich seufzte — вздыхал я с тоскою унылой.
3. Vor Wehmut und Sehnen — так сладостно сердце томится.
4. Um die Herzen zu rühren — будить в сердцах умиления порывы.
5. In tiefen Graben — во мраке глубокой могилы.

Стилевые тенденции, под влиянием которых формировался стиль Вейнберга-переводчика, проявились также в выборе эквивалентов при переводе отдельных слов:

Vaterlandische Pfühle — *родимая* перина,
heimische Stockfische — *родимая* треска,

в обоих случаях предпочтительней *отечественная*.

Vermummter Begleiter — *таинственный* спутник (vermummter — закутанный), переводчик отдает предпочтение излюбленному эпитету романтиков. Traum — (сон, мечта) почти во всех случаях переводится *греза*.

Отмеченные изменения направлены в сторону усиления экспрессивности. Нередко они переключают повествование из реалистического остро комедийного плана в сентиментально-романтический.

В переводе Д. Минаева наблюдается влияние стилистических тенденций иного характера: они связаны с поэзией Некрасовской школы, к которой

принадлежал переводчик. В этом переводе преобразование оригинала также направлено в сторону усиления экспрессивности, которая чаще всего свободна от налета сентиментальности. Проследим это на следующих примерах:

1. Um Mitternacht allein im Wald,
Ringsum ertönt ein Geheule.

А кругом меня в эту **угрюмую** ночь
Несмолкаемый вой раздавался.

2. Und das ihr in jeder Prüfungszeit
Durch treue Beweise bewähret.

Вы его мне давно доказали —
В дни иные моих испытаний и бед
И в **годину** **глубокой** печали.

3. Wer mir den Vogel herunterschießt,
Mit Zepter und Krone belehn' ich.

И чья пуля **зловещую** птицу собьет,
Я невольно восторг обнаружу.

4. So klagte der arme Vater Rhein.
В **горьких** жалобах Рейн изливался.

5. Und am Ende der Tage kommt Christus herab
Und bricht die Pforten der Hölle.

А когда **дряхлый** мир доживет до конца,
Берегись же, чтоб мы не повергли тебя
В бездну нового, **мрачного** ада.

6. Der gleichen zu widersprechen war
Ganz unter meiner Würde.

Отвечать на подобную **гнусную** ложь
Я всегда считал верхом позора.

7. Wir schnitten uns die Adern auf
Den Schergen der Knechtschaft trutzend.

И вскрывали бы жилы себе, не боясь
Представителей **жалких** законов.

8. Ein feiner Regen prickelt herab,
Eiskalt, wie Nähnadelspitzen.
Die Pferde bewegen traurig de Schwanz,
Sie waten im Kot und Schwitzen.

Как иголками, дождик лицо мне колот,
Ветер выл, надрываясь в плаче,
И по грязи, уныло махая хвостом,
Шли почтовые **чахлые** клячи.

Переводчик сгущает эмоциональную напряженность повествования, стремясь сделать картину более мрачной, чем в оригинале, вводит оценочные эпитеты и т. п. Такого рода изменения — а они многочисленны — ослабляют комедийность. Лирический герой поэмы в переводе Д. Минаева не насмешлив, как у Гейне, а сдержанно серьезен. В результате этого немецкая действительность представляется в таком виде, в каком ее воспринял не Гейне, а русский поэт, к тому же еще через призму русской жизни.

Характерный для поэтики Гейне принцип стиливого контраста, как средство создания разнообразных эффектов сатиры в дореволюционных переводах «Зимней сказки» почти не нашел отражения. Это объясняется отчасти «отсутствием аналогичных стиливых и жанровых образований

на русской почве»¹, отчасти влиянием сентиментально-романтической поэзии. Рассмотрим в этой связи следующий пример:

Sah ich im Mondenschimmer
Ein hehres Weib, ein wunderbar
Hochbusiges Frauenzimmer.
Ihr Antlitz war rund und kerngesund,
Die Augen wie blaue Turkoase,
Die Wogen wie Rosen, wie Kirschen der Mund,
Auch etwas rötlich die Nase. (XXIII)

Высокое, дивных красот существо,
Вся в белом, как снег одеянье.
Красавицы образ здоровьем дышал
Как холмы две груди полнели,
Синели глаза бирюзой у нее,
Как розаны щеки алели. (З а е з ж и й).

И вижу
Жену пред собой — величава, светла,
С высокой грудью создание.
Лицо было кругло, здоровьем цвело.
Глаза — бирюза синевою,
Ланиты — две розы, рот — вишня, и нос
Был тоже слегка с краснотою. (П. Вейнберг).

Приведенные строки рисуют портрет Гаммонии в сатирическом плане. Ирония создается сочетанием комических, зачастую гротескных деталей и стилистически контрастных слов и выражений. Переводчики устраняют стилевой контраст, насыщая переводы возвышенными словами и словами с положительной эмоциональной экспрессией, которые выступают на фоне стилистически нейтральной лексики и создают приподнятую тональность, причем настолько сильно выраженную, что она приглушает в какой-то степени комизм деталей. В лучших переводах нашего времени — Ю. Тынянова, Л. Пеньковского, В. Левика — принцип стилевого контраста, характерный для поэтики Гейне, в основном соблюдается. Так, В. Левик следующим образом передал приведенный выше отрывок:

И я величавую деву узрел,
Высокогрудное диво.
Лицом кругла и кровь с молоком,
Глаза — сапфиры из басен!
Как розы щеки, как вишня рот,
А нос подозрительно красен.

Возвышенно-поэтическое сочетание *величавая дева* контрастно относителю метафоры *высокогрудное диво*, имеющей уничижительный оттенок. Выражение *сапфиры из басен* также стилистически контрастно: сапфиры — традиционный поэтический образ, басни (рассказы, вымысел) — разговорное слово. Архаизм *узреть* в речи рассказчика усиливает иронию. Все это вместе с комическими деталями выявляет авторскую оценку образа Гаммонии, покровительницы Гамбурга, названного Гейне «торгашеским притоном».

Переводы Ю. Тынянова, В. Левика, Л. Пеньковского (в последней редакции) оказываются, таким образом, точнее предшествующих переводов как лексически, так и стилистически.

¹ А. В. Федоров. Русский Гейне. «Русская поэзия XIX в.», Academia, Л., 1929, стр. 266.

3. Стих и синтаксис

Влияние литературных традиций сказалось и на передаче стиха «Зимней сказки» Knittelvers (дольник). Русской поэзии дольник, вообще говоря, не чужд. Русский народный тонический стих основан на чередовании ударных и безударных слогов. Размер, близкий немецкому дольнику, встречается в поэзии Лермонтова, Тютчева, Григорьева, Фета. Несмотря на это, в русской литературе на протяжении долгого времени чувствовалась нетрадиционность Knittelvers'a. «Достаточно сравнить метры русских стихотворных переводов XIX в. (Жуковского и позднейших поэтов), чтобы убедиться, что русская поэзия не пользовалась метрами, существовавшими на Западе, даже тогда, когда задачи переводов подсказывали применение этих метров»¹. Действительно, В. Водовозов, Заезжий, П. Вейнберг заменили Knittelvers амфибрахией, В. Костомаров и Д. Минаев — анапестом. Замена дольника амфибрахией или анапестом приводила к трансформации национальной формы, ритма и интонаций оригинала.

Советские переводчики воспроизвели Knittelvers с большим или меньшим приближением к оригиналу.

Zu Aachen langweilen sich auf der Straß
Die Hunde, sie flehn untätig:
„Gib uns einen Fußtritt, o Fremdling, das wird
Vielleicht uns zerstreuen ein wenig“.

В Ахене дико скучают псы,
И каждый смиренно стонет:
Дай, чужеземец, нам пинка,
Хоть это нам скуку разгонит. (Ю. Тынянов).

В Ахене даже у псов хандра,
Лежат, скуля беззвучно:
Дай, чужеземец, нам пинка,
А то нам очень скучно. (В. Левик).

На ахенских улицах чахнут с тоски
Собаки, скуля в унижение.
Пинка бы, пришелец ты, дал нам и то
Доставил бы нам развлечение. (Л. Пеньковский).

Как видно из приведенного примера, метр оригинала и переводов непосредственно не совпадает (практически этого достигнуть нельзя): иногда имеет место смещение ударения, иногда — увеличение числа безударных слогов между ударными. Однако переводчики воспроизвели в основном главный принцип Knittelvers'a: число и размещение ударений в строке.

То, что советские переводчики передали метр оригинала с большей точностью, чем их предшественники, объясняется прежде всего тем, что русская поэзия постепенно освоила Knittelvers. В этом особенно большая заслуга А. Блока, собственный опыт которого создал «новые возможности более точной передачи»² немецкого дольника в переводах из Гейне.

Гейне принадлежит к числу тех поэтов, которые, по словам Сепира, «умеют подогнать или приладить свои глубочайшие интуиции под нормальное звучание обыденной речи. Читая, например, Гейне, мы подпадаем иллюзии, что весь мир говорит по-немецки»³. В естественности звучания перевода важнейшую роль играет структура фразы, которая оценивается с точки зрения отражения особенностей синтаксиса ориги-

¹ Б. В. Томашевский. Стих и язык. Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 60.

² Там же.

³ Э. Сепир. Язык. М., 1934, стр. 176—177.

нала. При этом следует учитывать два обстоятельства: во-первых, экспрессивную наполненность предложения, образующуюся за счет инверсий, повторения отдельных членов или порядка расположения их и пауз (в стихотворном тексте), во-вторых, функционально-стилевые черты его (книжность, разговорность).

Для основных типов предложения «Зимней сказки» характерны прямой порядок слов, объективный порядок расположения членов высказывания (данное и новое), относительно малое число стилистически значимых инверсий, наличие эллипсисов, пролепсисов, тавтологических дополнений, некоторых видов бессоюзной связи. Это сообщает большей части повествования интонацию непринужденного рассказа, которая постоянно варьируется (чему в немалой степени способствует Knittelvers), но резко нарушается лишь в отдельных местах.

Синтаксис переводов в целом более книжен, чем синтаксис оригинала. Отмеченная тенденция выражена весьма отчетливо в переводах прошлого века, слабее — в переводах нашего времени.

В естественности же звучания фразы Ю. Тынянов, В. Левик и Л. Пеньковский решительно превосходили своих предшественников. В старых переводах предложение часто представляется структурно неупорядоченным, включает множество неестественных инверсий, деепричастных оборотов, пассивных конструкций и т. п.

На протяжении столетия «Зимняя сказка» в России несколько раз изменяла свой облик, определявшийся рядом факторов субъективного и объективного характера. Дореволюционные переводы уже стали достоянием истории. Современный читатель знакомится с «Зимней сказкой» Гейне по переводам Ю. Тынянова, В. Левика, Л. Пеньковского.

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА «ГЕРМАНИИ» Г. ГЕЙНЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Л. Ф. Тарасов

1. В системе стиля синтаксис играет существенную, хотя и не главную роль. Основным объектом анализа при изучении синтаксиса художественного произведения является предложение.

2. Предложение изучается со стороны его стиливых признаков, связанных с объемом, составом, порядком слов, порядком расположения членов высказывания (данное и новое), преобладающим видом связи частей сложного предложения, наличием или отсутствием экспрессивных стиливых значимостей.

3. Под составом предложения понимается совокупность конструкций предложения, которые воспроизводятся по существующим в языке моделям: придаточные предложения, деепричастные и причастные обороты, различные словосочетания (глагол + прямое дополнение, прямое дополнение + глагол и т. п.). Эти составляющие предложений выступают как единицы, комбинации которых дают разнообразные модели предложений. Среди составляющих предложение конструкций имеет место синонимия. Для обозначения члена синонимичного ряда воспользуемся термином Р. Г. Пиотровского *стилистема*¹. Синтаксические стилистемы обладают семантическим инвариантом, но имеют структурные различия и свою стилистическую характеристику. Сочетание разного рода стилистем наделяет предложение определенными функционально-стиливыми свойствами.

4. Порядок слов предложения в большей части стилей — общепринятый, порядок размещения членов высказывания объективный, т. е. такой, при котором данное предшествует новому².

5. Экспрессивные значимости синтаксиса создаются путем постановки определенного члена предложения на необычное для него место и повторения члена или части предложения или порядка расположения членов предложения, а также посредством пауз (в стихотворном тексте). Их совокупность определяет экспрессивную наполненность фразы и текста.

6. При переводе художественного произведения с одного языка на другой синтаксис подвергается определенной трансформации, одной из причин которой являются различия языкового характера. Словорасположение в русском языке более свободно, чем в немецком. Последнему свойственна рамочная конструкция, которая делает порядок слов относительно стабильным. В русском языке узус явственно выступает в рас-

¹ Р. Г. Пиотровский. Очерки по стилистике французского языка. Учпедгиз, Л., 1960, стр. 9.

² И. П. Распов. Актуальное членение предложения. Башкирский университет, Уфа, 1961, стр. 16.

положении согласованного определения, прямого и косвенного дополнения, именной части и инфинитива составного сказуемого. Большая часть стиливых значимостей синтаксиса при переводе с немецкого языка на русский объективно воспроизводима.

Ниже рассматриваются основные особенности синтаксиса «Германии» Гейне и их отражение в русских переводах.

В синтаксисе «Зимней сказки» преобладает простое и сложносочиненное предложение. Однако преобладание этих конструкций не является подавляющим. Около 40% строф поэмы содержит сложноподчиненные предложения с придаточными разных видов. Указанное соотношение все же не выступает показателем усложненности и книжности синтаксиса оригинала. Чтобы установить это, обратимся к анализу отрывка оригинала, включающего наиболее распространенный тип предложения «Зимней сказки».

Zu Aachen langweilen sich auf der Straß'
Die Hunde, sie flehn untertänig:
„Gib uns einen Fußtritt, o Fremdling, das wird
Vielleicht uns zerstreuen ein wenig“
Ich bin in diesem langweil'gem Nest
Ein Stündchen herumgeschlendert,
Sah wieder preußisches Militär,
Hat sich nicht sehr verändert.

Здесь мы находим ряд простых предложений, связанных между собой бессоюзной связью, преимущественно с объективным порядком¹ расположения членов высказывания. Из частных особенностей отметим инверсию (Zu Aachen langweilen sich auf der Straß' die Hunde) и эллиптические конструкции (Sah wieder..., hat sich nicht sehr verändert).

Указанные особенности предложения сообщают его интонации разговорный характер, а повествование вследствие этого принимает большей частью форму живого, непринужденного рассказа. Чтобы определить степень и направление трансформации основной единицы, рассмотрим переводы отрывка:

Здесь в Ахене скука такая, что вас
собаки все просят: «Хоть ножкой
пырните нас, барин хороший, авось
нас это рассеет немножко».
В проклятом гнезде этом, праздно бродя,
В тоске я час целый шатался
Там прусских опять я увидел солдат,
Почти прежний вид в них остался. (Заезжий).

На ахенских улицах скучно и псам,
И молят они со смиреньем:
«Прохожий, о дай нам пинка! Может быть,
Он будет для нас развлеченьем».
Прошлялся я в этом проклятом гнезде
Часочек-другой, снова встретил
Там прусских военных и в них перемен
Особенных я не заметил. (П. Вейнберг).

В Ахене дико скучают псы,
И каждый смиренно стонет:
«Дай, чужеземец, нам что ли пинок.
Хоть это нам скуку разгонит».
По этому скучному гнезду
Я вдоволь набродился.
Попался мне прусский офицер,
Не очень он изменился. (Ю. Тынянов).

¹ И. П. Распоров. Актуальное членение предложения. Башкирский университет, Уфа, 1961, стр. 16.

В Ахене даже у псов хандра —
 Лежат, скуля беззвучно:
 «Дай, чужеземец, нам пинка,
 А то нам очень скучно».
 Я в этом убогом сонливом гнезде
 Часок пошатался уныло.
 И, встретив прусских военных, нашел,
 Что все осталось, как было. (В. Левик).

На ахенских улицах чахнут с тоски
 Собаки, скуля в унижение:
 «Пинка бы, пришелец, ты дал нам — и то
 Доставил бы нам развлечение».
 Я в этой скучной дыре с часок
 Расхаживал, слава богу,
 Военных прусских видел вновь,
 В них перемен немного. (Л. Пеньковский).

В первом предложении перевода Заезжего существенно изменены структура и интонация: то, что в оригинале подчеркивается при помощи инверсии (подлежащее *die Hunde* ставится на последнее место), в переводе выделяется при помощи придаточного предложения. Во вторую строфу вводится деепричастный оборот, эллиптические конструкции не воссоздаются. Число инверсий здесь, по сравнению с оригиналом, резко возрастает. При этом инверсии, как правило, стилистически значимы, но усиливают они те элементы фразы, которые в оригинале синтаксически не выделяются. У П. Вейнберга бессоюзная связь между двумя первыми предложениями заменяется союзной. Во второй строфе имеет место необычное членение предложений на синтагмы: переносы разделяют члены предложения, которые тесно связаны между собой. Это нарушает плавность интонации и приводит к не обусловленному оригиналом усилению отдельных элементов фразы.

В переводе Ю. Тынянова структура предложения и расположение его членов близки к оригиналу. Переводчик перестроил два последних предложения, опустив эллипсисы, но сохранив разговорный характер синтаксического построения строфы. В переводе В. Левика из существенных изменений отметим наличие двух деепричастных оборотов и перестройку синтаксической структуры второй строфы: эллипсисы заменены деепричастным оборотом и придаточным предложением.

В переводе Л. Пеньковского есть некоторые инверсии, не обусловленные оригиналом (*военных прусских видел*) и деепричастие *скуля*, которое лучше было бы заменить личной формой глагола. Отмеченные изменения синтаксической структуры оригинала в разных переводах в известной степени типичны и выступают в каждой из них как определенная тенденция. Во всех переводах трансформация структуры основного типа предложения происходит в одном направлении — в направлении уменьшения разговорности и усиления книжности. В разных переводах эта тенденция находит неодинаковое выражение. В переводах прошлого века она проявляется заметнее, чем в переводах нашего времени.

К основному предложению синтаксиса «Зимней сказки» примыкают сложноподчиненные предложения с придаточными разных типов

1. Der Zopf, der ehemals hinten hing,
 Der hängt jetzt unter der Nase.
2. Die Götter erleben, wenn du nahst
3. Man ruht in deutschen Betten so weich,
 Denn das sind Federbetten.

Это, в сущности, предложения основного типа, осложненные придаточными предложениями, которые видоизменяют интонацию и делают

ее более разнообразной. Придаточные предложения просты по своей структуре и имеют, как правило, общепринятый порядок слов. Наиболее распространенным отступлением от этого порядка является неполнота рамочной конструкции.

Необходимость воспроизведения интонации оригинала требует передачи придаточного предложения аналогичной конструкцией в переводе. Однако переводчику нередко приходится жертвовать интонационной точностью, и тогда придаточное предложение заменяется причастным или деепричастным оборотом или второстепенным членом предложения. Рассмотрим переводы приведенных примеров:

1. Коса, висевшая назад,
Висит теперь под носами. (Ю. Тынянов).
Коса болталась на спине,
Теперь — висит под носом. (В. Левик).
2. Бледнеют боги при виде твоём. (Ю. Тынянов).
Бледнеют боги, завидев ее. (В. Левик).
Бледнеют боги, когда ты летишь. (Л. Пеньковский).
В немецких перинах приятно соснуть,
Набиты когда они пухом. (Заезжий).
На немецкой постели так мягко лежать,
Потому что набита пухом. (Ю. Тынянов).

В примере 1 придаточное определительное заменяется иногда причастным оборотом, в примере 2 придаточное времени — деепричастным. Подобная замена изменяет интонацию и в определенных условиях сообщает синтаксису переводов большую книжность. В примере 3 характер связи обусловил однотипное решение.

Среди сложноподчиненных предложений поэмы Гейне видное место занимают бессоюзные с придаточными дополнительными и условными, свойственными синтаксису разговорной речи. Рассмотрим примеры:

1. Und wachsen uns Flügel nach dem Tod,
So wollen wir euch besuchen.
2. Und fehlt der Pfaffensegen dabei,
Die Ehe wird gütig nicht minder.
3. Und trinkst du etwelche Schoppen zuviel,
So steigt er dir in die Nase.

Переводы:

1. Коль вырастут крылья по смерти у нас,
к вам в горные страны...
2. И если б венчались они без попа,
Отнюдь не ослабился б этим...
3. Но если ты рюмок не в меру хватил,
Он в нос ударять начинает. (П. Вейнберг).
1. Скончавшись, крылья мы обретем,
Тогда и взлетим в их селенья.
2. Если у них обошлось без попа,
Счастливей не может быть знака!
3. Но лишнегохватишь — ударит в нос. (В. Левик).
1. А вырастут крылья по смерти у нас,
Разыщем вас в эдеме.
2. И пусть их брак совершен без попа,
Совсем не унижен он этим.
3. Но несколько лишних стопок хлебни —
И в нос он ударяет. (Л. Пеньковский).

Почти во всех случаях сохранена синтаксическая структура оригинала, однако в переводах Заезжего и П. Вейнберга бессоюзная связь

заменяется союзной. Такая же тенденция заметно проявляется в переводе В. Левика. Отмеченная трансформация ослабляет разговорные интонации и обуславливает существенные отступления от стилевой тональности оригинала. Более последовательно передал бессюзные сложноподчиненные предложения соответствующими конструкциями русского языка Л. Пеньковский, воссоздав тем самым характер интонации и стилистическую окраску оригинала.

Таковы основные типы предложений, которые определяют ведущую интонацию поэмы. В зависимости от содержания структура предложения, а следовательно интонация, модифицируется различными средствами синтаксиса, к которым следует отнести прежде всего инверсию и различного рода обособления. Инверсия является важным средством варьирования интонации, смыслового и эмоционального усиления отдельных членов предложения. Наиболее употребительны в «Зимней сказке» следующие разновидности инверсии: а) вынесение на первое место различных обстоятельств; б) вынесение за рамочную конструкцию предложных обстоятельств, дополнений и определений; в) вынесение на первое место прямого и косвенного дополнения, именной части сказуемого и инфинитива глагольного сказуемого. Инверсия первого типа в немецком языке, в сущности, грамматикализовалась и большей частью не имеет стилевой выразительности. Полурамочные конструкции (инверсия второго типа) характерны для разных стилей, в частности для разговорного и стихотворного синтаксиса. Их употребление в первом случае обусловлено стремлением избежать громоздких рамочных структур, во втором — формой стиха. Инверсия третьего типа, обладая большей выразительностью, усиливает отдельные члены предложения. Стилистические значимости, создаваемые при помощи инверсий этого типа, наиболее существенны и поэтому должны быть переданы в переводе.

Рассмотрим инверсии третьего типа:

1. Ein neues Lied, ein besseres Lied,
O Freunde, will ich euch dichten.
2. Ein Hochzeitkarmen ist mein Lied.
3. Gedankenfreiheit genoß das Volk.
4. Roßkämme hab' ich ausgeschickt.

В примерах вынесенный на первое место член предложения выполняет функцию нового в высказывании. Это сообщает ему максимальную выразительность. Приведенные инверсии почти во всех случаях усиливают содержательно существенный член предложения.

Приводим переводы:

1. Нет, новую песнь я, друзья, пропою... (П. Вейнберг).
Мы новую песнь, мы лучшую песнь
теперь, друзья, начинаем. (В. Левик).
2. Свадебным гимном будь моя песнь. (Ю. Тынянов).
Венчальный гимн эта новая песнь. (В. Левик).
3. Свободой мысли народ обладал. (П. Вейнберг).
Свободу мнений народ имел. (Л. Пеньковский).
4. Я давно
своих ремонтеров отправил. (П. Вейнберг).
Я ремонтеров разослал... (Л. Пеньковский).

В приведенных переводах инверсии воспроизведены вынесением соответствующего члена предложения на первое место, как и в оригинале, то есть значимости инверсий в данном случае воссоздаются путем прямой передачи.

Воссоздание стилистически значимых инверсий в переводах — необходимое условие передачи интонационных ходов и экспрессивно-стилевой наполненности оригинала. Однако интонационная точность нередко приносится в жертву точности образа, метра, рифмы. Объясняется это тем, что стилевые значимости синтаксиса, хотя и принимают участие в создании стилевой формы образа, играют при этом не главную, а вспомогательную роль. Действительно, в большей части переводов (из которых взяты примеры) инверсии воспроизводятся не всегда. В отдельных случаях воспроизведения инверсий сказывается влияние двух факторов: а) порядка слов оригинала и б) метрических свойств лексических эквивалентов (число слогов, место ударения). Так, в примерах 3, 4 инверсии переданы точно, но лишь благодаря отмеченным свойствам соответствий *Ledankenfreiheit*, *Roßkämme* (*свобода мысли, ремонтеры*).

Число стилистически значимых инверсий в оригинале не велико. В переводах их несколько больше. Эта тенденция в разных переводах проявляется по-разному. В ранних переводах, особенно в переводе Заезжего, число необычных инверсий значительно. Вот почему синтаксис таких переводов не отражает естественности интонаций оригинала. Существенную роль в варьировании интонации поэмы играют различного рода обособления: пролепсис (*Und dieser Landstraßenkot, er ist der Dreck meines Vaterlandes*), обособленные прилагательные с артиклем (*mein Lied, das bessere, das neue*), обособленные приложения (*das Volk, den großen Lummel*). Этой же цели служат конструкции с *es*, свойственные народной поэзии и разговорной речи (*es brannten Ampeln hie und da*). В переводах упомянутые конструкции почти не находят отражения.

Из синтаксических фигур, основанных на повторении, в «Зимней сказке» наиболее употребительны повторы и параллелизмы. Они вводятся для усиления определенного элемента фразы, сообщают какой-либо части повествования однообразную интонацию, придают композиционную стройность отдельным частям поэмы, выполняя архитектурную функцию. В большей части переводов повторы воспроизводятся относительно полно и достаточно точно, а параллелизм — лишь в единичных случаях.

Таким образом, в переводах синтаксис подвергается определенной трансформации. В переводах Заезжего, Д. Минаева, П. Вейнберга перестройка предложения связана с введением в его структуру большого числа не обусловленных оригиналом инверсий, причастных и деепричастных оборотов, пассивных конструкций.

Эти изменения усиливают книжность синтаксиса и экспрессивную наполненность текста. В переводах Ю. Тынянова, В. Левика и Л. Пеньковского точнее воспроизводятся основные стилистические свойства предложения оригинала, хотя некоторое усиление книжности в них имеет место.

О СРЕДСТВАХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ИНФИНИТИВНОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ С UM...ZU В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

М. Б. Шварц

До настоящего времени в работах общего характера и в тех, которые посвящены анализу инфинитивного оборота с *um...zu*, мало внимания уделялось тем структурно-семантическим особенностям, которые способствуют связи господствующей части предложения с инфинитивным оборотом.

Так, существующие грамматики немецкого языка указывают лишь на некоторые синтаксические функции инфинитивного оборота с *um...zu*¹. В статье Н. А. Фрязиновой «Рамочные инфинитивные обороты в современном немецком языке»² устанавливаются отдельные случаи зависимости инфинитивного оборота от господствующей части предложения, однако не рассматривается вопрос о взаимосвязи господствующей и подчиненной части предложения и о структурно-семантических элементах, выступающих как средства этой связи. Мы не находим также освещения этого вопроса и в известных нам работах зарубежных лингвистов, посвященных анализу инфинитивной конструкции с *um...zu*³.

Однако для характеристики и определения специфических особенностей синтаксических единиц важно выяснить характер отношений между разными элементами синтаксической конструкции.

Проделанный нами анализ языкового материала свидетельствует о том, что в состав предложений с инфинитивной конструкцией с *um...zu* часто входят структурно-семантические элементы. С их помощью устанавливается более тесная связь господствующей части предложения с подчиненной ей конструкцией, взаимозависимость частей предложения, которая выражается не только в подчинении обособленного оборота, но и в разной степени самостоятельности господствующей части предложения, связанной с оборотом не только семантически, но и структурно. Таким образом, не только зависимая инфинитивная конструкция невозможна без господствующей над ней частью предложения, но и господствующая часть в определенных условиях не может существовать без подчиненного ей инфинитивного оборота с *um...zu*. Исходя из этого, мы можем

¹ Е. И. Шендельс. Грамматика немецкого языка. Изд-во лит. на иностр. яз., М., 1952; Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. Современный немецкий язык. Изд-во лит. на иностр. яз., М., 1957; Н. Р. а. l. Deutsche Grammatik. Band 4, Halle, 1958 и др.

² Уч. зап. Казахск. гос. пед. ин-та им. Абая, фак-т иностр. языков, т. 2, вып. 5, Алма-Ата, 1958.

³ Th. Matthias. Die Nennform mit *um zu*. Zeitschrift des allgemeinen deutschen Sprachvereins, 9. Jahrgang, № 7/8, Berlin, 1894; C. E. Göransson. Die doppelpräpositionalen Infinitive im Deutschen. Göteborgs ARsskrift, Band XVII, Göteborg, 1911; G. Bech. Studien über das deutsche Verbum Infinitum, 2. Band. Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab Historik-filologiske Meddeleiser, bind 36, no 6, København, 1957.

выделить автосемантические (структурно всегда завершённые), синсемантические (структурно как завершённые, так и незавершённые) и десемантизованные (структурно незавершённые) господствующие части предложения¹.

Автосемантической принято называть такую часть предложения, которая может быть употреблена и без примыкающей к ней инфинитивной конструкции с *шт...zu* при условии, что смысл ее не изменится.

Синсемантической же является такая господствующая часть предложения, которая не может быть употреблена самостоятельно, так как, употребленная без инфинитивного оборота, она либо не может существовать из-за незавершённости структуры, либо меняет свой смысл. Десемантизованная часть предложения состоит из формальных элементов, не являющихся носителями семантики, — в таких предложениях весь смысл высказывания заключен в инфинитивном обороте. Автосемантия, синсемантия и десемантия господствующей над инфинитивным оборотом части предложения может быть обусловлена разными причинами как смыслового, так и структурного характера. Попытаемся установить некоторые из этих причин.

Наиболее распространенными в современном немецком языке являются предложения, в которых инфинитивная конструкция с *шт...zu* выступает в функции обстоятельства цели. Господствующая над целевым инфинитивным оборотом часть предложения может быть как автосемантической, так и синсемантической. Наибольшая степень автосемантии господствующей части, а значит, и наименее тесная связь между частями предложения, наблюдается в тех случаях, когда в состав господствующей части входит глагол, обозначающий действие, не требующее обязательного раскрытия (целенаправленность такого глагола ситуативна), а также, когда значение глагола-сказуемого достаточно раскрыто в господствующей части предложения. В ее составе нет структурно-семантических элементов, указывающих на связь с последующей целевой конструкцией. Например:

1. **Er schrieb für die Zeitungen, um Geld zu verdienen.** (9. Nov., 124).

2. **Paul hatte ihn manchmal auch mit auf die Galerie genommen, um die Liesel zu bewundern in dem zerfransten Rock einer Schmugglerin oder in den Höschen eines Pagen** (7. Kr., 215).

Даже при наличии в составе предложения целенаправленного глагола движения господствующая часть предложения автосемантическая, если она настолько распространена, что сохраняет определенную полноту высказывания и не нуждается в обязательном раскрытии. Кроме того, благодаря распространенной господствующей части инфинитивный оборот с *шт...zu* структурно отдален от подчиненного глагола, что ослабляет связь между господствующей частью и обстоятельством цели. Так, в предложении *Er begab sich völlig zermürbt in den Stern, um zu Abend zu essen* (Ttz., 82) его господствующая часть *er begab sich völlig zermürbt in den Stern*, сохранив свое значение, может употребляться без инфинитивного оборота и является автосемантической.

То же можно сказать о семантике основных частей в предложениях:

3. **An einem der ersten Abende kam meine Mutter in die Kaserne, um mich zu besuchen** (Drei Kam., 9).

¹ Ввиду семантической и структурной близости предложений, в состав которых входят инфинитивные обороты с *шт...zu*, и сложноподчиненных предложений, мы нашли целесообразным применить в нашей работе термины, принятые для определения характера частей сложноподчиненных предложений. См. Е. В. Гулыга. Структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений. «Научн. докл. высш. шк.». Филологические науки, № 3, М., 1958.

4. *Sobald er sein Erbe ausbezahlt erhielt, wollte er auf Reisen gehen, um sich zu zerstreuen* (K. An., 184).

Однако в современном немецком языке мы часто наблюдаем случаи, когда господствующая часть предложения с целевой инфинитивной конструкцией не может существовать без инфинитивного оборота; она синсемантическая. Связь между частями предложения более тесная. Признаками синсемантики могут быть как структурные, так и смысловые элементы связи данной части предложения с целевой инфинитивной конструкцией.

Одним из наиболее распространенных структурных элементов синсемантики господствующей части предложения являются соотносительные слова. Соотносительное слово, входя в состав основной части предложения, одним своим присутствием указывает на наличие какой-то подчиненной конструкции. Соотносительное слово делает основную часть предложения структурно и семантически незавершенной, создает необходимость в пояснении. При наличии соотносительного слова яснее ощущается единство частей предложения как целого.

Собственно коррелятами целевых конструкций являются наречия *dazu, dafür, darum*. При этом *dazu* и *dafür* указывают на целевое значение последующей конструкции, а *darum* подчеркивает дополнительный оттенок причинного значения, который характерен для целевой инфинитивной конструкции с *um...zu*. Н а п р и м е р:

5. *Aber ich bin hier nicht d a z u da, um mich von Ihnen wie von einem Richter vernehmen und mir Vorwürfe machen zu lassen* (Enk., 164).

6. *Aber ich verzichte auf die Ehre und schicke d a f ü r Menschen in den Tod, um... Menschen zu retten, nämlich nur, damit Schwahl nicht schießt* (Br. Ap., 477).

7. *Sie sollte mal lieber öffentlich gestehen, daß sie dies ganze Theater nur d a r u m angestellt hatte, um ihr, der Amanda Backs eins auszuwischen — das wäre eine richtige Sündenbeichte gewesen.* (WW. I, 298).

В отличие от других соотносительных слов (см. ниже) наречия *dazu, dafür, darum* не обособляются вместе с целевой конструкцией. Это объясняется тем, что эти наречия в обобщенном виде передают значение инфинитивного оборота с *um...zu*, а оборот раскрывает, конкретизирует их значение. Они достаточно самостоятельны, и, если в предложениях с этими наречиями опустить инфинитивные обороты, то *dazu, dafür, darum* не соотнесутся с другими членами предложения, а выступят самостоятельно в функции второстепенных членов. Их содержание в таких случаях раскрывается с помощью контекста. Если целевой оборот стоит в позиции по отношению к господствующей части, эти наречия могут выступать в роли обобщающих слов:

8. *Um die gute Sache durchzusetzen, um bei den Massen für die gute Sache zu wirken, d a z u müßte einer heute schon ein Christus und ein Macchiavelli in einem sein...* (Ex., 87).

Следует отметить, что корреляты *dazu, dafür, darum* встречаются редко.

Анализ показал, что в качестве наиболее употребительных соотносительных слов в предложениях с целевыми оборотами выступают логико-смысловые частицы *nur* и *bloß*, которые подчеркивают, что действие основной части ограничено лишь той целью, на осуществление которой оно направлено. Соотносительные слова *nur* и *bloß* указывают также на связь основной части с обстоятельством цели, будь то инфинитивная конструкция или придаточное предложение. Сравните:

9. *Die politischen Gespräche hatte er augenscheinlich n u r geführt, um sie hier gegen ihn auszunutzen* (Unt., 173).

10. Dann kommt er bloß, **um zu horchen**, dann bist du bloß sein Spion (WW., II., 355).

11. Ich habe es **nur gesagt**, **damit du nicht denkst**, **ich sei traurig**. (Drei Kam., 462).

Наличие целевой конструкции в предложении уже само по себе ограничивает сферу действия глагола-сказуемого господствующей части его целенаправленностью, а соотносительные слова усиливают, подчеркивают это ограничение и, входя в состав основных частей, соотносятся с целевыми частями предложений. Поэтому, если и возможно представить себе господствующие части приведенных выше предложений в самостоятельном употреблении, то лишь с измененным значением, так как при отсутствии целевого инфинитивного оборота или придаточного предложения цели ограничительное значение соотносительных слов **nur** и **bloß** распространится на один из членов господствующей части предложения и изменит его смысл. А сами частицы **nur** и **bloß** перестанут, естественно, быть соотносительными словами, ибо их функция изменится. Наличие соотносительных слов заставляет нас предвосхищать последующую конструкцию, которая оправдала бы употребление **nur** и **bloß**. Господствующие части в таких предложениях как структурно, так и семантически незавершены. Их можно отнести к синсемантическим частям предложения с незавершенной структурой.

Для соотносительных слов **nur** и **bloß** характерно тяготение к тому члену предложения, к той конструкции, с которой они соотносятся. Поэтому они очень часто стоят в конце господствующей части, как бы предваряя конструкцию, на которую распространяется их значение.

12. Die aber benutzten wir auch zum größten Teil **nur, um mehr Menschen töten zu können**. (Obel., 265).

Тяготение соотносительного слова к целевой конструкции приводит к тому, что оно переходит в состав обособления и перестает, таким образом, быть соотносительным словом. В господствующей части не остается структурного элемента незавершенности конструкции, она становится автосемантической, при этом ослабевают структурные связи между обеими частями предложения.

13. Und doch sah man ihn nicht zögern, die schmutzige Wäsche seiner Schwester und seines Schwagers vor Gericht auszubreiten, **nur um von sich reden zu machen!** (Unt., 222).

14. Und er, Hanns, vergißt nie, was das heißt, daß beide, Sepp und die Mutter, sich so abschinden, **nur um ihn in Ruhe weiter auf sein Bachot büffeln zu lassen**. (Ex., 142).

Ограничительное значение частиц **nur** и **bloß** распространяется на всю целевую конструкцию, поэтому они, как правило, не входят в состав инфинитивного оборота, где могли бы быть соотнесены с одним из входящих в него членов. И только в тех случаях, когда контекст не допускает двоякого толкования это становится возможным:

15. **Um nur das schreckliche Schweigen zu beenden**, sagte Diederich drauf los... (Unt., 142).

Структурно-смысловыми элементами связи господствующей и подчиненной частей предложения могут служить также модальные слова и частицы, которые входят в состав господствующей части, но соотносятся с подчиненной конструкцией:

16. Nun, Sie kommen **wohl her, um zu triumphieren** (Unt., 132).

17. **Vielleicht kam er, um seinen Dienst als Bürgermeister wieder zu übernehmen**. (Ttz., 446).

Модальные слова **wohl** и **vielleicht** сообщают инфинитивным оборотам **um zu triumphieren** и **um seinen Dienst als Bürgermeister wieder zu**

übernehmen дополнительный оттенок значения предположения. Это предположение касается только цели, на осуществление которой направлено действие глагола-сказуемого, и не распространяется на субъектно-предикативные связи предложения. Таким образом, если опустить инфинитивный оборот, изменится модальное значение господствующей части предложения.

Модальные слова и частицы могут, так же как и ограничительные частицы, обособляться:

18. Auch den Mund sperrte ich auf, wie beim Zahnarzt, man mußte ihn aufmachen, wahrscheinlich, um besser staunen zu können. (Absch., 166).

19. Wenn er nach dem „Onkel“ noch einmal zu ihr hereinsah, e t w a, um ihr etwas zu essen zu bringen, mußte er jetzt kommen. (WW., I, 77).

20. Einer dieser Offiziere, der schon einige Male hineingegangen und wieder herausgekommen war, zog den Teppich hoch, mit dem auch dieser Eingang verhängt war, wohl, um es bequemer zu haben. (Enk., 478).

Не являясь собственно соотносительным словом, функцию выразителя соотносительности может выполнять отрицание. В этом случае отрицание, входящее в состав господствующей части, не относится к субъектно-предикативным связям господствующей части, оно является частным отрицанием¹ и относится к целевой конструкции. Н а п р и м е р:

21. Hanns war eigentlich nicht hierhergekommen, um sich den Schmarrn eines Nazibonzen anzuhören. (Ex., 147).

22. Ich bin nicht hier, um Witze zu hören. (Zeit, 87).

Во всех приведенных предложениях господствующие части имеют положительное значение, хотя в их составе имеется отрицание nicht. Их значения соответствуют положительным суждениям, выраженным в предложениях:

Hanns war eigentlich hergekommen...

Ich bin hier...

Если мы опустим инфинитивную конструкцию, оставив отрицание в составе господствующей части, то тем самым мы изменим смысл господствующей части на прямо противоположный, так как в этом случае отрицание соотнесется с субъектно-предикативными связями предложения.

Отрицание, как известно, тяготеет к тому члену предложения, к которому оно относится, поэтому оно, как и ограничительные частицы и модальные слова, может входить в состав обособления:

23. Er wird ihn unterschlagen haben, nicht um ihn den Eltern zu bringen, nein, um wieder einmal eine Belohnung zu verlangen (WW, II, 184).

Однако, если ограничительная частица nur может в определенных случаях входить в состав самого оборота, то в отношении отрицания это не имеет места. Это объясняется тем, что отрицается не действие, выраженное в инфинитиве, а данная цель как логическая категория. Действие господствующей части направлено не на осуществление данной цели (названной в обороте), а на осуществление какой-то другой цели, которая либо названа в контексте, либо только мыслится.

Если же трансформировать предложение с отрицанием, относящимся к целевому обороту, так, чтобы отрицание было включено в рамку оборота, то изменится смысл высказывания. Н а п р и м е р:

24. Исходная модель: Ich komme nicht, um behandelt zu werden... (Zeit, 114).

¹ Е. И. Шендельс. Отрицание как лингвистическое понятие. «Уч. зап.» I Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков, т. XIX, М., 1959.

Трансформация I: Ich komme, **nicht um behandelt zu werden...** (сохраняется смысл исходной модели).

Трансформация II: Ich komme, **um nicht behandelt zu werden...** (произошло изменение смысла).

Таким образом, отрицание, относящееся к целевому инфинитивному обороту, должно всегда находиться за рамками данного оборота. При максимальной близости отрицания к обороту, оно может обособляться вместе с ним, но не может входить в его состав, не изменив смысла высказывания.

К структурной незавершенности господствующей части предложения ведет также препозиция целевой конструкции, которая связана с изменением порядка слов в основной части предложения. Например:

25. Um sie zu ärgern, bestellte ich noch einen und starnte zurück (Drei Kam., 41).

26. Um Zeit zu gewinnen, fährt er die Köchin an. (WW. I, 268).

Простое повествовательное предложение не может начинаться с глагола, поэтому без стоящего перед глаголом-сказуемым члена предложения оно синсеманлично по своей форме.

В предложениях с целевым инфинитивным оборотом с *um...zu* возможны и чисто смысловые признаки синсемантии господствующей части. Таким смысловым признаком синсемантии может быть наличие целенаправленного глагола движения в малораспространенной господствующей части предложения. Например:

27. Ich gehe, um Holz zu holen. (Sprachpflege 8, 1957).

Глагол *gehe* в данном предложении имеет значение *иду*, без инфинитивного оборота он может означать *хожу* или *ухожу*.

В предложении:

28. Meier bleibt so fest dabei, daß jemand am Fenster gewesen ist, ihn totzuschießen, daß Studmann schließlich Pagel rausschickt, um nachzusehen. (WW. II, 19).

Глагол *rausschickt* употреблен в значении *посылает*. Если же отбросить инфинитивную конструкцию *um nachzusehen*, этот глагол приобретет значение *отсылает, высылает, усылает* и даже *выгоняет*.

Распространены также предложения, в состав которых входит инфинитивная конструкция с *um...zu* в функции обстоятельства следствия с оттенком меры и степени. В этом значении мы встречаем инфинитивные обороты обычно после прилагательных, наречий, имен существительных с предшествующими наречиями *zu* и *genug*. Эти наречия осуществляют структурно-семантическую связь между частями предложения, выражая избыток или достаточную меру качества, благодаря которым вызывается следствие, заключенное в инфинитивном обороте. Однако наречия *zu* и *genug* не являются только признаками связи основной части предложения с инфинитивной конструкцией, их употребление в предложении возможно и при отсутствии инфинитивного оборота, поскольку эти наречия находятся в семантико-синтаксической связи со сказуемым господствующей части. Никаких других, специальных структурных элементов связи между частями предложения, в состав которого входит инфинитивный оборот с *um...zu* в функции обстоятельства следствия, не наблюдается. Например:

29. Es war nicht hell genug, um die Gesichter zu erkennen. (Zeit, 63).

30. Alfonso war zu klug, um nicht einzusehen, daß dieser Weg der einzig wirksame war, die unverschämten Barone mürbe zu machen. (Die Jüdin, 45).

В современном немецком языке все чаще встречается инфинитивная конструкция с *im...zu* в функции определения. В этом случае имеет место очень тесная связь между господствующей и подчиненной частями предложения. Так, в предложении:

31. Der Streit heute widerstand ihm, er fühlte ungefähr, was beide Teile meinten, aber er war nicht der Mann, **um die Lösung zu finden**, und er kannte auch keine. (Die Toten, 140). Инфинитивный оборот *um die Lösung zu finden* является определением к предикативному существительному *der Mann*, а господствующая над инфинитивным оборотом часть предложения *aber er war nicht der Mann* является незавершенной, так как категория определенности, которой обладает существительное *Mann*, свидетельствует о том, что далее следует какое-то пояснение к этому слову, без инфинитивного оборота эта часть предложения как семантически, так и структурно незавершена.

Признаки связи между господствующей частью и атрибутивной инфинитивной конструкцией с *im...zu* могут быть и чисто смыслового характера. И в этих случаях господствующая часть синсемантична. Такую связь мы наблюдаем в предложениях, где определяемое слово выражено именем существительным с абстрактным значением и требует конкретизации:

32. **Vorschläge, um dieses Ziel zu erreichen**, werden aus der Versammlung gerne entgegengenommen. (Jeder, 49).

33. Der General sah darin ein Argument, **um die Franzosen glauben zu machen**, er sei ein Liberaler... (ND, 13/12, 1960).

34. Und dies war nur eines der Mittel, **um festzustellen, ob der Verdächtige sich keine Blöße gab**. (Jeder, 177).

Что касается предложений с инфинитивным оборотом, выражающим временную последовательность действия, то в них инфинитивный оборот ни семантически, ни структурно не подчинен какому-либо члену предложения. Связь между частями предложения временная.

35. Zuweilen kicherte sie leise, **um sich rasch erschrocken umzusehen**. (9. Nov.).

36. Dann rollten die lärmenden Autos weiter, **um nach kurzer Zeit wieder anzuhalten**. (Ttz., 280).

Господствующая над инфинитивным оборотом часть предложения может быть полностью десемантизована. Десемантизация обусловливается характером подлежащего и сказуемого и наблюдается в тех случаях, когда в предложении имеется формальное подлежащее *es* и связка, инфинитивная же конструкция выполняет функцию предикатива, в котором заключена вся семантика предложения. Например:

Es war, **um die Wände hinaufzuklettern**. (Ttz., 61).

Es war выступает формально-грамматическим стержнем всего предложения в целом. Господствующая часть предложения состоит из формальных элементов и без инфинитивного оборота лишена какого-либо смысла. В данном случае имеет место обязательная грамматическая сочетаемость связки с предикативом, поэтому в предложении, где есть связка, содержится предвосхищение предикатива, заключенного в инфинитивном обороте с *im...zu*. Таким образом, господствующая над инфинитивным оборотом часть *es war* десемантизована как в структурном, так и в смысловом отношении. Инфинитивный оборот очень образно, часто гиперболично, выражает заключенное в предложении значение. Сравните:

Es war, **um mit dem Kopf gegen die Wand zu rennen**. (St. An., 124).

Eine Katastrophe war unausbleiblich, es war, um graue Haare zu bekommen (Ttz., 335).

Проделанный анализ языкового материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Взаимосвязь между господствующей и подчиненной частью в предложениях с инфинитивной конструкцией с *im...zu* может быть более и менее тесная.

Это обусловлено разной степенью самостоятельности, завершенности господствующей части предложения, которая может быть автосемантической, синсемантической и десемантизированной.

2. Наименее тесная связь между частями предложения наблюдается при автосемантической господствующей части предложения. Такая связь имеет место:

а) в предложениях с целевой инфинитивной конструкцией с *im...zu* в тех случаях, когда в них нет структурных, структурно-семантических или семантических элементов синсемантии;

б) в предложениях, в состав которых входит инфинитивный оборот следствия с оттенком меры и степени;

в) в предложениях с инфинитивным оборотом последовательности действия.

3. Более тесная связь господствующей части с подчиненным оборотом наблюдается в предложениях с синсемантической господствующей частью.

Такая связь характерна для предложений с целевыми и атрибутивными инфинитивными конструкциями.

Признаками синсемантии господствующей части могут служить структурные, структурно-семантические и семантические элементы, входящие в ее состав.

Это корреляты, а также отрицание, ограничительные и модальные частицы и модальные слова, выступающие в функции соотносительных слов; порядок слов; категория определенности соотносенного с оборотом имени существительного, семантика глагола-сказуемого и определяемого имени существительного, требующая конкретизации.

4. Наиболее тесная связь между господствующей и подчиненной частями имеет место в предложениях, где инфинитивная конструкция с *im...zu* выступает в функции предикатива, господствующая же часть состоит из формальных элементов и является десемантизированной.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

9. Nov.—B. Kellermann. Der 9. November. Verlag für fremdsprachliche Literatur. Moskau. 1954.
 7. Kr.—A. Seghers. Das siebte Kreuz. Aufbau-Verlag. B. 1957.
 Ttz.—B. Kellermann. Totentanz. Aufbau-Verlag. B. 1954.
 Drei Kam.—E. M. Remarque. Drei Kameraden. Amsterdam. 1938.
 K. An.—B. Kellermann. Die Stadt Anatol. B. 1955.
 Enk.—W. Bredel. Die Enkel. Aufbau-Verlag. B. 1956.
 Br. Ap.—Bruno Apitz. Nackt unter Wölfen. Leipzig.
 WW I.—H. Fallada. Wolf unter Wölfen. Erster Teil. B. 1955.
 WW II.—H. Fallada. Wolf unter Wölfen. Zweiter Teil. B. 1955.
 Ex.—L. Feuchtwanger. Exil. Aufbau-Verlag. 1956.
 Obel.—E. M. Remarque. Der Schwarze Obelisk. 1957.
 Unt.—H. Mann. Der Untertan. Verlag für fremdsprachliche Literatur. Moskau, 1950.

- Absch. — J. Becher. Abschied. Verlag für fremdsprachliche Literatur. Moskau, 1950.
Zeit. — E. M. Remarque. Zeit zu Leben und Zeit zu sterben. Aufbau-Verlag.
B. 1957.
Die Jüdin. — L. Feuchtwanger. Die Jüdin von Toledo. Aufbau-Verlag. B. 1956.
Die Toten. — A. Seghers. Die Toten bleiben jung.
Jeder. — H. Fallada. Jeder stirbt für sich allein. Aufbau-Verlag. B. 1955.
ND. — Neues Deutschland. 1960.
Sprachpflege. Nr. 8, 1957.
-

СУЩНОСТЬ И ПРИРОДА ЧТЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

М. Д. Левина

Чтение представляет собой сложный творчески познавательный вид речевой деятельности, который заключается в восприятии, осмысливании, критической переработке и воспроизведении мыслей, изложенных в письменной речи. Основная цель чтения — проникнуть в смысл читаемого — осуществляется на основе восприятия текста. Воспроизведение же речи по письменным начертаниям ее звуковых образов имеет самостоятельное значение при чтении вслух, являясь вместе с тем объективной реализацией результатов мыслительной деятельности в процессе чтения. При чтении про себя момент воспроизведения письменной речи в виде звуковой является органической частью акта восприятия — осмысливания читаемого текста. Восприятие и воспроизведение представляют собой ту техническую основу, на которой строится творчески познавательная деятельность, осуществляемая в чтении.

Чтение как речевая деятельность предполагает овладение интеллектуальными и техническими приемами, что достигается в процессе обучения. Обучение включает в себя «процесс сознательных целенаправленных упражнений»¹, т. е. овладение определенными навыками и умениями, которые в своей совокупности составляют технику чтения — техническую базу для осуществления познавательных целей чтения². Но овладение техническими приемами чтения является лишь обязательным условием и предпосылкой для творчески познавательной деятельности, совершаемой в чтении. Обучение не ограничивается привитием этих технических приемов, а должно обеспечить овладение более сложными, сознательными целесообразными способами и формами проникновения в мысли, изложенные в тексте, расшифровки этих мыслей, их категоризации, критической оценки и усвоения: «Умение читать, — пишет И. В. Карпов, — органически связывает чисто технические приемы чтения (навыки) со сложными интеллектуальными процессами, определяющими собою понимание читаемого текста»³.

Обучение чтению на родном языке означает овладение учащимися новым для них, более сложным видом речевой деятельности, но отнюдь не знакомство с речевой деятельностью вообще, ибо к началу обучения учащиеся уже владеют в той или иной мере родной устной речью, которая и является для них, по словам Маркса, непосредственной действительностью мысли. Устная речь учащегося служит базой, на которой можно построить обучение чтению на родном языке, по крайней мере на

¹ Т. Г. Егоров. Психология процесса формирования чтения в школе. Докт. дисс., М., 1942, стр. 6.

² И. В. Карпов. Вопросы психологии чтения на иностранном языке. Институт методов обучения. РСФСР, М., 1949, стр. 4.

³ Там же, стр. 5.

первых этапах обучения. Основное внимание при этом сосредоточивается на овладении той спецификой, которая отличает чтение от других, уже известных учащимся видов речевой деятельности, т. е. на выработке механизма чтения — механизма превращения буквенных сочетаний в звуковые комплексы, ибо в этом случае связь звукового образа с понятием уже дана учащимся до начала обучения.

Обучение же чтению на иностранном языке происходит в условиях, когда для учащегося еще не существует связи между звуковыми образами иностранной речи и обозначаемыми ими понятиями. Более того, учащийся не может еще правильно воспроизвести вслух эти звуковые образы. Итак, обучение чтению на иностранном языке представляет собой для учащихся не только процесс овладения одним частным видом речевой деятельности, но и усвоение иностранной речи вообще. Поэтому задача обучения заключается не только в привитии специфических приемов чтения как вида речевой деятельности¹, но и в овладении смысловой и технической стороной иностранной речи. В этом случае освоение технических приемов чтения должно сопровождаться выработкой навыка произношения и способности понимания иностранной речи. Следовательно, речь идет о создании целого комплекса языковых умений и навыков.

Можно указать на следующие знания и умения, которые входят как составные части в умение читать на иностранном языке:

1. Знание графики и умение узнавать буквы.
2. Знание орфоэпии и умение правильно произносить звуки иностранной речи и их сочетания.
3. Знание правил чтения и умение соединять буквенные изображения со звуковыми комплексами, включающее знание правил ударения в слове.
4. Умение связывать письменные и звуковые образы с обозначаемыми понятиями — знание лексики.
5. Умение определять смысловой вес каждого слова во фразе, взаимоотношения между этими словами, умение производить смысловой анализ читаемого — знание лексики, синтаксиса и морфологии.
6. Умение пользоваться средствами фразового ударения и интонации, которое основывается не только на знании правил ритмики и мелодики, а главным образом вытекает из понимания значения слов и смысла фразы.

Первые три умения можно, казалось бы, отнести к механизму чтения. Однако механизм чтения не исчерпывается этими умениями, ибо, владея ими, можно правильно произносить лишь отдельные слова (например, в немецком языке только корневые). Механизм же чтения производных, многосложных слов, а тем более предложений не ограничивается только графико-фонетической стороной: он требует знания лексики, морфологии и синтаксиса. Так, в немецком языке без морфологического анализа слова практически невозможно правильное его произношение. Прежде всего в связи со смысловым характером ударения в основном слое лексики немецкого языка учащийся лишен возможности воспроизвести с правильным ударением слова, если он не умеет разложить их на значащие элементы — выделить корень, аффиксы и флексию. Даже само звуковое воспроизведение отдельных букв и буквенных сочетаний невозможно без знания функций морфем слова. Например, в глаголе *gelingen* учащийся правильно, редуцировано произносит «е» в «ge» и «en» только в том случае, если он умело разложил слово на его составные части, выделив в нем корень «ling», префикс «ge» и окончание ин-

¹ Ср. И. В. Карпов. Указ. соч., стр. 10.

финитива «еп». Отсутствие морфологического чутья не дает учащемуся возможности, например, отличить произношение первого слога в слове *gehen* от первого слога в слове *Gehenk*.

Правильное ударение в слове, правильное фразовое ударение невозможно также без определенного уровня знания слов, без умения определять правильное соотношение входящих в предложение слов. Следовательно, без синтаксического анализа предложения, без умения схватывать общий конструктивный смысл предложения и выделять основные и второстепенные члены этого предложения, быстро определяя функцию каждого из них, невозможно правильное ритмическое и логическое ударение во фразе, процесс чтения не может протекать нормально.

Нужно предостеречь от механистического понимания зависимости техники чтения от осмысленности чтения: являясь несомненной предпосылкой складывания механизма чтения, осмысливание читаемого само по себе еще не обеспечивает технического совершенства процесса чтения, точно так же как и внешняя безукоризненность техники чтения не является достаточным критерием полного осмысливания читаемого. Между техникой чтения и пониманием — диалектическая связь, что практически означает возможность осмысливания чтения при плохой внешней технике его, как и наоборот, — возможность достижения определенных (но не совершенных) технических навыков чтения при неполном и неглубоком осмысливании читаемого.

Однако большой разрыв между технической и смысловой стороной чтения невозможен. На первых этапах обучения применение знаний, необходимых для чтения, представляет собой напряженную мыслительную операцию. Руководствуясь знаниями, читающий сначала сознательно, целеустремленно упражняет зрение, слух и органы речи, прочитывая каждую букву, каждое слово, каждую фразу. В дальнейшем же в результате этих многократных упражнений сам процесс воспроизведения звуков речи по письменным начертаниям уже не требует постоянного и методического напряжения внимания, а происходит по проторенным путям, превращаясь тем самым в навык.

Как уже было указано, умение читать не ограничивается только применением знаний и навыков, ибо если читающему знакомы письменные начертания слов и варианты их сочетаний, то в каждом акте чтения он сталкивается с новым конкретным видом этих сочетаний, выражающим конкретную мысль. Естественная практическая ситуация, в которой читающий использует свои знания, имеет всегда что-то новое, необычайное и своеобразное. Чтобы осмыслить, оценить и усвоить это новое, необходима творческая интеллектуальная активность читающего, мобилизация его мышления, воли, воображения, чувств. Творчески познавательная активность при чтении иная, чем та, которая требуется при слушании устной речи: при чтении имеется меньше выразительных средств внешнего характера (интонация, ударение, пауза), присущих живой речи. Читающий обходится без помощи этих вспомогательных средств и, исходя только из текстового материала, самостоятельно выделяя главные и второстепенные члены предложения, на ходу улавливая взаимоотношение между словами, добивается правильного истолкования смысла прочитанного. Следовательно, процесс чтения предполагает более напряженную и самостоятельную умственную деятельность, чем процесс слушания живой речи.

Зрелое умение чтения не является простым сочетанием перечисленных ранее умений и навыков, а представляет качественно новое комплексное умение, в котором имеется нечто добавочное по сравнению с суммой входящих в него компонентов. В каждом акте зрелого чтения отнюдь

не происходит активная репродукция навыков и умений, которые входят составными частями в механизм чтения, ибо эти компоненты даны в готовом виде еще до начала акта. Это значит, что еще до начала зрелого чтения в голове читающего имеется представление о звуковом облике и письменном начертании каждого слова, органически связанное со значением этого слова. Имеются также представления об образцах синтаксических сочетаний слов в их звуковом и графическом оформлении. В этих представлениях сосредоточен весь предыдущий опыт связывания зрительных образов со звуковыми и их значением. В процессе зрелого чтения читающему нет необходимости каждый раз превращать буквы в звуки, соединять звуки в слоги и слова и т. п., ему только остается узнавать уже известные письменные начертания и образцы их сочетаний, т. е. связывать готовые представления о них, включающие зрительный, слуходвигательный компоненты и компоненты значения, с реальными начертаниями, встречающимися в тексте, минуя все остальные навыки и умения, которые как бы даны в концентрированном виде в самом акте узнавания. Узнавание письменных начертаний слов и графических образцов словосочетаний и является первым добавочным признаком зрелого чтения, который отличает умение читать от простой суммы входящих в это умение компонентов.

Естественным началом каждого акта чтения является зрительное восприятие текста. В процессе этого восприятия читающий неоднократно отталкивается от схваченных им доминирующих букв и оптических членений к восстанавливаемым представлениям, от последних же возвращается вновь к оптическим картинам, все больше расшифровывая и дополняя их, одновременно контролируя их соответствие вызванным представлениям. Порядок же возникновения в сознании отдельных компонентов этого представления во многом зависит от пути, по которому читающий пришел к знанию языка и умению читать: в отношении чтения на родном языке следует полагать, что представления о звуковом облике, сопровождающие представления о графическом начертании, могут им даже частично предшествовать — при длительных словах, идиоматических оборотах и сложных грамматических конструкциях. При чтении же на иностранном языке, если само обучение последнему базировалось на чтении, возможны случаи, когда представление о письменном облике более крепко, чем представление о звучании — произнесении, и предшествует оформлению последнего в процессе чтения. Оба представления, вырастая во взаимопроникновении, объективизируют осознание смысла читаемого текста, которое, появляясь на основе этих представлений, само способствует их полному воспроизведению. Важно лишь то, что при зрелом умении чтения эти компоненты выступают как единое целое представление, с которым соотнобразуется восприятие.

Узнавание письменных начертаний слов и графических образцов словосочетаний в процессе зрительного восприятия текста делает возможным быстрое воспроизведение этих слов и словосочетаний при чтении вслух. Это воспроизведение при зрелом чтении носит целостный характер: не читаются отдельные буквы, а произносятся целые слова, которые не постепенно укладываются в словосочетания, а воспроизводятся целыми речевыми тактами.

Целостное воспроизведение звуковых образов слов и словосочетаний — вторая черта зрелого чтения (в данном случае — чтения вслух), в которой сконцентрирован ряд более простых навыков и умений.

Наконец, только при зрелом чтении и создаются нормальные условия для активизации интеллектуальной творческой деятельности читающего.

Основная задача этой деятельности при чтении заключается в проникновении в мысль, изложенную в тексте, во вскрытии смысла читаемого. Естественно, что подобная задача разрешается при условии узнавания, подготавливающего быстрое и бесперебойное воспроизведение слов, раскрытие их значения, их категоризацию в качестве частей речи и членов предложения. Это направит мышление читающего по линии смыслового анализа и синтеза, раскрытия реальных смысловых (а не только грамматических) связей между отдельными элементами речевых тактов, фраз, целого текста.

Однако, проникая в смысл, читающий неоднократно возвращается к речевому оформлению, тем самым заранее угадывая и осознавая узнавание. Таким образом, опираясь на узнавание, мышление читающего побуждает, ускоряет и предвосхищает сам процесс узнавания. Раскрытие содержания читаемого может произойти в этом случае еще до завершения полного восприятия текста во всех его деталях. Беглое, поверхностное чтение ограничивается обычно схватыванием общего содержания написанного, без детального восприятия, которое явилось бы средством контроля подтверждения и уточнения того, что достигнуто предвосхищением.

Итак, узнавание слов по их графическому облику, определение образцов предложений по их оптическому членению, предвосхищение, основанное на предыдущем опыте чтения и подсказывающее восстановление речевого оформления в процессе восприятия текста,— вот основные черты технически зрелого чтения. Таким образом, оно встает перед нами как весьма сложная с психологической точки зрения, квалифицированная и сознательная деятельность.

Из сказанного ясно, насколько трудно овладение зрелым чтением на иностранном языке по сравнению с процессом овладения этим умением на родном языке: слабая, непрочная связь между словесным выражением (зрительным и звуковым) и его значением в иностранной речи мешает учащемуся быстро подойти к узнаванию слов и возвращает его все время к первичным составляющим навыкам и умениям чтения, заставляет каждый раз вновь и вновь в буквальном смысле «прочитывать» неизвестные и неопознанные слова и словосочетания, задерживая и тормозя тем самым проникновение в смысл читаемого.

Непонимание же смысла, в свою очередь, ведет к перебоям в технике чтения (неправильное произношение слов, неверное интонационное членение речевых тактов и т. п.). Возможность предвосхищения также сильно ограничена, ибо слишком мал опыт речевого оформления на иностранном языке, в связи с чем незначительна роль предвосхищения. Учащийся овладевает зрелым умением чтения на иностранном языке только тогда, когда наряду с техническими навыками он сознательно усвоит смысловую сторону основного лексического и грамматического фонда иностранного языка и создаст прочный фундамент понимания иностранной речи.

О ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

(из истории Харьковского коллегиума)

О. Д. Феоктистова

Советская методика преподавания иностранных языков в своем развитии не может не учитывать как достижений передовой зарубежной педагогической мысли, так и прогрессивных течений дореволюционной русской методики. «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»¹, — указывает В. И. Ленин.

Однако постановка преподавания иностранных языков в дореволюционной России до сих пор еще недостаточно исследована. В частности, мало изучена постановка преподавания иностранных языков во второй половине XVIII в., хотя именно тогда возникли впервые те прогрессивные идеи о роли сознательности в обучении, о необходимости учитывать возрастные особенности учащихся и т. д., которые после значительного перерыва вновь возродились только в 60-х годах XIX в.

Обычно полагают, что вторая половина XVIII в. была периодом повсеместного господства схоластических методов, построенных на зубрежке грамматических правил, периодом дословного перевода, т. е. чисто интуитивного грамматико-переводного метода. Так, И. В. Рахманов пишет, что методисты XVIII века положили в основу своей методики принцип дословного перевода с родного языка на иностранный и с иностранного на родной. Учебные пособия (грамматики) составлялись по образцу латинской грамматики, и английскому языку навязывалась латинская система склонений с ее падежами². Русской методике И. В. Рахманов уделяет мало места и разбирает только «Способ учения» — выдающееся произведение русской педагогической мысли, изданное в 1771 г. Московским университетом.

Только в немногих работах имеются указания на зарождение прогрессивных педагогических идей в рассматриваемый период. В. Д. Аракин отмечает успехи, достигнутые в преподавании иностранных языков в Харьковском коллегиуме³. В. К. Бобровникова и Н. В. Юдина в статье «Из истории преподавания иностранных языков в России»⁴ отмечают

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 262.

² И. В. Рахманов. Очерк истории преподавания новых западноевропейских языков. Докт. дисс., М., 1946 г., стр. 166—168.

³ В. Д. Аракин. История преподавания иностранных языков в России, ч. I. История распространения, изучения и преподавания иностранных языков в России с древнейших времен до середины XVIII века. Канд. дисс., М., 1947, стр. 292—296.

⁴ Ж. «Иностр. языки в школе», 1949, № 4.

заслуги Московского университета в развитии методики преподавания иностранных языков в России и приводят отрывки из «Способа учения». Затрагивает вопросы преподавания французского языка в XVIII в. Г. В. Степанов в статье «История изучения романских языков в России и в СССР»¹. Некоторые учебные пособия по иностранным языкам анализирует Л. Л. Додон в своей статье «Учебная литература русской народной школы второй половины XVIII в. и роль Ф. И. Янковича в ее создании»².

Но даже те авторы, которые не отрицают прогрессивных черт русской педагогики второй половины XVIII в., не указывают, были ли эти прогрессивные идеи высказываниями отдельных лиц и оставались лишь пожеланиями или это была четкая линия всей педагогической и методической системы того периода, находившая отражение в инструкциях и подобных документах.

В данной статье делается попытка на основании архивных материалов, учебных пособий и других источников раскрыть некоторые характерные особенности обучения иностранным языкам во второй половине XVIII в. В основном исследуемый материал относится к учебным заведениям Слободской Украины. Однако, учитывая тесные связи, существовавшие уже тогда между русской и украинской культурами, мы неизбежно должны будем касаться тех общих положений, которые характеризуют просвещение в России вообще.

Во второй половине XVIII в. в России заметно шло разложение феодально-крепостнического строя и развитие капиталистического уклада. Этот процесс сопровождался обострением классовой борьбы. Рост противоречий приводил к дальнейшему усилению абсолютизма. Дворянское правительство еще до крестьянской войны 1773—1775 гг. было вынуждено лавировать, прибегать к отдельным мероприятиям в духе «просвещенного абсолютизма», считаться с возрастающим значением купечества, с потребностями экономически развивающегося государства. В результате всего комплекса политико-экономических отношений того периода создалось такое положение, при котором, несмотря на реакционный характер русской чиновничье-дворянской монархии, в русской культуре зарождались и все более усиливались элементы демократической культуры, развивалась наука и просвещение. Хотя господствующее место занимала дворянская культура, но косность и нежелание дворянства приобщиться к труду вынуждали правительство допускать представителей других сословий в усиленно развивающийся бюрократический аппарат и готовить кадры для растущего производства из разночинцев. Наука и просвещение стали принимать все более светский характер.

Украина также вступила на путь капиталистического развития. После воссоединения Украины с Россией процесс формирования украинской культуры протекал в тесной связи с формированием русской культуры. Украинская и русская культуры в своем развитии взаимно обогащались, происходил обмен научными кадрами. Так, значительную роль в истории русской науки и просвещения сыграли воспитанники Киевской академии — Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Стефаний Яворский, Феофан Прокопович и др. В более поздний период ряд выпускников Харьковского коллегиума занял почетное место в истории русского просвещения и культуры: назовем профессоров Московского университета И. А. Двигубского и Е. О. Мухина, первого русского кли-

¹ «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова». Серия филол. наук, вып. 35, 1958, № 232, стр. 167—168.

² «Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 118, 1955, стр. 187—192, 202—207.

ниста Г. И. Базилевича, историка и публициста М. Т. Каченовского, переводчика «Илиады» Н. И. Гнедича и др.

Особое значение среди учебных заведений Слободской Украины и всей России имел Харьковский коллегиум, открытый в 1726 году. Хотя он и находился под управлением духовного ведомства, но в течение долгого времени был относительно всесословным учебным заведением. Однако роль его мало показана в советской исторической литературе. В «Истории Украинской ССР»¹ Харьковскому коллегиуму посвящено всего несколько строк. В книге А. Г. Слюсарского «Слобідська Україна»² ему отведено менее страницы. Между тем именно в этом учебном заведении были отчетливо заметны прогрессивные тенденции в области педагогики. Наиболее полные сведения о коллегиуме мы находим в до-революционных работах А. С. Лебедева³, Н. Стеллецкого⁴, Д. И. Багалей, Д. П. Миллера⁵ и др.

Использование архивных материалов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ) и в Харьковском филиале государственного архива (ХФЦГИА), позволяет установить ряд новых данных об обучении иностранным языкам в Харьковском коллегиуме.

Основание коллегиума было связано с распоряжением Петра I об открытии школ при архиерействах. В 1726 г. находившаяся в Белгороде Славяно-греко-латинская школа была переведена в Харьков и стала основой Харьковского коллегиума. Относительно общесословный характер этого учебного заведения оговорен в императорской именной грамоте от 16 марта 1731 г., в которой предписывается принимать в коллегиум «всякого народу и звания детей православных»⁶. В отдельные годы число разночинцев в некоторых классах достигало 25%. Естественно, большинство учащихся коллегиума были детьми духовенства, но по окончании коллегиума, а иногда и ранее их либо направляли в «присутственные места» в качестве канцелярских служащих, либо переводили в другие учебные заведения (в Московский университет, медицинские школы). Кроме того, выпускников, а часто и учеников зачисляли в учителя коллегиума и других учебных заведений или посылали «на кондиции» в дома представителей различных сословий в качестве домашних учителей⁷.

В 30-х годах из коллегиума было отправлено в Германию несколько молодых людей для подготовки их к учительскому званию. В это время были введены немецкий и французский языки, для преподавания которых были вызваны учителя из-за границы, а также выписаны книги. Столь раннее введение в учебный план новых западноевропейских языков выгодно отличает Харьковский коллегиум от других духовных школ, где новые языки начали преподавать только к концу XVIII века. Очень хорошо было поставлено преподавание латинского языка. От учащихся

¹ История Украинской ССР, под ред. А. К. Касименко, В. А. Дядиченко, Ф. Е. Лось и др., т. I. Изд-во АН УССР, К., 1953, стр. 398.

² А. Г. Слюсарський. Слобідська Україна. Історичний нарис XVII—XVIII ст., Харківськ. книжк.-газ. вид-во, Харків, 1954.

³ А. С. Лебедев. Харьковский коллегиум как просветительный центр Слободской Украины до учреждения Харьковского университета. М., 1886.

⁴ Н. Стеллецкий. Харьковский коллегиум до преобразования его в 1817 г. Ж. «Вера и разум», Харьков, 1895.

⁵ Д. И. Багалей и Д. П. Миллер. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 г.), т. I. Харьков, 1905, стр. 388—432.

⁶ Цит. по М. Владимировскому-Буданову. Государство и народное образование в России XVIII в., ч. I. Ярославль, 1874, стр. 320.

⁷ См. А. Лебедев. Указ. соч., стр. 20, 22, 23; Д. И. Багалей и Д. П. Миллер. Указ. соч., стр. 397, 398. ХФЦГИА, ф. 692, д. 365, 283 и некоторые другие за 1771—1789 гг.

требовалось умение не только переводить с латинского на русский и обратно, но и говорить и писать на нем. Диспуты на богословские темы каждый месяц проводились попеременно на русском и латинском языках.

2 февраля 1768 г. при Харьковском коллегиуме были открыты так называемые прибавочные классы, причем имелось в виду «...в классы сих прибавочных наук принимать одних сирот и самых бедных и неимущих пропитания детей, какого бы они чина и звания ни были возрастом от 6 до 7 лет, исключая, однако, крестьянских и подданических детей, та-кож увечных, слепых и одержимых такими болезнями, которые других вредить могут»¹.

Учебный план прибавочных классов Харьковского коллегиума вначале (по проекту 1767 г.) включал классы французского и немецкого языков, математики, геометрии, рисования, инженерства, артиллерии и геодезии, а к 1788 г. состоял уже из 18 предметов: русского языка, русской грамматики и стиля, немецкого языка (с отдельными классами чтения и письма, грамматики, синтаксиса и перевода), французского языка (с теми же классами), закона божьего, арифметики, геометрии, артиллерии и фортификации, истории и географии, физики, механики, геодезии, рисования, архитектуры, вокальной и инструментальной музыки и танцев. Обучение в прибавочных классах имело вполне светский характер.

Иностранным языкам в учебном плане было отведено значительное место — не менее 16 часов в неделю. Насколько высоки были требования, предъявлявшиеся к знаниям иностранных языков, видно из договора, заключенного 10 мая 1771 г. с учителем французского языка П. Аттоном, где указывается, что он должен учить читать, писать и говорить по-французски каждый день по 4 часа, а два часа в неделю обучать на французском языке (разрядка наша.— О. Ф.) истории и географии, что, конечно, требовало хорошего понимания речи учителя на французском языке². При выпуске каждый студент должен был продемонстрировать умение переводить с немецкого или французского языка на русский и писать сочинения на этих языках³. Переводы и сочинения студентов предполагалось даже печатать в типографии. От учащихся требовалось умение не только переводить, но и говорить на иностранном языке.

В связи с недостаточным количеством учебных заведений, готовящих преподавательские кадры в России, коллегиум вначале был вынужден приглашать на работу иностранцев — П. Аттона, Ф. Ольденборгера и других. От них требовалось хорошее знание русского языка, так как «кто сам русского языка совершенно не знает, тот иностранному никогда прямо обучать не может»⁴. Но, видимо, руководство коллегиума сразу же осознало недостатки работы учителей-иностранцев и поставило задачу подготовки своих педагогических кадров. Вышеупомянутый П. Аттон обязался взять к себе в дом четырех учеников коллегиума, чтобы они, постоянно упражняясь во французском языке, овладели устной речью и через год—полтора смогли стать «учительскими помощниками»⁵.

Такая постановка дела обеспечивала создание «языковой среды», способствовала развитию навыков устной речи и практическому овладению иностранным языком. В дальнейшем ученик П. Аттона—Г. Д. Дмитриев стал учителем французского языка в казенном училище, как впоследствии стали называть прибавочные классы. Преподаватель немецко-

¹ ЦГИАЛ, ф. 730, д. 122, л. 38.

² ХФЦГИА, ф. 399, д. 756, л. 1—2.

³ ЦГИАЛ, ф. 730, оп. 1, д. 122, л. 41.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 730, оп. 1, д. 122, л. 40.

⁵ ХФЦГИА, ф. 399, д. 756, л. 13.

го языка Я. Барзын также учился в Харьковском казенном училище. Наиболее способных учеников оставляли работать в самом коллегиуме. Например, из указа от 4 января 1789 г. явствует, что на место умершего преподавателя греческого языка Петра Попова был определен ученик богословского класса Алексей Фидовский¹.

Об успехах, достигнутых коллегиумом в преподавании новых языков, можно судить и по тому, что учеников его старших классов охотно приглашали в качестве преподавателей иностранных языков в дома дворян, купцов, мещан и духовенства.

К сожалению, о методах и приемах обучения иностранным языкам в первой половине XVIII в. сохранилось мало материалов. Наибольший интерес представляет инструкция, направленная епископом Самуилом Миславским в коллегиум в 1769 г.², т. е. за два года до выхода в свет «Способа учения». В этой инструкции новые иностранные языки отдельно не рассматриваются, но указывается, что на богословском факультете не должно быть ни одного студента, который, кроме латинского, не изучил бы еще одного языка по своему выбору. Преподаватели немецкого и французского языков, очевидно, также руководствовались инструкцией, так как в коллегиуме был установлен строгий контроль над методами обучения, и учителя ежемесячно отчитывались о пройденном материале, что видно из сохранившихся рапортов³.

Одним из основных методов преподавания был перевод с иностранного на родной язык и с родного на иностранный. Но если в западноевропейской методике господствовал дословный перевод, то в коллегиуме требовалось полное соответствие перевода нормам языка, на который переводили. В инструкции имеется ряд указаний подобного характера. В частности, в пятом параграфе первого раздела говорится: «...Перевод оных положений должен быть самым чистым и русским языком свойственным штилем сделанный» (разрядка наша.— О. Ф.)⁴. Большое внимание в инструкции уделяется необходимости научить правильному произношению как латинскому, так и русскому. С этой целью рекомендуется учить, во-первых, греческому, а потом французскому и немецкому, но ни в коем случае нескольким языкам одновременно (особенно французскому и немецкому), так как «если вдруг обучать всем языкам, то никогда произношения хорошего не могут получить»⁵. Ученикам школы латинской грамматики не позволялось обучаться другим языкам до окончания грамматического класса, т. е. пока не заложены основы знания грамматики латинского и русского языков.

При объяснении правил рекомендуется давать свои примеры, сначала в элементарном виде, а затем «с должным украшением»⁶. Правила учащиеся не заучивают наизусть, а усваивают на основе анализа текста, в процессе чтения, когда анализируются также и встречающиеся там периоды, тропы и фигуры речи, причем тексты сравниваются с имеющимся в библиотеке коллегиума образцовым переводом. Особенно подчеркивается необходимость постоянного упражнения в употреблении изучаемого материала: «...Ребенок, хотя все правила из какой-нибудь самой лучшей грамматики наизусть выучит, однако от того ни малейшей помощи к разумению и письму иметь не может, естли не приучен будет беспрестанно оные в действие употреблять и в чужих и в своих собствен-

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 365, л. 21.

² ХФЦГИА, ф. 692, д. 412.

³ Там же, д. 267, 2351 и др.

⁴ ХФЦГИА, ф. 692, д. 412, л. 1.

⁵ Там же, л. 3.

⁶ Там же, л. 5.

ных сочинениях»¹. Заучивание наизусть стихотворений и небольших рассказов рекомендуется как упражнение для выработки хорошего произношения. Грамматические упражнения даются на замену падежей, чисел, времен и т. п., т. е. нечто вроде упражнений типа подстановочных таблиц. Для этого используют как «Видимый мир в картинах» Я. А. Коменского, изданный в 1768 г. в Москве на латинском, русском, немецком, итальянском и французском языках, так и диалоги из учебника Целлярия. При объяснении грамматического материала для наглядности в преподавании рекомендуется широко использовать записи на доске или таблицы.

Большое внимание в инструкции уделяется и работе над орфографией. Для этого проводят списывание (с последующей проверкой учителем) и диктанты. Уже на начальном этапе обучения учащиеся должны вести словарики, что способствует лучшему запоминанию лексического материала. Инструкция требует, чтобы учащиеся говорили между собой и с учителями на латинском и других изучаемых языках, используя материал упомянутых диалогов и «Видимого мира».

Еженедельно, по субботам, проводится повторение материала, выученного за неделю, при этом особенно требуется умение анализировать текст. Такое же повторение бывает в конце каждого месяца. Таким образом обеспечивается прочность усвоения. Основным дидактическим принципом инструкции является принцип сознательного изучения материала. В дальнейшем (после 1773 г.) в прибавочных классах как методическое руководство использовался и «Способ учения».

В качестве пособий по немецкому языку главным образом пользовались немецкой грамматикой Гелтергофа, немецкой хрестоматией И. Гейма, учебным пособием «Зрелище вселенная», а также азбуками и разговорниками. Пособиями по французскому языку служили грамматики Т. Перелогова и М. Соколовского, «Французский Целлярий или полезный лексикон», «Зрелище вселенная», азбуки, разговорники и «Сокращение странствований Телемака, сына Улисса» Фенелона, переработанное Эйнерлингом.

Анализ инструкции и других материалов позволяет сделать выводы о прогрессивном характере требований, предъявлявшихся к обучению иностранным языкам в Харьковском коллегиуме. Хотя метод обучения языкам можно считать в основных чертах грамматико-переводным (как и на Западе), однако он не был интуитивным, так как опирался на принцип сознательности. Он не являлся единственным методом, поскольку целевая установка коллегиума требовала умения не только переводить, но и говорить на иностранном языке. Перевод отнюдь не был дословным, так как должен был соответствовать нормам языка, на который переводили. Использовалось сравнение языков, и осуществлялась наглядность в преподавании их. Весьма вероятно, что некоторые установки оставались лишь благими пожеланиями и учителя часто сбивались на старые пути и методы, отдавая предпочтение грамматике, но отрядным является уже тот факт, что подобные документы были руководством к действию.

¹ ХФЦГИА, ф. 692, д. 412, л. 9.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

ПЕВЕЦ ДОБРА И КРАСОТЫ

(К 70-летию со дня рождения М. Ф. Рыльского)

П. Я. Корж

Советская общественность и прогрессивные круги за рубежом отметили семидесятилетие со дня рождения крупнейшего поэта современности, выдающегося ученого и общественного деятеля — Максима Фаддеевича Рыльского.

Свыше полувека самоотверженного труда посвятил М. Рыльский развитию украинской культуры. Его большой творческий путь не был простым и легким. Вступив на литературную арену пятнадцатилетним юношей, пытавшимся найти счастье «на белых осгровах», М. Рыльский постепенно, но неуклонно рос и мужал как поэт и гражданин, все глубже и глубже осознавая свою связь с народом, с эпохой строительства новой жизни, открытой Великим Октябрем. Крепло мировоззрение и эстетическое кредо поэта, расширялись горизонты его творчества, проникнутого верой в коммунистические идеалы. Развивая свой могучий талант на основе принципов социалистической эстетики, идя по пути партийности и народности, М. Рыльский поднялся на вершины советской поэзии, заслужил высокое имя классика литературы социалистического реализма. Его богатое и разностороннее наследие вошло в золотой фонд многонациональной советской культуры, стало идейным оружием народа в борьбе за коммунизм.

Поэтическое творчество М. Рыльского характеризуется исключительным многообразием и широтой охвата жизненных явлений, глубиной художественно-философских обобщений, блестящим мастерством. В нем отразились важнейшие общественные процессы и устремления времени, думы и чаяния народа, воспета его победная поступь в коммунистическое завтра. Его поэзия по своему духу ярко самобытна и народна как в сфере чувств, мыслей, настроений, так и в области художественно углубленного анализа жизни.

Определяющей чертой лирики М. Рыльского является пафос жизнеутверждения, прославление красоты нового мира, человека творческого труда. «Наше искусство, — писал поэт, — это искусство, посвященное здоровому и красивому человеку, человеку-творцу, человеку-труженику, его радостям, его болям, его борьбе»¹. В этих словах М. Рыльского не только понимание сущности и назначения советского искусства, но и выражение собственных эстетических принципов, нашедших яркое воплощение в творчестве художника. Он постоянно поет гимн человеку труда.

Бо тільки в праці виростає подвиг,
Бо тільки в праці родяться герої,
Бо тільки в праці геній постає. («Триптих про кобзарів»)

¹ Максим Рильський, Твори (в десяти томах), т. IX, К., 1962, стр. 165.

Глубокие размышления о советской действительности, о созидательной деятельности свободного человека, его душевном богатстве и моральной красоте породили чудесные строки:

Ми працю любимо, що в творчість перейшла,
І музику палку, що ніжно серце тисне.
У шастя людського два рівних є крила:
Троянди й виноград, красиве і корисне. («Троянди й виноград»)

Поэтической стихией М. Рыльского была природа. Он был вдохновенным певцом родной земли, великолепным мастером пейзажной лирики. Созданные поэтом картины природы воспринимаются в органическом единстве с человеком, преобразующим и подчиняющим ее:

І ти, людино, в себе у ногах
Побачиш постать гордої природи. («Вода й повітря...»)

Яркие образцы пейзажной лирики М. Рыльского дают возможность почувствовать очарование и животворящую силу природы, раскрывают своеобразие и красоту окружающего мира. Нередко они вызывают определенные ассоциации, наполнены аллегорическим содержанием, как бы продиктованы желанием сказать, что

Часом можна висловить пейзажем
Те, для чого слів нема людських. («Почорніли заводи в озерах...»)

Характерной чертой лирики М. Рыльского является ее философская насыщенность. Поэту присуще необыкновенное умение делать широкие, полные глубокого смысла обобщения и выводы из конкретных, иногда на первый взгляд незначительных фактов и явлений повседневной жизни. Сошлемся хотя бы на один пример:

Ластівки на телеграфнім дроті...
Чи не твій прообраз, майбуття:
Ясністю окрилене життя
З генієм людським в одному льоті! («Ластівки»)

Раздумья М. Рыльского охватывают разнообразнейшие стороны общественной жизни и проявления человеческого духа. Но, пожалуй, самые светлые, благородные мысли и чувства поэта обращены к родине — Стране Советов. Он был неутомимым и вдохновенным ее певцом.

У праці, в співі, рано й пізно,
Як до землі колись Антей,
Ми припадаємо, Вітчизно,
Тобі до трепетних грудей. («Вітчизні»)

Родине, народу, партии поэт отдавал всю свою любовь, «працю рук, зусилля мозку, блиск очей і серця кров!»

Пламенный патриот, поэт глубоко национальный, М. Рыльский вместе с тем художник-интернационалист. Тема братской солидарности, дружбы народов является постоянной темой его творчества. Поэт мечтал о счастье и мире для всех простых людей земного шара. Он имел полное право сказать:

Земні народи, люди, племена,
До вас я руки й серце простягаю. («Людам і народам»)

Идеи гуманизма, дружбы народов, которыми пронизаны стихи М. Рыльского, близки и дороги всем советским людям и их друзьям за рубежом.

М. Рыльский не только проникновенный лирик, но и поэт-борец, поэт-трибун. Эти черты в своем гармоническом единстве определяют

одну из существенных сторон творческой индивидуальности поэта. Они с особой силой раскрылись в годы Великой Отечественной войны. Поэзия М. Рыльского тех лет по-боевому публицистична, наполнена героическими образами и мотивами, проникнута жгучей ненавистью к врагам, горячей верой в победу советского народа над черными силами фашизма.

О, земле рідная! Не жатиме неситий
Пшениці на твоїх ланах!
Жила, живеш, довіку будеш жити,
Безсмертна у віках! («Голос сина»)

Исключительно большое место в лирике М. Рыльского занимает тема искусства. Многократно обращаясь к ней, он последовательно отстаивал принципы партийности и народности, всей своей творческой практикой утверждал, что подлинное призвание поэта — в служении партии, народу. М. Рыльский был страстным борцом за реалистическое искусство, тонким его ценителем, глубоким знатоком внутреннего мира художника, «секретов поэтического творчества». Казалось бы сугубо профессиональные раздумья о писательском труде у М. Рыльского превращаются в удивительно яркие и неповторимые образцы настоящей поэзии («Наддеснянські роздуми», «Поетичне мистецтво» и др.).

М. Рыльскому свойственно неутомимое движение вперед, неустанные поиски новых и смелых открытий. Участь у народной песни, творчески перенимая опыт Шевченко, Пушкина, Мицкевича и других великих поэтов, продолжая лучшие традиции отечественной и мировой литературы, М. Рыльский никогда и ни в чем не был подражателем. «Лучший способ, подражания великому поэту, — писал он, — это быть оригинальным»¹. Этому принципу он следовал до конца, оставаясь глубоко самобытным и неповторимым художником.

Однако поиски нового у М. Рыльского никогда не были самоцелью. Поэта не привлекала «порожніх слів краса скороминуща», ему были чужды формализм, вычурность, малейшее отступление от реализма. Его творческим девизом могло бы стать собственное выражение:

... Суворя простота,
Що слова зайвого в свої рядки не візьме,
Струнка гармонія, що з думки вироста. («Сонет»)

С глубоким возмущением М. Рыльский говорил о представителях «нового искусства», беспощадно высмеивал и решительно отвергал бездумные порождения абстракционизма.

Чи варті слова — де там! рами
І навіть місця на стіні
Оті огидні тьмяні плями
На вашім мертвім полотні,

Оті безглузді сплети ліній,
Те все бездумне і пуста,
Що ви в засліплений гордині
Новим мистецтвом зовете! —

писал он в стихотворении «Представникам «нового мистецтва».

М. Рыльский — художник широкого творческого диапазона. Это в полной мере проявилось в жанровом разнообразии его поэзии. Здесь мы встречаем стихи страстного публицистического звучания и лиро-эпические портреты (современников и выдающихся деятелей прошлого), стихи-послания и интимную лирику, пейзажные зарисовки и песни, тор-

¹ Максим Рильський. Твори (в десяти томах), т. X., К., 1962, стр. 175.

жественные оды и гневные инвективы, стихотворные рассказы и лирические раздумья (медитации), большие элические и лиро-эпические формы (повесть в стихах «Марина», поэмы «Слово про рідну матір», «Мандрівка в молодість», «Жага» и др.).

Исключительно высоко мастерство М. Рыльского и в области художественной формы. Богатство поэтических тропов и фигур, поэтического синтаксиса и звуковой архитектоники, ритмики и строфики, свойственное его поэзии, — целая школа для молодых поэтов, блестящий образец для всех, кто стремится подняться на вершины поэтической культуры.

Трудно переоценить заслуги М. Рыльского в обогащении и развитии украинского литературного языка. Титаническим своим трудом он, по характеристике О. Гончара, «развил, углубил возможности родного языка, обнаружил его новые, еще не раскрытые до него богатства и навеки неувядающую красоту»¹.

Исключительно много и плодотворно работал М. Рыльский в области художественного перевода. Диапазон деятельности его как переводчика необычайно широк. Он охватил произведения классиков зарубежной и отечественной литературы, многих выдающихся писателей братских литератур народов СССР и современных поэтов других стран. Среди них — Данте, Буало, Корнель, Расин, Мольер, Вольтер, Гюго, Шекспир, Гете, Гейне, Мицкевич, Словацкий, Пушкин, Гоголь, Крылов, Лермонтов, Грибоедов, Ершов, Некрасов, Горький, Я. Райнис, Я. Колас, Я. Купала, М. Светлов, М. Исаковский, Н. Тихонов, Г. Тобидзе, А. Исаакян, А. Венцлова, Ю. Тувим, Н. Хикмет, П. Неруда и многие другие.

Особенностью М. Рыльского как теоретика и практика художественного перевода было стремление к точности в передаче содержания и формы, к сохранению духа и стиля, богатства и красоты оригинального произведения.

... Треба, щоб слова
З багатих не зробилися убогі,
Щоб залишилась думка в них жива
І щоб душі поетової вияв
На нас, як рідний, з чужини пов'яз. («Мистецтво перекладу»)

Многие осуществленные М. Рыльским переводы стали подлинными шедеврами искусства слова, обогатившими сокровищницу украинской культуры. Среди них особого упоминания заслуживают переводы «Пана Тадеуша» А. Мицкевича и «Евгения Онегина» А. Пушкина.

Переводческую деятельность М. Рыльский рассматривал как один из важнейших политических и культурных факторов, способствующих сближению и взаимопониманию народов и обмену духовными ценностями. Деятельность М. Рыльского как переводчика академик А. И. Белецкий справедливо назвал «великим подвигом поэта и гражданина»².

М. Рыльский — крупнейший теоретик художественного перевода. Его талантливые исследования («Художній переклад з однієї слов'янської мови на іншу», «Проблеми художнього перекладу» и др.) получили всемирную известность и признание.

Всеобъемлющий талант М. Рыльского ярко проявился и в области науки. Круг интересов его как ученого необычайно широк — история и теория литературы, искусствоведение, фольклористика, этнография, языкознание. В каждой из этих наук он обнаружил свою колоссальную эрудицию, сумел сказать свое слово. Все это составляет около двад-

¹ «Литературная газета» от 28 июля 1964 года.

² О. І. Білецький. Творчість Максима Рыльского. В кн. Максим Рыльський. Твори в десяти томах, т. І, К., 1960, стр. 47.

пяти книг («Велика дружба», «Классики и современники», «Наша кровна справа», «Про мистецтво», «Литература и народ», «Поезія Тараса Шевченка», «Вечірні розмови», «Про людину, для людини» и др.). Среди работ М. Рыльского — многочисленные литературно-критические и публицистические статьи, доклады, прочитанные на научных конференциях и форумах ученых, фундаментальные исследования.

Обладая большим творческим опытом, разносторонними познаниями, М. Рыльский проявил себя как подлинный теоретик, обобщавший процессы, происходившие и происходящие в литературе и искусстве. В его работах получили научное обоснование и истолкование многие важнейшие вопросы социалистического реализма. Большое внимание он уделял проблемам партийности и народности, традиций и новаторства, принципам типизации, специфике творческого процесса, творческой самобытности художника. Сделанные им наблюдения и выводы отличаются свежестью, оригинальностью, глубиной проникновения в существо затронутых вопросов.

Велики заслуги М. Рыльского и в области истории литератур — украинской, русской и зарубежной, в частности польской. Здесь следует назвать как общие литературоведческие труды (например, «Українська поезія дожовтневої пори»), так и работы, относящиеся к творчеству отдельных писателей (А. Пушкин, М. Лермонтов, И. Франко, И. Тобилович, Л. Украинка, В. Самийленко, А. Олесь и др.). Особенно большой глубиной и обстоятельностью отличаются его работы, посвященные творчеству А. Мицкевича и Т. Шевченко. Много проникновенных слов сумел сказать М. Рыльский о творчестве современных украинских писателей (А. Довженко, О. Вишня, А. Малышко, М. Стельмах, П. Воронько) и писателей других братских республик (Н. Тихонов, Н. Ушаков, Я. Колас, Я. Купала, Д. Гофштейн, А. Исаакян, Е. Чаренц). Большую заботу проявлял он о творчестве молодых писателей. В литературоведческих работах, критических статьях и этюдах М. Рыльского много внимания уделено вопросам литературных связей, поэтике, художественному мастерству. И в этом, пожалуй, их особая ценность и привлекательность.

Целый ряд работ посвятил М. Рыльский театру, кино, музыке, деятелям культуры. Неизменно его интересы были обращены к устному народному творчеству. Это нашло отражение и в большой организаторской деятельности, и в исследованиях, высоко оцененных научной общественностью («Героїчний епос українського народу», «Українські думи і історичні пісні», «Краса і велич народної творчості»).

Многое сделал М. Рыльский также в области языкознания. Здесь, как и в других отраслях науки, круг его интересов широк и разнообразен: история украинского литературного языка и стилистика, нормы современного украинского литературного языка и культура речи, межъязыковые контакты и вопросы языкового мастерства писателей. Нельзя не упомянуть и о том вкладе, какой он внес в лексикографию, принимая активное участие в составлении и редактировании словарей.

Признанием выдающихся заслуг М. Рыльского в области науки и творческой деятельности явилось избрание его академиком АН УССР и академиком АН СССР. В 1964 году ему было присвоено звание почетного доктора Ягеллонского университета (Польша).

Немало сил и энергии отдал М. Рыльский работе на посту директора Института фольклора, этнографии и искусства АН УССР, ныне носящего его имя. Он был членом президиума АН УССР, руководил Украинским комитетом славистов, входил в состав всесоюзного и международного комитетов славистов.

Тесные связи поддерживал М. Рыльский с Харьковским государственным университетом им. А. М. Горького, как и со многими другими вузами и научными учреждениями. Будучи в течение ряда лет членом Ученого совета филологического факультета Харьковского университета, он принимал активное участие в его работе, неоднократно выступал в качестве официального оппонента на защите диссертаций. Он охотно делился своими подлинно энциклопедическими знаниями, оказывал своими мудрыми советами большую помощь кафедрам и сотрудникам факультета. Его беседы, доклады и сообщения всегда были проникнуты большой заботой о развитии филологической науки, о расцвете советской литературы и искусства. Каждый приезд М. Рыльского в Харьковский университет был настоящим праздником для всего коллектива профессоров, преподавателей и студентов.

Свою многогранную творческую и научную деятельность М. Рыльский сочетал с активным участием в общественно-политической жизни страны. Он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР, был председателем правления Союза писателей Украины, членом правления Союза писателей СССР и членом президиума Союза писателей УССР, вице-президентом Всеславянского комитета, возглавлял Украинское общество советско-польской дружбы, входил в состав президиума Украинского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

Плодотворная творческая и общественная деятельность М. Рыльского, его выдающиеся заслуги перед Родиной высоко оценены партией и народом. Он является лауреатом Ленинской и Государственных премий, награжден орденами и медалями Советского Союза.

М. Рыльский — удивительно яркая личность, соединившая в себе могучее дарование художника слова, многогранный талант ученого, пламенную страстность гражданина, душевную красоту и доброе сердце человека-гуманиста, отдавшего всего себя служению родному народу. О Максиме Фаддеевиче Рыльском хочется сказать его же словами (стихотворение «Горячий, простой, честный...»):

Він жив посеред нас — він вічно буде з нами.

НАШ КАЛЕНДАРЬ

И. К. БЕЛОДЕД — КРУПНЫЙ УЧЕНЫЙ-ЛИНГВИСТ

(К 60-летию со дня рождения)

П. Я. Корж, Ф. Ф. Медведев

Иван Константинович Белодед — известный советский языковед, академик АН Украинской ССР, доктор филологических наук, профессор, директор Института языкознания им. А. А. Потебни АН УССР, вице-президент АН УССР — за годы своей многолетней деятельности обогатил советскую науку о языке рядом глубоких и талантливых трудов, имеющих большое теоретическое и практическое значение.

До 1928 года И. К. Белодед работал учителем в сельской школе, затем учился на филологическом факультете Харьковского университета, который окончил в 1932 году. Профессор Л. А. Булаховский еще в университетские годы И. К. Белододе отметил его склонности к лингвистическим исследованиям, привлек молодого специалиста-филолога к научной и преподавательской работе в высшей школе. В это время появляются его первые печатные труды по вопросам языкознания. В последующие годы наряду с педагогической работой в высших учебных заведениях Харькова, Киева, Львова И. К. Белодед развертывает свою научную деятельность. С особой силой талант ученого раскрылся в послевоенные годы. Интенсивно занимаясь собственными исследованиями, он с большой энергией отдается организаторской, общественно-политической работе, руководит украинскими языковедческими кадрами.

Исследования академика И. К. Белододе охватывают многие узловые проблемы современной лингвистической науки. Он опубликовал более двухсот научных трудов, в том числе значительное количество монографий.

Академик И. К. Белодед — ученый-языковед широкого диапазона. Его интересуют вопросы общего языкознания и исторической грамматики, лексикологии и лексикографии, теории перевода и истории отечественного языкознания. Но основное внимание он уделяет изучению истории литературного языка и лингвистистики.

Из трудов И. К. Белододе, относящихся к этой области науки, следует прежде всего назвать большое синтетическое исследование «Питання розвитку української художньої прози (переважно післявоєнного періоду 1945—1950 рр.)», явившееся значительным событием в советском языкознании. В нем на большом фактическом материале прослежена творческая практика украинских советских писателей

в области языка, рассмотрены изобразительные средства и словесно-художественное мастерство, сделаны глубокие теоретические обобщения относительно основных направлений развития и источников обогащения языка художественной литературы в советскую эпоху, принципов социалистического реализма в языке и стиле произведений эпической формы.

Значение рассматриваемой работы И. К. Белододе заключается и в том, что она стимулировала дальнейшие научные поиски ученых Украины в области лингвистистики, знаменовала собою начало широких исследований языка художественной литературы, особенно в конце 50-х и начале 60-х годов. Эта книга помогла языковедам не только ставить важные проблемы, связанные с языковым мастерством того или иного писателя, но и решать теоретические вопросы социалистического реализма в проблематике языка и стиля.

Широтой кругозора и глубоким проникновением в творческую лабораторию характеризуются работы И. К. Белододе, посвященные анализу языкового мастерства классиков украинской литературы и выдающихся советских художников слова. Одной из таких работ явилась монография «Мова и стиль роману «Вершники» Ю. Яновського». Она отличается обстоятельностью анализа лексических категорий, синтаксических структур, поэтических образов и тропов произведения, анализа, который подчиняется выяснению индивидуального своеобразия писателя. Поскольку это обуславливается не только языковой практикой, но и мировоззрением художника слова, ученый умело затрагивает вопросы, выходящие за рамки сугубо лингвистического исследования. Монография является ярким образцом изучения языкового мастерства писателя, тонким выявлением идейно-эстетических функций поэтического слова. Как и другие работы автора, она получила высокую оценку научной общественности.

Большой научный и практический интерес представляет фундаментальное исследование И. К. Белододе «Поетична мова Максима Рильського». В нем глубоко раскрыта высокая языковая культура творчества поэта, отразившая расцвет его могучего индивидуального дарования и достижения советской литературы, охарактеризованы теоретические взгляды выдающегося художника слова и ученого-языковеда, каким был М. Ф. Рыльский. Своеобразие и тонкость наблюдений, координная научная аргументированность присущи и тем работам академика И. К. Белододе, в которых исследуются язык и стиль таких мастеров художественного слова, как О. Гончар, М. Стельмах, Г. Тютюнник и др.

Плодотворно работает академик И. К. Белодед также в области истории украинского литературного языка дооктябрьской эпохи. Проблематика его исследований широка и разнообразна. Она включает общие историко-лингвистические, теоретические вопросы (стили литературного языка, его периодизация), вопросы развития литературного языка в определенные периоды (XVII, XVIII, XIX и начало XX ст.) и язык произведений выдающихся писателей прошлого (М. Коцюбинский, Л. Украинка и др.). Особого внимания заслуживают работы И. К. Белододе о гениальном сыне украинского народа Т. Г. Шевченко («Т. Г. Шевченко в історії української літературної мови», «Крилате слово Шевченка»). В них показана почва, на которой выросло языковое мастерство поэта, раскрыты особенности, неповторимое своеобразие его стиля и одновременно определено место гениального художника слова в развитии украинского литературного языка. Усилиями академика И. К. Белододе и возглавляемого им коллектива ученых впервые на Украине создан капитальный двухтомный «Курс історії української

літературної мови» (1958, 1961), явившийся значительным вкладом в советское и всеславянское языкознание.

Большое значение для развития украинского языкознания имеют исследования И. К. Белододе в области украинского устного литературного языка, культуры речи, лексикологии и лексикографии.

И. К. Белодед принадлежит к числу тех ученых, которые, не жалея сил, неутомимо работают над развитием и обогащением нашей науки. Постоянный поиск, стремление откликнуться на значительнейшие проблемы современного языкознания — его характерная черта. Многочисленными исследованиями, изысканиями, рецензиями и даже общедоступными газетными статьями, которые в той или иной мере являются ответом на актуальные вопросы нашей науки и языковой практики, он раскрывает закономерности процесса развития языков социалистических наций периода развернутого строительства коммунизма. Ученый помогает советским писателям совершенствовать языковое мастерство, поднимать их творчество на уровень задач современности.

Исследования И. К. Белододе отличают партийная принципиальность, методологическая четкость, обстоятельность, ясность изложения, своеобразие индивидуального стиля.

Оригинальные труды академика И. К. Белододе получили широкую известность не только в Советском Союзе, но и за рубежом, в частности в странах народной демократии. Он неоднократно выступал с докладами на международных форумах ученых, конгрессах сла-
вистов, на Всесоюзных языковедческих сессиях, конференциях.

И. К. Белодед всегда находит возможность оказать конкретную помощь филологам, работающим в различных вузах Украины, в том числе и языковедам Харькова. Он постоянный член Ученого совета филологического факультета Харьковского университета, редактирует работы наших ученых, филологические сборники, читает специальные курсы, консультирует преподавателей и аспирантов.

Вдумчивый исследователь, глубокий знаток украинского и русского языков, блестящий стилист, И. К. Белодед, без преувеличения, выполняет руководящую роль в разработке актуальных проблем украинского языкознания, во внедрении новых направлений лингвистической науки на Украине. В этом отношении особого внимания заслуживают многочисленные республиканские языковедческие научные конференции и совещания, организованные, как правило, по его инициативе и проведенные под его руководством.

Особенностью научной деятельности И. К. Белододе является тесная связь с жизненной практикой. Каждая его работа в той или иной мере является ответом на злободневные вопросы современной языковедческой науки, ее методологии, методов исследования. И. К. Белодед придает большое значение нормам современного украинского литературного языка. При его активном участии было усовершенствовано ныне действующее украинское правописание («Український правопис», 1960). Его влияние на развитие ведущих вопросов современной лингвистической науки на Украине последовательно осуществляется через Научный проблемный совет по вопросам украинского языкознания, который он возглавляет.

Труды И. К. Белододе вызывают большой интерес не только ученых лингвистов, литературоведов, фольклористов, искусствоведов, историков, но и широких кругов советской интеллигенции, особенно писателей, журналистов, учителей и др.

Много сделано И. К. Белодедом для подготовки молодых научных кадров. Его ученики — доктора и кандидаты наук — работают во мно-

гих высших учебных заведениях и научных учреждениях Советского Союза. Ученый настойчиво воспитывает у своих учеников любовь к языковедческой науке, к родному слову—ценнейшей сокровищнице народа.

На работах И. К. Белододе учились и учатся языковой культуре писатели, журналисты, работники издательств. Его монографиями, исследованиями, учебниками и пособиями пользуются десятки тысяч людей.

Признанием заслуг И. К. Белододе как ученого явилось избрание его академиком АН Украинской ССР, почетным членом Пражского научного лингвистического общества Чехословацкой Академии наук.

И. К. Белодед не только крупный ученый, педагог, талантливый организатор, но и активный общественный и государственный деятель. В период Великой Отечественной войны он находился на командных постах в действующей армии. В послевоенное время он депутат Верховного Совета Украинской ССР пятого созыва, Министр просвещения УССР (1957—1962), вице-президент АН УССР, председатель Секции общественных наук АН УССР, директор Института языкознания им. А. А. Потебни АН УССР, председатель Украинского комитета и член Советского и Международного комитетов славистов, председатель правления Украинского отделения Общества советско-немецкой дружбы.

За заслуги перед Родиной он награжден многими орденами и медалями СССР. Человек большого неутомимого труда академик И. К. Белодед на пороге своего юбилея, как и много лет назад, полон сил и творческой энергии. Отмечая его 60-летие в августе 1966 г., мы с гордостью говорим о нем как об одном из талантливейших воспитанников известной всему миру Харьковской лингвистической школы. И. К. Белодед достойно продолжает славные научные традиции этой школы, прогрессивные традиции выдающихся ученых языковедов, учившихся и работавших в Харьковском университете,— И. И. Срезневского, А. А. Потебни, М. К. Грунского, Л. А. Булаховского, труды которых являются украшением отечественного языкознания.

Академик И. К. Белодед принадлежит к числу тех ученых, которыми гордится не только коллектив Харьковского университета, но и многочисленный отряд советских языковедов.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Общее языкознание	
В. В. Акуленко. Некоторые проблемы общей стилистики	3
В. В. Акуленко. К определению функционального стиля	12
В. М. Овчаренко. Лингвистический анализ семантической структуры английских научно-технических терминов	22
В. М. Овчаренко. Терминологическая цельность многокомпонентных терминологических сочетаний в современном английском языке (на материале терминологии электротехники)	32
М. П. Терехова. Из истории словообразования в латинской медицин- ской терминологии	41
Русский и украинский языки	
И. А. Кирюхина. К понятию о вставных предложениях	50
Ф. А. Коноваленко. О стилистической роли атрибутивных словосоче- таний с именами прилагательными метафорического значения в авторской речи А. М. Горького (на материале романа «Жизнь Клима Самгина»)	55
Ф. Ф. Нехайчик. Из наблюдений над порядком слов в сочетаниях с притяжательными местоимениями в современном русском литературном языке. А. А. Свашенко. Глагольные формы в «Кролевецкой ратушной книге» XVII — первой половины XVIII века	60
Л. М. Черняк. Конструкции с дательным беспредложным в «Житии протопопа Аввакума»	66
Л. М. Черняк. Атрибутивные словосочетания в «Житии протопопа Аввакума»	73
	82
Романо-германское языкознание и вопросы перевода	
В. Д. Берловская. К вопросу о сочетаемости служебного there с различными глаголами	93
С. Ю. Комиссарчик. К вопросу о кратких дифтонгах древнеанглий- ского языка	98
К. И. Ланецкая. Об интонации неполных предложений в современном немецком языке	105
К. И. Ланецкая. Экспериментальное исследование интонации немец- кого предложения (на материале неполных предложений)	113
Л. А. Лисицына. Предложные конструкции с уступительным значе- нием в современном английском языке	129
Е. П. Мартыанова. О лексике русского происхождения в литератур- ном наследии П. Вайяна-Кутюрье	135
Л. Ф. Тарасов. «Германия. Зимняя сказка» Гейне и ее русские пере- воды	145
Л. Ф. Тарасов. Особенности синтаксиса «Германии» Г. Гейне и их отражение в русских переводах	155
М. Б. Шварц. О средствах структурно-семантической связи в предложе- ниях с инфинитивной конструкцией с ипш... zu в современном немецком языке	161
Методика преподавания языков	
М. Д. Левина. Сущность и природа чтения на иностранном языке.	170
О. Д. Феофтистова. О преподавании иностранных языков в учеб- ных заведениях Слободской Украины во второй половине XVIII века (из исто- рии Харьковского коллегиума)	175
Памятные даты	
П. Я. Корж. Певец добра и красоты (К 70-летию со дня рождения М. Ф. Рыльского).	181
П. Я. Корж, Ф. Ф. Медведев. И. К. Белодед — крупный ученый- лингвист	187